

Алексей БЕЗУГОЛЬНЫЙ

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
КРАСНОЙ АРМИИ
1918—1945**

Историко-статистическое исследование

Алексей Безугольный

**Национальный состав Красной
армии. 1918–1945. Историко-
статистическое исследование**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Безугольный А. Ю.

Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование / А. Ю. Безугольный — «Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-09500-8

В работе доктора исторических наук А.Ю. Безугольного рассмотрен этнонациональный аспект истории Красной армии с момента ее основания в 1918 г. и до окончания Великой Отечественной войны. Основу источниковой базы составили выявленные автором и впервые введенные в научный оборот архивные материалы. Особое внимание уделено учетно-статистическим источникам, позволившим изучить те отрасли строительства отечественных вооруженных сил, в которых этничность личного состава имела важное значение. Среди них проблемы организационной структуры воинских частей, комплектования войск личным составом, подготовки национальных кадров командно-начальствующего состава и другие. Поэтому в книге много цифр, таблиц, диаграмм, которые помогли раскрыть тенденции и закономерности этнонациональных процессов в советском военном строительстве. Представленное исследование – итог многолетней научной работы автора. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-227-09500-8

© Безугольный А. Ю., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1. Изучение национального состава Красной армии: достижения и проблемы историографии	15
1.1. Отечественная историография	17
1.2. Зарубежная западная историография	27
1.3. Историография постсоветского пространства	30
Глава 2. Источники по национальному составу Красной армии	35
2.1. Нормативные акты и делопроизводственные документы	36
2.2. Проблемы презентации этничности в статистических документах советского военного ведомства	44
2.3. Органы статистического учета военного ведомства и массовые источники по национальному составу Красной армии	51
2.4. Учет потерь личного состава по национальностям	60
Глава 3. На закате империи. Национальный состав Русской армии в конце XIX – начале XX в.	63
3.1. Бремя угнетателей: имперские этносы и воинская повинность в конце XIX – начале XX в.	63
3.2. Национализация частей Русской армии после Февральской революции	81
Глава 4. Комплектование Красной армии представителями нерусских народов в годы Гражданской войны	88
4.1. Национальные формирования на большевистской службе	89
4.2. «На одинаковых основаниях с остальными гражданами...»: долгий путь к обязательной военной службе	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алексей Юрьевич Безугольный
Национальный состав Красной
армии. 1918–1945. Историко-
статистическое исследование

© Безугольный А.Ю., 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Введение

Российская Федерация – полиэтническая страна, вооруженные силы которой традиционно комплектуются представителями всех населяющих ее народов. В действующей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» изложена современная целевая установка органам государственного и военного управления в национальном вопросе. Стратегия требует «учета этнических и религиозных аспектов в работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, органов внутренних дел Российской Федерации, мониторинг состояния межнациональных отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей»¹.

Между тем нередко военнообязанные из национальных регионов России (в современных условиях речь идет прежде всего о контингенте из республик Северного Кавказа) нуждаются в определенной социальной, культурной и языковой адаптации к военной службе. Это обстоятельство постоянно ставит перед органами государственного и военного управления массу практических вопросов, которые приходится решать с каждым очередным призывом. Призывать ли на военную службу молодежь из национальных регионов? Если да, то конкретно каких национальностей и в каком количестве? Как организовать прохождение ими военной службы: общим порядком в обычных воинских частях или же особым, в составе национальных формирований? Как обеспечить их органичную интеграцию в воинский коллектив, избежав конфликтов и, напротив, обратив на пользу дела особенности их национального характера?

Опыт строительства вооруженных сил современной России показывает, что устоявшихся взглядов, которые были бы выражены в определенной и последовательной государственной политике при комплектовании войск представителями ряда народов России, до сих пор нет. Так, на территории Чеченской Республики последний полноценный призыв граждан в ряды вооруженных сил проводился в 1992 г., после чего он прекратился более чем на двадцать лет. Лишь с 2015 г. чеченцы в незначительном числе вновь призываются на службу в армию и в другие силовые ведомства. В ряде других республик Северного Кавказа военный призыв формально не отменялся, однако путем квотирования призыва руководство российских вооруженных сил существенно сократило приток в войска молодежи коренных национальностей.

Нет сегодня и единого взгляда на необходимость содержания в современных Вооруженных Силах России национальных воинских формирований. В 2000–2010-х гг. в структуре Минобороны РФ и Внутренних войск МВД РФ существовало четыре батальона², комплектовавшиеся преимущественно чеченцами. Эта мера облегчила процесс легализации участников незаконных вооруженных формирований, многие из которых перешли на службу законной власти. Чеченский батальон МО РФ «Восток» принял участие в операции ВС РФ на территории Южной Осетии против грузинских войск в 2008 г. Но постепенно все чеченские подразделения были расформированы. По поручению президента РФ в начале 2010-х гг. прорабатывалась возможность создания национального полка или же одного-двух батальонов из представителей народов Дагестана, но она не была реализована³. С 2016 г. боевую службу на территории Сирийской Арабской Республики несут подразделения военной полиции Минобороны России, укомплектованные по национальному признаку чеченцами, ингушами, жителями Дагестана. Таким образом, определенный опыт национальных формирований

---

¹ Пункт 21.1 Стратегии.

² Батальоны «Восток» и «Запад» 42-й гвардейской мотострелковой дивизии МО РФ и два мотострелковых батальона Внутренних войск МВД РФ: 248-й «Север» и 249-й «Юг».

³ Черновик (Дагестан). 2012. 30 ноября.

в современной России есть. Но в целом вопросы комплектования войск уроженцами Северного Кавказа и формирования национальных частей решаются ситуативно, под влиянием политических обстоятельств.

Между тем существует богатая, разнообразная, но до сих пор мало изученная историческая практика, связанная с комплектованием отечественных вооруженных сил представителями различных народов. Данная книга посвящена наиболее плодотворному и массовому советскому опыту, хотя в ней затронута и предыстория многих начинаний, позднее реализованных советской властью.

С первых дней опора большевиков на местные этносы, пребывавшие при самодержавии в неравноправном по отношению к великороссам социально-правовом положении, стала одним из главных факторов развития революции и советского строя на окраинах бывшей Российской империи. Ставка на нерусское население имела свою специфику, определявшую и особые сценарии развития здесь Гражданской войны. Большевикам в целом удалось «оседлать» национальные движения, направить их в нужное для себя русло и воспользоваться плодами их борьбы, в том числе вооруженной поддержкой со стороны местного населения. После окончания Гражданской войны формирование национальных частей в составе Красной армии было объявлено важной политической задачей, поскольку, по мысли советского руководства, оно способствовало скорейшей интеграции жителей национальных окраин в советский социум. В рамках территориально-милиционной системы комплектования в 1920–1930-х гг. национальные формирования достигали 10 % численности всей Красной армии. В Великую Отечественную войну призыв местных национальностей в союзных и автономных республиках, а также строительство национальных воинских частей получили мощный импульс в связи с большими потерями личного состава и оккупацией врагом традиционной зоны комплектования Красной армии – значительной территории европейской части СССР.

Данное исследование нацелено на обобщение исторического опыта деятельности органов государственного и военного управления в тех аспектах строительства Вооруженных Сил СССР, в которых этнический фактор имел существенное значение, а именно: порядка и способов комплектования рядов РККА национальными контингентами, подготовки национальных военных кадров, организации прохождения военной службы нерусским контингентом военнослужащих и другие вопросы. Сразу нужно подчеркнуть, что мы не ставили перед собой цели осветить военную историю народов нашей страны, боевой путь национальных воинских формирований, ратные подвиги отдельных представителей нерусских этносов – все это уже многократно описано.

Фокус исследования направлен на другое. В первые десятилетия существования советской власти, определившие хронологические рамки монографии, был получен уникальный опыт по привлечению представителей народов СССР в ряды Красной армии. Эта работа носила *целенаправленный* и *систематический* характер (по крайней мере, обе эти тенденции определенно проявились после окончания Гражданской войны). Она велась не только для накопления обученного резерва для комплектования РККА на случай общей мобилизации, но и являлась важнейшим политическим инструментом вовлечения национальных окраин в социалистическое строительство, одним из главных элементов которого было военное строительство. Иных подобных периодов в истории нашей страны не было. Рассмотрение вопросов, связанных с комплектованием вооруженных сил и организацией военной службы представителей народов СССР в рядах Красной армии, является актуальной научной проблемой, поскольку не только отвечает на острые вопросы, связанные с историей советских вооруженных сил, но и проливает свет на особенности государственной национальной политики.

Этнонациональный аспект строительства Красной армии рассмотрен строго в контексте эволюции государственной национальной политики в 1918 г. – первой половине 1940-х гг. Вза-

имосвязь и взаимозависимость этих двух исторических процессов еще никогда не становилась предметом специального изучения.

Методологически исследование основано на диалектическом подходе, позволившем рассмотреть зависимость количественных и качественных изменений национального состава Красной армии от общего курса национальной политики Советского государства и особенностей строительства вооруженных сил. В работе отражены принципы диалектического подхода – историзма, объективности, всесторонности, конкретности, противоречия.

Помимо традиционных методов исторического исследования, особое внимание в работе уделено *количественному* методу, которому следует уделить несколько слов, ибо предшествующие исследователи темы обращались к нему лишь эпизодически. Впервые в настоящей работе анализ национальной проблематики в военном деле осуществлен с опорой на выявленные в ходе исследования учетно-статистические материалы органов государственного и военного управления.

Автор исходил из диалектического понимания неразрывной связи количественной стороны массовых общественных явлений с их качественной стороной, того, что цифровое отражение содержательных аспектов изучаемых явлений и процессов служит самым надежным и точным способом оценки исторической действительности.

Согласно традиции отечественной клиометрической школы, суть количественного метода состоит в «выявлении и формировании системы численных характеристик изучаемых объектов, явлений и процессов действительности, которые в ходе математической обработки создают основу для раскрытия количественной меры соответствующего качества»⁴. Таким образом, речь идет о формализации и анализе статистической информации исторических источников с помощью математических инструментов. То есть текстовая информация переводится в математическую форму, и к ней можно применять математическую логику, формулы, методы анализа. Их можно просчитать, сравнить, выразить в долевого отношении. Визуализируется это в виде таблиц, графиков, диаграмм.

Отметим, что традиционно клиометрические исследования ведутся преимущественно по социально-экономической проблематике. Однако анализ статистического материала вполне допустим и даже желателен и в отношении проблем военного строительства, ибо предметом исследования являются большие массы людей, обладающих хорошо отличимыми признаками (национальность, воинское звание, грамотность и образование, язык, возраст и др.). Можно согласиться с автором диссертации по истории русской военной статистики К.А. Маланьиним, который так формулировал место военной статистики в научном осмыслении процессов военного строительства и военного искусства: «Исходя из требований военной науки, военная статистика анализирует соотношения массовых цифровых показателей военной действительности в конкретных условиях места и времени, вскрывает количественные выражения закономерностей войны и военного искусства, помогая теории и практике в более успешном решении стоящих перед ними задач»⁵.

Внедрение статистического инструментария в военно-историческое исследование не было самоцелью. Оно носило строго прикладной и минимально достаточный характер и применялось лишь в той мере, в какой того требовало решение поставленных задач. В данной работе использовались некоторые методы анализа статистического материала, практикуемые клиометрией, например сравнение статистических рядов (при анализе социально-демографических характеристик представителей различных национальностей), статистическое моделирование (графическое выражение образа реального исторического объекта или процесса с акцентированием значимой для исследования стороны) и т. д.

---

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 309–310.

⁵ Маланьин К.А. История русской военной статистики (XIX–XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 287.

Анализ статистических данных о комплектовании и организации Красной армии был положен в основу всей исследовательской конструкции. С этой целью нами выявлена обширная источниковая база, содержащая статистические данные о личном составе РККА за весь изученный период. Их анализ позволил провести сравнительно-статистическое исследование абсолютных и относительных количественных показателей, характеризующих этнические аспекты комплектования, подготовки кадров, организации войск в отношении десятков основных этносов, населявших СССР в изучаемую эпоху. Такой подход придал сделанным по итогам работы выводам обоснованность, точность и объективность.

Понятийный аппарат исследования требует некоторых пояснений. Основные дефиниции даются в современной трактовке в соответствии с законодательством Российской Федерации в области национальной политики⁶ и военной службы⁷. Правописание основополагающих исторических терминов (*Красная армия, вооруженные силы, Советское государство, советская власть* и т. д.) сверено по современным академическим орфографическим и специализированным словарям⁸.

Часть используемых определений, широко применявшихся в нормативно-правовых актах и делопроизводственном обороте 1918–1945 гг. (например, *коренизация, концентрация, украинизация, белорусизация, культурничество, вневойсковик, номерная воинская часть* и т. д.), архаизировалась и ныне полностью вышла из употребления. Их семантика в данном исследовании полностью аутентична источнику. Содержание такого рода терминов раскрывается непосредственно в тексте. В книге они приводятся без кавычек, *курсивом*; но в цитатах не выделяются.

Другая часть терминологии, связанная с военной и этнонациональной проблематикой исследуемого периода, присутствует в современном нормативно-правовом и научном обороте, но претерпела серьезные смысловые изменения. Употребление этих терминов нуждается в специальных пояснениях, которые приведены ниже.

Структура исследования связана с одним из основополагающих устойчивых понятий военной теории и практики – *строительством вооруженных сил*. Под ним понимается система взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых высшими органами государственного и военного управления, направленных на создание, развитие, оснащение, содержание и подготовку вооруженных сил к выполнению возложенных на них задач мирного и военного времени⁹.

Большую часть изученного периода (до 1939 г.) термины *вооруженные силы* и *Красная армия (РККА)* употреблялись как синонимы. К тому же виды Вооруженных Сил СССР (сухопутные силы, военно-воздушные силы, военно-морской флот) находились в синкретическом единстве, являясь составной частью РККА (лишь в 1937 г. в отдельный вид был выделен флот). Лишь с введением в действие 1 сентября 1939 г. нового закона о всеобщей воинской обязанности термины *вооруженные силы* и *Красная армия* получили новые дефиниции, противополож-

⁶ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения: 14.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd9035_3895d2bd/ (дата обращения: 14.01.2017).

⁷ Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О воинской обязанности и военной службе» // URL: <http://legalacts.ru/doc/FZ-o-voinskoj-objazannosti-i-voennoj-sluzhbe/razdel-i/statja-1/> (дата обращения: 14.01.2017); Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://base.garant.ru/135907/#ixzz53DNot9CR> (дата обращения: 15.01.2017).

⁸ Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М., 2008; Новый орфографический словарь русского языка. М., 2010; Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Строчная или прописная? Орфографический словарь. М., 2007; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Слитно, раздельно или через дефис? Орфографический словарь. М., 2007; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; Мокшенок В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998 и др.

⁹ Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 693–694.

ные прежним: теперь первый стал родовым для второго. Исходя из традиционной трактовки этих терминов, в данном исследовании они используются как синонимы.

Синонимами являются и термины *Красная армия* и *РККА (Рабоче-Крестьянская Красная армия)*. Большую часть изученного периода они сосуществовали, причем *РККА* чаще употреблялось как официальное наименование. Однако перед Великой Отечественной войной аббревиатура была выведена из оборота и за Советской армией в годы войны закрепилось единое наименование – *Красная армия*. Специального постановления о переименовании не издавалось. Считается, что рубежом стали приказы НКО № 0037 и 0038 от 26 июля 1940 г., объявившие новую структуру центрального аппарата НКО и Генерального штаба. Там употреблялось только наименование *Красная армия*. Исключение составило Политуправление (с 1941 г. – Главное политуправление), всю войну носившее официальное наименование *Главное политуправление РККА*. В книге учтены эти изменения.

Под часто употребляемым словосочетанием *органы государственного и военного управления* понимаются органы законодательной и исполнительной власти общесоюзного и республиканских уровней и центральные и местные органы военного управления. В то же время автор ясно отдает себе отчет в том, что первостепенное значение в принятии всех важнейших управленческих решений имели руководящие органы Коммунистической партии. Место РКП(б)/ВКП(б) в механизме управления государством конституционно не было четко оформлено, а в первых двух Конституциях страны (1918 и 1924 гг.) Компартия даже не упоминалась. В Конституции 1936 г. только указывалось, что ВКП(б) является «передовым отрядом трудящихся» и «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126). В действительности решения партийных органов дублировались органами власти или оформлялись как совместные постановления партии и правительства. В монографии подробно проанализированы механизмы принятия государственных решений в области национального вопроса и место в них партийных органов.

Национальная политика. На современном этапе термин *национальный* не имеет однозначного толкования и может пониматься в узком (этническом) и широком (общегосударственном) значениях. Последнее сейчас очевидным образом доминирует (*национальная оборона, национальный проект, национальная спортивная команда* и т. п.). Сложилась двусмысленная ситуация. В действующих нормативно-правовых актах РФ термин *национальная политика* еще используется в своем традиционном значении, то есть как государственная политика в отношении населяющих страну этнических общностей. Это следует, в частности, из утвержденных в 1996 и 2012 гг. президентами РФ «Концепции государственной национальной политики РФ» и «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.», а также утвержденной постановлением Правительства РФ в 2016 г. Госпрограммы РФ «Реализация государственной национальной политики» и других документов¹⁰.

¹⁰ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения: 16.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 6 декабря 2018 г.) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8784510407862087#08089583742298276>. (дата обращения: 25.12.2018); Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532) // URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/455/original/%D0%93%D0%9F_%D0%9D%D0%B0%D1%86_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf?1484721859. (дата обращения: 18.01.2017). Аналогично образуются названия учреждений, например: Московский дом национальностей (функционирует с 1998 г.), Федеральное агентство по делам национальностей (утверждено Указом Президента РФ в 2015 г.) (Указ Президента Российской Федерации № 168 от 31 марта 2015 г. «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // URL: <http://base.garant.ru/70928316/> (дата обращения: 17.01.2017)). Такое словоупотребление прямо отсылает к советской традиции (например: Народный комиссариат по делам национальностей).

В то же время государственные органы управления и научная среда сейчас берут на вооружение термин *этнонациональный*, семантически соответствующий традиционному термину *национальный*. Это отмечено в специальном приказе Министерства образования РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». Здесь, в частности, указывается на то, что термин *этнонациональный* возник «в современной отечественной научной среде с целью выхода из терминологического тупика, вызванного возникшей двоичкой семантикой понятия „национальный“. Раскрывается [этот термин] как „национальный“ в его прежнем значении, то есть относящийся к народу, этносу»¹¹. Минобрнауки РФ предпочитает именно этот термин в своем нормотворчестве. В последней редакции утвержденной Указом Президента РФ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (ред. от 8 декабря 2018 г.) парные термины «межнациональный» и «межэтнический», «национальность» и «этническая принадлежность», «национально-культурный» и «этнокультурный» используются как полные синонимы и именно так определены в разделе об основных понятиях Стратегии (пункт 4.2).

В представленной работе термин *национальная политика* употребляется в традиционном значении – как государственная политика в отношении населявших СССР народов (этносов). Под национальной политикой имеется в виду деятельность органов государственной власти, партий или общественных групп по регулированию экономических, правовых, идеологических, культурных и языковых отношений между нациями, народностями и этническими группами¹². Термины *национальный* и *этнонациональный* употребляются как синонимы.

Под *национальным вопросом в строительстве Вооруженных Сил СССР* в 1918 – первой половине 1940-х гг. понимается комплекс проблем, стоявших перед органами государственного и военного управления в связи с военной отсталостью и неравноправием ряда народов СССР в военной организации страны, а также неопределенностью правового содержания и организационных форм несения ими военной службы в рядах Красной армии¹³.

Под *национальным аспектом строительства вооруженных сил* понимается политика Советского государства в сфере решения *национального вопроса в строительстве вооруженных сил*, а именно: поиск и определение оптимальных правовых и организационных форм комплектования и прохождения военной службы для представителей народов СССР с учетом их языковых, культурно-религиозных, образовательных особенностей; формирование национальных (то есть этнически однородных) воинских частей; подготовка национальных (то есть из представителей нерусских этносов) военных кадров; определение форм и методов партийно-политической работы с национальным контингентом военнослужащих и совершенствование межнациональных отношений в армии. В источниках (как в нормативной, так и в делопроизводственной документации органов государственной власти и военного ведомства,

¹¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/#ixzz53CvW0vp5> (дата обращения: 17.01.2017).

¹² Определение дано по: Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 141.

¹³ Автор опирается на трактовку национального вопроса, принятую в начале 1920-х гг., то есть в тот период, когда оформлялись основные черты концепции национального сегмента РККА. Выступая на X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), нарком по делам национальностей И.В. Сталин подчеркивал, что сущность национального вопроса на современном этапе состоит в том, чтобы «уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях» (*Сталин И.В. Сочинения*. Т. 5. М., 1947. С. 36). «*Практическое разрешение национального вопроса в Красной армии*» молодая советская власть видела в коммунистическом воспитании нерусских народов через национальные формирования и усиление смычки между преимущественно русским пролетариатом и преимущественно нерусским крестьянством. Армия представлялась наилучшим местом осуществления такой смычки (Всеармейские совещания политработников. 1918–1940 (Резолюции). М., 1984. С. 86–87). Современная трактовка национального вопроса смещена в сферу межнационального общения. Российская социолингвистическая наука понимает под ним проблемы взаимодействия этносов, населяющих единое многонациональное государство, в социально-экономической, политической, культурно-языковой сферах (Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 147–148).

особенно в 1920-х гг.) в этом же значении повсеместно употребляется термин «национальное военное строительство». Однако его использование в исследовании автор посчитал нежелательным, из-за принципиального различия в содержании современных терминов «военное строительство» и «строительство вооруженных сил».

Национальные воинские формирования – подразделения, части и соединения, укомплектованные преимущественно представителями одного народа, чей этноним выносился в их название. Такие формирования создавались с 1918 по 1945 г. по решению высшего органа государственной власти РСФСР/СССР (съезда Советов; Центрального Исполнительного Комитета; с 1936 г. – Верховного Совета), правительства (Совета Народных Комиссаров РСФСР/СССР), военного ведомства (Народного комиссариата по военным и морским делам; с 1934 г. – Народного комиссариата обороны), а также высших чрезвычайных государственных органов власти и военного управления в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Государственного Комитета Обороны СССР и Ставки Верховного Главнокомандования).

Военнообязанные, призывники, допризывники – термины, выведенные из современных нормативных актов РФ, регламентирующих военную службу граждан, но по-прежнему имеющие широкое употребление, в том числе в специальной военно-энциклопедической литературе¹⁴. В монографии эти термины употребляются в соответствии с законодательными нормами изучаемого периода. Закон о всеобщей воинской обязанности 1939 г. выделял две категории граждан, обязанных несением военной службы: лиц 17–18 лет, уже приписанных к призывным участкам, но не прошедших процедуру призыва (*призывников*), и лиц, зачисленных в запас (как прошедших действительную военную службу, так и не прошедших) и состоящих на воинском учете в местных органах военного управления – *военнообязанных*¹⁵. В более раннем призывном законе 1925 г. также используется термин *допризывник*, совпадающий по содержанию с термином *призывник* закона 1939 г. Здесь же выделена категория *военнообязанных запаса*¹⁶. Несмотря на некоторые терминологические различия, оба закона четко выделяют две категории советских граждан (кроме самих военнослужащих), обязанных несением военной службы: 1) молодежь, не прошедшую процедуру призыва и действительной военной службы, и 2) лиц старших возрастов, зачисленных в запас с присвоением военно-учетной специальности (ВУС). В контексте данного исследования это разделение важно, поскольку качественные и количественные характеристики *призывников* и *военнообязанных* в национальных регионах в исследуемую эпоху существенно различались.

Нерусский народ – термин, повсеместно употреблявшийся в делопроизводственной документации государственных органов власти и органов военного управления в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Обозначает все советские этносы, кроме русского, с которым, в свою очередь, их социально-демографические характеристики соотносились как с эталоном. Ныне этот термин также часто используется в этнографической, этнолингвистической и исторической научной литературе, в том числе и в диссертациях¹⁷, хотя и вышел из официального оборота органов власти из-за возможных негативных коннотаций.

¹⁴ Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 177–178; Т. 6. М., 2002. С. 606.

¹⁵ Ст. 14–17, гл. II; ст. 58–59, гл. VI закона «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г.

¹⁶ Ст. 4–5, разд. I; ст. 66, разд. V закона «Об обязательной военной службе» 1925 г.

¹⁷ См., например: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 397; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 100, 132, 449; *Данилко Е.С.* Общие особенности распространения старообрядчества в нерусской среде на территории Урало-Поволжья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007; *Зайцев А.В.* Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в отечественной историографии: вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Чебоксары, 2008; *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: Автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; *Анохина И.А.* Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2009; *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ:

Национальные регионы РСФСР и СССР – термин, имевший широкое хождение в делопроизводстве изучаемого периода. Под национальными регионами имелись в виду союзные и автономные республики, автономные области и округа, то есть все административные территории Советского Союза, где признавался политический приоритет нерусского титульного этноса (или нескольких титульных этносов). Этноним закреплялся в наименовании региона. В качестве исключения под национальными понимаются полиэтничные регионы с преимущественно нерусским населением, но носившие исторические или искусственные наименования (например, Дагестанская АССР, Горская АССР и ряд других).

Начальствующий, командно-начальствующий, офицерский состав. Термин *командный состав* введен в РККА в 1919 г.; при этом командный состав отделялся от лиц *административной службы*¹⁸. Было определено, что к категории лиц командного состава относятся: в строевых частях – все должностные лица, состоящие на командных должностях; в штабах, управлениях и учреждениях – лица, в чьем непосредственном ведении находились строевые части или команды. Все остальные должностные лица РККА относились к административному составу. В начале 1920-х гг. командный и административный состав был объединен в категорию *начальствующего состава*. До 1935 г. *командный состав* являлся составной категорией *начальствующего состава*, куда кроме командиров также включались лица политического, административного, военно-технического, военно-юридического и другого руководящего состава РККА. С 1935 г. командный состав был выделен в отдельную категорию и получил распространение обобщающий термин *командный и начальствующий состав* или *командно-начальствующий состав*. А с 1943 г. термины *начальствующий* и *командный* состав официально заменены на *офицерский состав*, хотя продолжали широко употребляться в делопроизводстве и в настоящее время распространены в военно-исторической и энциклопедической литературе¹⁹. В монографии эти термины употребляются в соответствии с их исторической эволюцией.

Многочисленные этнические номинации приводятся в книге максимально близко к их употреблению современниками. Учитывая то, что рассматриваемый в работе период – время бурной советской этнорекострукции постимперского пространства, сопровождавшейся частыми переименованиями, один и тот же этнос может называться в данной работе по-разному. При первом употреблении архаизированных этнонимов (черемисы, вотяки, зыряне и т. д.) в сноску вынесено их современное наименование. В отдельных случаях устаревший и современный этноним приводятся совместно, во избежание путаницы. Таков, например, случай казахов, которых до революции и в 1920-х гг. именовали киргизами, в то время как современных киргизов – кара-киргизами. Только к концу 1930-х гг. два этнонима (казахи и киргизы) в советском военном делопроизводстве окончательно отделяются друг от друга, однако казахов некоторое время называли казаками, что порождало новые проблемы.

Приведенные в книге даты отечественной истории до 14 февраля 1918 г. даны по старому стилю, если в скобках не оговорена соответствующая дата по новому стилю.

Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Казань, 2004; Рязова О.Ю. Обучение студентов нерусской национальности устным видам речевой деятельности на русском языке: Естественно-технический профиль: Автореф. ... дисс. канд. пед. наук. М., 2003 и др.

¹⁸ Приказ Реввоенсовета Республики № 2216 от 27 ноября 1919 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8. Л. 780).

¹⁹ Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 440.

Глава 1. Изучение национального состава Красной армии: достижения и проблемы историографии

Полный обзор историографии по теме исследования приведен в нашей докторской диссертации, доступной в сети Интернет²⁰. Жанр монографии позволяет ограничиться здесь лишь очерком (который, впрочем, нельзя назвать кратким) наиболее существенных тенденций в изучении этнического аспекта истории Красной армии и остановиться на тех работах, в которых предложены попытки раскрыть национальный аспект отечественных вооруженных сил количественными методами.

Среди многочисленных публикаций, посвященных истории национальных формирований, участию того или иного народа, той или иной республики в войнах России и СССР, исследований, в которых национальные процессы в отечественных вооруженных силах проанализированы с использованием статистических источников, до сих пор было предпринято немного. Причина тому – не отсутствие интереса к теме. Напротив, национальный вопрос всегда вызывал большой ажиотаж. Однако чаще всего исследования загонялись в прокрустово ложе готовых идеологических установок о «нерушимой дружбе народов», иллюстрируемых *выборочными* цифровыми данными. Долго и безбедно существовало целое квазинаучное течение, которое условно можно назвать этнопатриотическим. Многие десятилетия оно фактически подменяло собой академическое изучение этнических сторон строительства вооруженных сил браваурной демонстрацией межнациональной дружбы и боевого братства советских народов.

К сожалению, в последние десятилетия мало что изменилось. Более того, прочное встраивание Великой Отечественной войны в конструкцию новой государственной идеологии «духовных скреп», среди которых Победе 1945 г. отводится, безусловно, центральное место, вновь сужает пространство для свободного научного поиска, предполагающего постановку любых, в том числе и самых неудобных, исследовательских вопросов.

Нужно сразу оговориться, что мы ни в коем случае не ставим под сомнение межнациональную дружбу, боевое братство воинов различных национальностей; считаем, что историческая Победа над нацизмом в Великой Отечественной войне – плод усилий всех народов, входивших в состав Советского Союза. Однако это не отменяет необходимости научного осмысления национальной политики в армии в 1918–1945 гг.

Главным препятствием на пути изучения национального аспекта истории Красной армии является проблема максимально *полного* выявления *достоверного, сравнимого* статистического материала, адекватно отражающего национальный состав Красной армии на разных этапах ее развития, его строго научной систематизации и анализа. Именно здесь кроется причина того, почему до сего дня этот вопрос разработан историками неудовлетворительно и даже исследовательские задачи должным образом не сформулированы. И дело не в том, что статистикой в военно-исторических исследованиях полностью пренебрегают. Напротив, цифровой материал активно привлекается в доказательство выдвигаемых тезисов. Но, как верно отмечено в одной из немногочисленных в отечественной историографии работ по военной статистике, «данные статистики только тогда оправдывают свое значение, когда они научно обработаны. В противном случае самые хорошие статистические показатели могут совершенно выпасть из поля зрения исследователя»²¹.

---

²⁰ Безугольный А.Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2019 // <https://vagsh.mil.ru/Nauka/Dissertacionnyj-sovet/D215.010.01/item/200998/> (Дата обращения: 1.02.2020).

²¹ Малахов К. Военная статистика (Обзор литературы) // Военная мысль. 1968. № 6. С. 88.

Вопрос выявления и квалифицированного анализа статистических источников следует считать краеугольным камнем исследований в области этнической истории отечественных вооруженных сил. Ведь крайне важно во временной и пространственной динамике продемонстрировать вовлечение конкретных этносов в дело защиты государства. Объективно оценить успешность этого процесса можно только сравнительно-статистически – путем определения роста или сокращения количественных и качественных показателей, связанных с военной службой представителей советских этносов в рядах Красной армии. Между тем, несмотря на обилие статистического материала по этническому составу РККА – как опубликованного, так и архивного, – он крайне редко используется как основа источниковой базы подобных исследований.

1.1. Отечественная историография

Статистическое изучение вооруженных сил актуализировалось во второй половине XIX в. переходом к строительству массовой армии, комплектуемой на основе всеобщей воинской повинности и оснащенной сложными видами техники и вооружения. Статистические данные о структуре народонаселения повсеместно внедрялись в систему принятия управленческих решений. В декабре 1852 г. был образован Статистический комитет (с 1858 г. – Центральный статистический комитет) МВД. На местах сбор материалов, в том числе о составе военнообязанного населения, осуществляли губернские статистические комитеты. Первое военно-статистическое исследование армии, территории и населения России принадлежит перу профессора кафедры военной статистики (организована в 1847 г.) Николаевской академии Генерального штаба А.И. Макшеева²². Горячим сторонником внедрения статистических методов в планирование и анализ военного строительства был военный министр Д.А. Милютин, сам преподававший в молодости военную статистику в академии. Кроме кафедры военной статистики, дисциплина преподавалась также в старших классах средних военно-учебных заведений. «Военно-статистический сборник», охвативший своим описанием не только население Европейской России, но и азиатских владений империи и Кавказа, вышел еще в 1871 г.²³, то есть на закате рекрутской системы комплектования войск в России.

В последней четверти XIX и в начале XX в. был накоплен немалый опыт по сбору и анализу материала в области организационной структуры и мобилизационной готовности, работы военно-учебных заведений, призывам новобранцев, учету офицерских кадров и нижних чинов, военнообязанного населения и т. д.²⁴ Вообще изучение народонаселения с точки зрения ресурса для комплектования армии в военное время стало одним из основных направлений работы военных статистиков. Эта отрасль постоянно совершенствовалась и усложнялась.

В последней четверти XIX в. появились первые качественные работы с оценкой национального состава населения. Их целью было определение тягот военной повинности на населявшие империю этносы и выяснение перспектив выравнивания в распределении этих тягот. Особенно примечательны в этом отношении работы полковника А.Ф. Риттиха²⁵, полковника Я.А. Гребенщикова²⁶, профессора кафедры военной статистики генерал-лейтенанта А.М. Золотарева²⁷, А. Сырнева²⁸ и других авторов. Именно статистическое изучение процессов, связанных с комплектованием армии, со всей очевидностью показывало резкий дисбаланс в распределении тяжести военной повинности между населявшими империю этносами в пользу великорусского населения. Доказательству этого, в частности, была посвящена работа А.М. Золотарева.

В начале XX в. вышел ряд больших статей о демографических ресурсах империи и отдельных этносов с точки зрения комплектования армии, основанных на анализе статистического материала. В частности, это работы А. Антоновича²⁹, М.Л. Усова³⁰ и др.

²² *Макшеев А.И.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1867.

²³ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. СПб., 1871.

²⁴ *Малашин К.А.* История русской военной статистики (XIX–XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 217–219.

²⁵ *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875.

²⁶ *Гребенщиков Я.А.* Военная организация и статистика // Сборник государственных знаний. СПб., 1879. Т. 7. С. 119–134.

²⁷ *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России, как источник комплектования ее армии (на основании данных за первое десятилетие отбывания воинской повинности). СПб., 1889.

²⁸ [*Сырнев А.*] Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. СПб., 1886.

²⁹ *Антонович Ан.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинскою повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 247–274.

Как отмечал в своей диссертации К.А. Маланьин, к началу XX в. практическая целесообразность данных военной статистики для организационного строительства армии и флота была очевидна правительственным органам и военному ведомству. Им «уже не требовалось доказательств о пользе статистических сведений, особенно обобщенных показателей, без которых невозможно было решать вопросы комплектования войск, их вооружения, снабжения и воспитания...»³¹. Особенно важна военная статистика была в разработке мобплана, организационной и мобилизационной готовности армии. По мнению автора одной из статей по теории военной статистики Я.А. Гребенщикова, правильность и основательность всех организационных и мобилизационных расчетов самым тесным образом связана с верностью и полнотой статистических данных, составляющих фактическую основу всех расчетов, связанных с подготовкой и ведением войны³². Это понимание нашло отражение и в организационных мерах: в 1892 г. при военно-окружных штабах были созданы специальные статистические отделения, собиравшие и обрабатывавшие первичную статистическую информацию. А в 1903 г. в Главном штабе отделение военной статистики было развернуто в отдел в составе четырех отделений. Кроме того, сбором и анализом статистических данных занимался Мобилизационный отдел Главного штаба³³. Пример умелого и массового использования данных военной статистики за длительный промежуток времени – фундаментальный многотомник «Столетие Военного министерства (1802–1902)», осветивший все аспекты и тенденции военного строительства за истекшее XIX столетие³⁴.

В Советской России, а затем и в Советском Союзе в 1920-х гг. в ряде работ предпринимались попытки привлечь учетно-статистические источники к анализу проблем национального военного строительства в СССР. В этом отношении интересны издания первого десятилетия советской власти (1920-е гг.). Особенно ценны работы М.П. Захарова, возглавлявшего недолго просуществовавший отдел национальных формирований в составе Управления устройства и службы войск Главного управления РККА. В своих работах, изданных во второй половине 1920-х гг., он подвел первые итоги реализации принятой в начале 1925 г. пятилетней программы строительства национальных формирований. В небольшой по объему монографии «Национальное строительство в Красной армии» М.П. Захаров представил подробный анализ проблем выбора путей и определения этапов этого строительства, которые стояли перед руководством Наркомвоенмора в середине 1920-х гг. Автор рассмотрел вопросы штатной организации и комплектования национальных частей, подготовки командно-начальствующего состава для нацчастей и определения дальнейших перспектив их строительства³⁵. Разнообразием привлеченных источников и глубиной выводов отличается большая статья еще одного сотрудника Главного управления РККА А.Ф. Сиднева, вышедшая в двух номерах журнала «Война и революция» в 1927 г.³⁶ Используя доступный ему статистический материал, автор представил компетентный анализ комплектования нерусским контингентом армии Российской империи национальных процессов в Красной армии. В небольшой монографии А. Стеклова приведена полезная статистика социальных параметров (грамотность, партийность и проч.) личного состава Азербайджанской стрелковой дивизии – в начале военной службы и к моменту увольнения красноармейца. Армия становилась для воинов-националов школой всестороннего

³⁰ Усов М.Л. Евреи в армии. СПб., 1911.

³¹ Маланьин К.А. Указ. соч. С. 222.

³² Гребенщиков Я.А. Указ. соч. С. 119.

³³ Маланьин К.А. Указ. соч. С. 343.

³⁴ Столетие Военного министерства (1802–1902). СПб., 1902–1914.

³⁵ Захаров М. Национальное строительство в Красной армии. М., 1927. С. 26–89.

³⁶ Сиднев. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 69–83.

социального взросления, на деле «перековывала» неграмотных и невежественных жителей глухих аулов³⁷.

В 1930–1950-х атмосфера повсеместной секретности практически вытеснила статистику из открытых публикаций по личному составу советских вооруженных сил.

В дальнейшем в 1960–1980-х гг. использование статистического материала было строго подчинено идеологическим задачам. В этот период институализируется советская историческая наука, в том числе ее национально-региональные школы. Публикуются обобщающие работы, посвященные вкладу народов СССР в военное строительство и в войне с нацизмом³⁸, союзных и автономных республик и национальных партийных организаций³⁹. В разные годы были изданы истории многих (правда, далеко не всех) национальных соединений Красной армии, как по отдельности⁴⁰, так и объединенных по этническому или региональному признаку (например, азербайджанских, казахских, закавказских)⁴¹.

Особенность работ 1960–1980-х гг. по военно-национальной тематике состоит в том, что они основаны на архивном материале и характеризуются избытком цифр, освещающих самые различные аспекты участия советских этносов в военной организации Советского государства – от числа награжденных орденами и медалями в той или иной республике до количества собранных фронтовикам подарков. В то же время статистические сведения служили лишь инструментом для доказательства, а точнее, иллюстрацией набора догм о «нерушимом боевом братстве народов СССР». Шквал цифровых данных, несоотносимых друг с другом во времени и пространстве, подобранных из соображений выгодного освещения того или иного тезиса, лишь затуманивал картину. На деле в таких исследованиях содержательная часть в большинстве своем представляла собой краткое изложение боевого пути национальных частей, описание подвигов героев различных национальностей и усилия тружеников тыла, в то время как сложные моменты истории умалчивались. Например, К. Аманжолов и Н.А. Кирсанов в своих работах подробно рассказали о процессе формирования национальных кавалерийских и стрел-

³⁷ *Стеклов А.* Красная армия Азербайджана. Баку, 1928. С. 22–29.

³⁸ *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987; *Вишневский А.Я.* Школа дружбы народов. Душанбе, 1976; *Захаров И.З.* Дружба, закаленная в боях. М., 1970; *Лахтиков А.* Советская Армия братства и дружбы народов СССР. М., 1952; *Новиков И.А.* Дружба народов – источник могущества Советского государства и его Вооруженных Сил. М., 1959 и др.

³⁹ *Абишев Г.А.* Казахстан в защите Социалистического Отечества. Алма-Ата, 1969; *Белан П.С.* Казахстанцы в Сталинградском сражении. Алма-Ата, 1968; *Он же.* Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. Алма-Ата, 1984; *Джусраев Т.Д.* Воины Узбекистана на фронтах Отечественной войны. Ташкент, 1965; *Ильясов Б.* Туркменская ССР в годы Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1950; *Каишепбаев З.* Военно-организаторская работа Компартий республик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1970; *Козыбаев М.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата, 1964; *Табьшалиев С.* Защищая Родину. Подвиг комсомольцев Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1960; *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Таллин, 1964; *Пулатов И.* Из истории участия народов Средней Азии в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1966; *Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941–1945.* Кн. 1–3. Рига, 1966–1969; *Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).* Рига, 1970; *Мурнев Д.З.* Осетин отважные сыны. Орджоникидзе, 1974; *Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками.* Якутск, 1979; *Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945:* В 2 т. Таллин, 1973–1980 и др.

⁴⁰ *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961; *Септ Ф.Т.* О боевом пути 41-го гвардейского эстонского Таллинского стрелкового корпуса. Таллин, 1967; *Микельсон В.Э.* 308-я Краснознаменная латышская стрелковая дивизия. Рига, 1969; *Шнопберг Г.Н.* Боевой путь 130-го латышского ордена Суворова стрелкового корпуса. Рига, 1969; *Арутюнян А.О.* 409-я армянская стрелковая в боях за освобождение Украины (1943–1944). Ереван, 1971; *Белан П.С.* 100-я казахская национальная бригада в боях за Родину. Алма-Ата, 1972; *Багиров Н.Т.* Симферопольская. Краткая история. Баку, 1974; *Агаев Б.А.* Боевой путь 87-й отдельной стрелковой бригады. Ашхабад, 1982; *Джанжэгава В.С.* Боевой путь 414-й Краснознаменной. Тбилиси, 1983; *Беков М.А.* Туркменская стрелковая. Ашхабад, 1988 и др.

⁴¹ *Бурназян Г.С.* Участие национальных соединений закавказских республик в битве за Кавказ и последующих операциях Красной армии в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1967; *Савченко В.И.* Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975; *Буниятов З.М., Зейналов Р.Э.* От Кавказа до Берлина. Баку, 1990; *Аманжолов К.Р.* Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воинского долга соединениями Красной армии Казахстана (1918–1945 гг.). Алма-Ата, 1991.

ковых соединений в Средней Азии в конце 1941 – начале 1942 г.⁴² В то же время авторы ни словом не обмолвились о причинах расформирования практически всех их еще до отправки на фронт.

Выходила плоская и одномерная картина, не позволявшая осмыслить проблемы несения военной службы представителями народов СССР и участия их в войнах. Из поля зрения советских историков выпали важнейшие проблемы, связанные с решением национального вопроса в военном строительстве, особенно в довоенный период. Это – комплектование войск представителями различных национальностей, организация прохождения ими военной службы, подготовка национальных командных кадров и т. д.

Как видно из обзора, многие авторы ограничивали изучение национального вопроса одними лишь национальными формированиями. Это замечание в полной мере применимо и к современной историографии. Национальные формирования словно магнит притягивают к себе внимание исследователей, отвлекая их от понимания простого факта: самодержавием, а затем и советской властью национальные части формировались *вынужденно*, поскольку не было условий для *широкого призыва национальных меньшинств в армию на общих условиях*. Поэтому рассматривать требуется весь комплекс проблем, связанных с привлечением народов нашей страны к военной службе, а не только вершину этой проблемы – национальные формирования.

Тем не менее к советскому периоду относятся и несколько весьма интересных работ. Среди них – небольшая монография А.П. Артемьева, изданная в 1975 г.⁴³ Автором впервые в отечественной науке предпринята попытка сравнительно-статистического анализа участия народов СССР в Великой Отечественной войне на разных ее этапах. Проанализировав доступный ему в тех условиях архивный материал по личному составу около двухсот стрелковых соединений, автор пришел к заключению, что национальный состав Красной армии в годы войны значительно колебался, что было связано с объективными изменениями фронтовой обстановки: потерей, а затем освобождением от врага огромных территорий страны, являвшихся источником для пополнения армии людскими ресурсами. Несмотря на новаторскую для своего времени методологию и тщательность исследования, нельзя не отметить несовершенство источниковой базы, сказавшееся на результатах. Автор мог пользоваться только несекретными документами уровня соединений (дивизионного звена), не имея доступа к обобщающим материалам высших руководящих органов Красной армии. Хотя тенденции этнического представительства в Красной армии в книге А.П. Артемьева отражены верно, но разнородность и фрагментарность материала стали причиной искажения обобщающих данных по целому ряду этносов. Кроме того, само обращение лишь к материалам стрелковых соединений дает заведомо неточную, ограниченную картину общего представительства в армии ряда этносов, поскольку этнический фактор, как правило, учитывался при комплектовании родов войск, а также частей действующей армии и внутренних округов. По идеологическим причинам автор не упомянул о практиках приостановок призыва в армию десятков народов, отзыва с фронта военнотружущих этносов, высланных с исторической родины. Эти решения правительства также существенно влияли на удельный вес представителей того или иного этноса в войсках. Апробированные А.П. Артемьевым подходы дополнены и развиты в настоящем исследовании, но на значительно более обширном и разнообразном материале.

Также можно отметить подготовленную в 1981 г., но не защищенную докторскую диссертацию М.Я. Сухаря. Она посвящена проблемам комплектования и формирования воинских частей в союзных республиках Средней Азии. Работа основана на строгом статистическом исследовании учетной документации штаба одного военного округа – Среднеазиатского

---

⁴² Там же. С. 50–51; *Кирсанов Н.А.* В боевом строю... С. 60–69.

⁴³ *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

(САВО), – а также подчиненных ему республиканских военкоматов⁴⁴. На цифровом материале автор выявил и проанализировал характерные особенности контингентов военнообязанных из союзных республик Среднеазиатского региона – их недостаточный образовательный уровень, слабое владение русским языком, катастрофическую нехватку командных кадров. Диссертация М.Я. Сухаря насыщена статистическими выкладками и в то же время не перегружена обычной для работ этого периода марксистско-ленинской риторикой. Однако и в этой, весьма сильной работе не обошлось без умолчаний, вызванных идеологическими причинами. Так, например, значительная часть работы посвящена созданию национальных частей в САВО, однако о том, что подавляющая их часть была расформирована, так и не попав на фронт, автор умалчивает⁴⁵. Также, подробно рассказывая о формировании рабочих колонн, М.Я. Сухарь обходит вопрос их этнического состава, не упоминая того, что на их комплектование направлялся как раз национальный контингент.

Еще одна докторская диссертация К. Аманжолова, защищенная в 1987 г., также отличается достаточно тщательными подсчетами состава национальных формирований⁴⁶. Особенно ценны они для периода Гражданской войны, достаточно бедной источниками. Правда, исследование в основном касалось Среднеазиатского региона, а не всей территории страны, как это было заявлено в теме диссертации.

Современный период развития исторической науки характеризуется падением идеологических оков и открытием архивов. В последние десятилетия вышел ряд интересных публикаций по истории национальных воинских формирований в Русской императорской армии, а также по вопросам национальной политики царизма в военном строительстве на рубеже XIX–XX вв. и в последних войнах Российской империи. В этой области интересен анализ армии как плавильного котла складывавшейся российской нации в работах В.В. Лапина⁴⁷. Весьма любопытны статьи Т.А. Дмитриева⁴⁸, который делает в целом верные выводы о тенденциях решения национального вопроса в строительстве вооруженных сил в сталинский период истории Советского Союза. Правда, автору не хватило архивных первоисточников для глубины и основательности выводов. В неплохой работе А.А. Шабаева и С.Н. Михалева, посвященной изучению потерь Красной армии в Великой Отечественной войне, сделано несколько верных наблюдений о комплектовании войск по национальности, качестве национальных контингентов и о соотношении потерь⁴⁹. Авторами введены в оборот некоторые важные документы, однако дальше этого они не пошли. Ряд статей Н.В. Подпрятова охватывает разные региональные аспекты истории национальных формирований⁵⁰. Под его общей редакцией в 2017 г. была

⁴⁴ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981.

⁴⁵ Там же. С. 207.

⁴⁶ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987.

⁴⁷ Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1; *Он же*. Годен – не годен. Воинские качества народов Российской империи глазами офицеров Генерального штаба // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 1–12; *Он же*. Грузины на военной службе – строители Российской империи // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.: Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017. С. 446–462; *Он же*. Армия как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1 (21). С. 302–313 и др.

⁴⁸ Дмитриев Т.А. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: Национальное военное строительство в СССР в 1920–1930-е годы и его проверка «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 60–88; *Он же*. «Это не армия»: Национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920–1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 108–132.

⁴⁹ Шабаев А.А., Михалев С.Н. Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: (Историко-статистическое исследование). М., 2002. С. 89–93.

⁵⁰ Подпрятков Н.В. Армянские стрелковые батальоны в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, поли-

осуществлена попытка обобщить опыт национальных формирований Русской армии в годы Первой мировой войны⁵¹. Национальное строительство в вооруженных силах рассматривается в диссертациях Б.Г. Кадырова⁵², В.Н. Подпрятова⁵³, В.Е. Иванова⁵⁴, Э.-Б.Р. Назиха⁵⁵, С.Л. Павловича⁵⁶. Отдельные вопросы (прежде всего, в диссертациях Кадырова, Назиха) проработаны хорошо, хотя в целом и структуру работ, и охват источников, и качество их анализа в перечисленных диссертациях нельзя признать удовлетворительными⁵⁷. Это еще раз подчеркивает всю сложность и многоаспектность выбранной темы исследования.

Знакомство с современной литературой позволяет утверждать, что, несмотря на радикальное расширение объема документальных источников в последние десятилетия и облегчение доступа исследователей к ним, историки недостаточно используют архивный материал по теме, даже в докторских диссертациях. Также нельзя не отметить нередко небрежный и некритичный подбор статистических материалов. Чаще всего анализу подвергаются случайные, нерелевантные цифры из разнородных источников, с опорой на которые делаются столь же необоснованные, нерепрезентативные выводы и суждения. Это является благоприятной средой для политизированных домыслов и спекуляций о масштабах участия различных этносов в войнах Советского Союза, их вкладе в дело победы, потерях, дисциплинарной и наградной практике, воинских подвигах и преступлениях представителей того или иного этноса и т. д.

Редкий в современной российской, особенно региональной, историографии пример тщательного исторического исследования проблем военно-мобилизационной работы в рамках одного национального региона представляют публикации калмыцких авторов К.Н. Максимова⁵⁸, У.Б. Очирова⁵⁹, С.С. Белоусова⁶⁰ и др. Они отличаются стремлением к объективности, широким использованием архивного материала. Особенно следует отметить работы доктора исторических наук У.Б. Очирова. В большой книге, посвященной истории 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии (написана в соавторстве с С.А. Заярным)⁶¹, и в отдельных статьях по вопросам военных призывов и мобилизаций в Калмыкии в 1920-х – первой половине 1940-х гг. на большом документальном материале рассмотрены как нормативная база военных призывов применительно к калмыцкому народу, так и статистические данные о результатах этих

тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–2(40). С. 159–161; Подпрятов Н.В., Поперечная А.Н. Процессы комплектования и пополнения иррегулярных этнических частей Русской армии в условиях Первой мировой войны // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 149–154.

⁵¹ Национальный вопрос и этнические воинские формирования Русской армии в годы Первой мировой войны. Пермь, 2017.

⁵² Кадыров Б.Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002.

⁵³ Подпрятов В.Н. Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на восточном театре военных действий: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. 16 с.; *Он же*. Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII – первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2012.

⁵⁴ Иванов В.Е. Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917–1946 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.

⁵⁵ Назих Э.-Б.Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

⁵⁶ Павлович С.Л. История национальных воинских формирований Рабоче-Крестьянской Красной армии в Средней Азии (1920–1938 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

⁵⁷ Подробный анализ перечисленных диссертаций см.: Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 43–47.

⁵⁸ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010.

⁵⁹ Очиров У.Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история: Сб. науч. ст. Элиста, 2001; *Он же*. Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // Magna adurgit: historia studiorum. 2016. № 2. С. 8–23.

⁶⁰ Белоусов С.С. История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. 2010. № 1. С. 22–31.

⁶¹ Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятва остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. 1–2. Элиста, 2018.

мобилизаций и национальных воинских формирований. У.Б. Очиров также дал оценку боевой эффективности национальных кавалерийских дивизий и вообще конницы в период Великой Отечественной войны. Автор квалифицированно анализирует преимущества и недостатки кавалерии в условиях «войны моторов» и варианты ее боевого применения.

Общим проблемам трансформации национальной политики, а также национальному вопросу в военном строительстве в период Гражданской войны в России, в межвоенную эпоху и во время Великой Отечественной войны посвящены работы А.Э. Ларионова⁶², А.Ю. Рожкова⁶³, А.В. Ганина⁶⁴, Ф.Л. Синицына⁶⁵, Н.Ф. Бугая⁶⁶, В.П. Булдакова⁶⁷, Н.И. Хмары⁶⁸, А.И. Вдовина⁶⁹ и других авторов.

Немногочисленные современные попытки статистического изучения национальных аспектов отечественной военной истории нельзя признать удовлетворительными. Еще на рубеже 1980-х и 1990-х гг. на волне острого общественного интереса к человеческой цене Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне был предпринят ряд попыток уточнить боевой и численный состав советских вооруженных сил и определить масштабы потерь. Было создано несколько официальных комиссий, получивших доступ в государственные архивы⁷⁰.

Отвечая на общественный запрос, в 1988 г. министр обороны СССР Д.Т. Язов образовал комиссию Генерального штаба по подсчету потерь под руководством начальника Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Несколько лет члены комиссии работали в архивах с подлинными документами учета личного состава и потерь. Предварительные результаты работы были опубликованы в интервью «Военно-историческому журналу» в марте 1990 г., а в 1993 г. вышло большое статистическое исследование под редакцией Г.Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование»⁷¹. Книга подвела итог нескольким годам работы комиссии Минобороны. Работа стала классической, в последующем она несколько раз переиздавалась в разных редакциях⁷². В 2009 г. основные выводы комиссии Г.Ф. Кривошеева были подтверждены новой межведомственной комиссией, сформированной по инициативе министра обороны РФ. Они

⁶² Ларионов А.Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. М., 2015. С. 49–65.

⁶³ Рожков А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003.

⁶⁴ Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019.

⁶⁵ Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М., 2018; *Он же*. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Он же*. Национальная политика СССР в предвоенный период (1938–1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 1. С. 25–34; *Он же*. Разделяй и властвуй: Нацистская оккупационная политика. М., 2015.

⁶⁶ Бугай Н.Ф., Гоюв А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

⁶⁷ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

⁶⁸ Хмара Н.И. Из опыта национального строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 246.

⁶⁹ Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: мифы и реалии // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 1. С. 17–20; № 2. С. 12–13.

⁷⁰ Шаббаев А.А., Михалев С.Н. Указ. соч. С. 28–29, 31, 34–35.

⁷¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.

⁷² Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.

стали, таким образом, официальными. В современных фундаментальных⁷³ и энциклопедических изданиях данные о потерях, выработанные комиссией Кривошеева, публикуются уже как «канонические», без критического анализа, в том числе и российским статистическим ведомством, от которого можно было ожидать собственного оригинального исследования⁷⁴.

В числе прочего авторами была предложена раскладка безвозвратных потерь по национальностям, которая переходила в каждое новое издание книги и много лет некритически тиражировалась различными исследователями⁷⁵, в том числе какое-то время – и автором этих строк.

Не подвергая сомнению в целом высокую научную ценность работы «Гриф секретности снят» (тем более что ничего сравнимого ей по масштабу за тридцать лет предложено не было), разберем столь часто цитируемую таблицу (см. таблицу 1), отражающую потери Красной армии по национальностям. Она была составлена на основе донесений о списочной численности военнослужащих Красной армии, причем данные о потерях получены *расчетным* способом при помощи коэффициентов смертности⁷⁶.

Таблица 1. Безвозвратные потери Красной армии в годы Великой Отечественной войны по национальному составу

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь
Русские	5756,0	66,402
Украинцы	1377,4	15,890
Белорусы	252,9	2,917

⁷³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. М., 2015. Т. 12. С. 154.

⁷⁴ Росстат дважды – в 2015 и 2020 гг. – издавал юбилейные статистические сборники, посвященные Великой Отечественной войне. В сборнике 2020 г. несколько разделов посвящено вооруженной борьбе и вопросам строительства вооруженных сил. В основе своей воспроизведены данные книги «Гриф секретности снят» и другие, давно введенные в научный оборот статистические сведения (Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2015; Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. М., 2020).

⁷⁵ Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 413; *Филимошин М.В.* Наши павшие как часовые... Потери вооруженных сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 16–25.

⁷⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 121.

Национальность погибших	Число потерь, тыс. чел.	В % к общему числу безвозвратных потерь
Татары	187,7	2,165
Евреи	142,5	1,644
Казахи	125,5	1,448
Узбеки	117,9	1,360
Армяне	83,7	0,966
Грузины	79,5	0,917
Мордвины	63,3	0,730
Чуваши	63,3	0,730
Азербайджанцы	58,9	0,673
Молдаване	53,4	0,621
Башкиры	31,7	0,366
Киргизы	26,6	0,307
Удмурты	23,2	0,268
Таджики	22,9	0,264
Туркмены	21,3	0,246
Эстонцы	21,2	0,245
Марийцы	20,9	0,241
Буряты	13,0	0,150
Коми	11,6	0,134
Латыши	11,6	0,134
Литовцы	11,6	0,134
Народности Дагестана	11,1	0,128
Осетины	10,7	0,123
Поляки	10,1	0,117
Карелы	9,5	0,110
Калмыки	4,0	0,046
Кабардинцы и балкарцы	3,4	0,039
Чеченцы и ингуши	2,3	0,026
Остальные народы	40,0	0,459
ВСЕГО	8668,4	100,0

Источник: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 121.

В основу данного расчета было положено, казалось бы, очевидное статистическое допущение того, что советские этносы несли потери *пропорционально* их представительству в Красной армии. Для своих расчетов авторы почему-то использовали данные о списочной численности Красной армии лишь за период с 1943 по 1945 г., очевидно предположив, что соотношение этносов за годы войны не менялось и в ее конце было таким же, как и в начале. Такое предполо-

жение в корне неверно, напротив, как будет показано в данной книге, представительство народов СССР в рядах Красной армии существенно менялось. Кроме того, именно при определении масштаба потерь экстраполяция коэффициентов потерь дает наименее точные результаты, поскольку военнослужащие различных национальностей использовались в войсках неравномерно в разные периоды войны, на разных участках фронта, в разных родах войск, в действующих и недействующих войсках и т. п. Добавим к этому, что десятки советских этносов подверглись различным ограничениям на прием в ряды Красной армии или действующих войск. Все это означает, что советские народы несли боевые потери различной интенсивности, измерить которые «общим аршином» просто невозможно.

Авторы труда «Гриф секретности снят» (в частности, Г.Ф. Кривошеев и М.В. Филимошин) в других своих публикациях высказывали в целом правильную гипотезу о том, что к концу войны чрезмерно высокие потери уроженцев РСФСР (прежде всего русских) значительно сократились за счет пропорционального роста потерь граждан, призванных с освобожденных территорий Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии. Однако цифровая иллюстрация этого предположения выглядит неубедительно, и к тому же она не снабжена ссылками и объяснением методики расчета⁷⁷.

Вообще, складывается впечатление, что пресловутый «расчетный» подход к изучению личного состава Красной армии в годы войны стал универсальным способом «латания» реальных, а чаще всего мнимых историографических «дыр»⁷⁸. На деле же исследователи нередко злоупотребляют расчетными данными вместо кропотливого заполнения лакун достоверными архивными документами.

В данной монографии мы принципиально избегали расчетов, доверившись источнику, разумеется, подвергнутому критическому анализу. Пожалуй, за единственным исключением, когда использование расчетных данных оказалось объективно неизбежным: при оценке численности и национальной структуры населения Советского Союза накануне Великой Отечественной войны. Здесь исследователю фактически не на что опереться, кроме недостаточно свежих данных Всесоюзной переписи января 1939 г., которая сама по себе вызывает вопросы у современных демографов в связи с известными обстоятельствами ее проведения. Не говоря о том, что уже после переписи численность и национальный состав страны претерпели значительные изменения после территориальных приобретений СССР на западных рубежах в 1939–1940 гг. Точного подсчета этих приобретений произведено не было. Поэтому в данном случае при анализе и сопоставлении национальных процессов в Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны с общей этнодемографической картиной в стране, неизбежным стало обращение к расчетным данным советского статистического ведомства, имевшим официальный характер и опубликованным в служебном справочнике, носившем в свое время гриф «совершенно секретно»⁷⁹.

⁷⁷ Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 2005. С. 411–412.

⁷⁸ Шабает А.А., Михалев С.Н. Указ. соч. С. 32.

⁷⁹ Статистические динамические ряды за 1913–1951 годы. С. 28 (Российский государственный архив экономики – РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 14 об).

1.2. Зарубежная западная историография

Зарубежная западная историография в плане освоения первоисточников по теме исследования всегда была вторичной по отношению к отечественной. Если в советский период работа западных историков в военных архивах была невозможна по политическим причинам, то сегодня препятствием служит специфический характер архивного материала – сложно организованного, многообразного и чрезвычайно объемного массива делопроизводственных документов. Иностраный исследователь в читальном зале Центрального архива Министерства обороны РФ – очень редкий гость.

Тем не менее западная историография интересна неангажированностью и стремлением к объективности в освещении темы, некоторыми оценками и подходами. Зарубежных авторов искренне интересует уникальный опыт Красной армии, объединившей под своими знаменами десятки разноязычных этносов. Этот опыт рассматривается в контексте общеполитических процессов в СССР, его национальной политики, трактуемой западной наукой в терминах неокOLONИализма.

Пользуясь советскими и российскими изданиями как первоисточниками, они обращаются прежде всего к программным документам, связанным с решением национального вопроса в строительстве советских вооруженных сил, и статистическим данным, иллюстрирующим эти решения. Западных историков особенно интересуют социальный и политический аспекты взаимодействия этнических меньшинств с доминирующим русским этносом в рамках воинского коллектива и количественное измерение этого взаимодействия: численность и соотношение меньшинств в воинских рядах на разных этапах истории Советского Союза, а также факторы, влиявшие на изменения этой численности. Стремление к инструментальному, статистическому измерению национальных проблем в советском военном строительстве принципиально отличает западную историографию от большинства аналогичных отечественных работ. Не случайно большой популярностью среди зарубежных исследователей по сию пору пользуется проанализированная выше работа А.П. Артемьева – один из немногих трудов, содержащий богатый сравнительно-цифровой материал по теме этнического представительства в Красной армии в годы войны.

Как и в отечественной историографии, в западной также неизменно популярна тема национальных частей, однако коренное отличие в их изучении состоит в том, что зарубежные историки всегда старались охватить тему целиком, взглянуть на национальные формирования как на особый институт Красной армии и инструмент национальной политики государства.

Принципиальный вопрос: являлась ли Красная армия «орудием интеграции советских этносов»? – решался западной историографией позитивистским инструментарием, через попытку замерить количественное и качественное представительство различных национальностей в советских вооруженных силах, особенно в рамках дихотомии «русские-нерусские этносы». Решению этой проблемы посвящены монографии и статьи известного советолога Т. Раковски-Хармстоун⁸⁰, книги Дж. Х. Лобинжера⁸¹, В. Янга⁸² и др. Автор монографии «Расколота империя: Национальный бунт в СССР» Э. Каррер д'Анкосс приходит к выводу о том, что в различных составах военнослужащих (рядовом, офицерском) одни и те же национальности представлены по-разному, при явном доминировании русского этноса. Представитель-

⁸⁰ *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978; *Rakowska-Harmstone T.* "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // *Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers.* Waterloo, 1990. P. 123–157; *Rakowska-Harmstone T.* Nationalities and the Soviet Military // *The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society.* Boulder, 1990. P. 72–94.

⁸¹ *Lobinger J.H.* Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahomasity, 1973.

⁸² *Young W.* Minorities and the Military. A Cross-National Study in World Perspective. Westport, 1982.

ство неславянских народов соответствует степени их адаптации к русскоязычной культурной среде и встроенности в традиционное русское общество. Поэтому «советская армия отражает не общество, а власть и степень ассимиляции национальных групп или их сотрудничества с властями»⁸³. Факт этнического дисбаланса в советском офицерском корпусе в пользу славян подчеркивался и в монографии Э. Джонс «Красная армия и общество»⁸⁴.

В 1980-х гг. этническая проблематика в строительстве советских вооруженных сил изучалась в рамках проекта RAND Corporation Research Study, курируемого армией США. В 1982 г. вышел доклад RAND С.Л. Карран и Д. Пономарева «Использование этнического фактора в Русской и Советской армиях»⁸⁵. В последующие годы был издан еще ряд докладов⁸⁶. В 1988 г. в рамках проекта вышла монография Р. Алексеева и С. Уимбуша «Этнические меньшинства в Красной армии: богатство или обуза?»⁸⁷.

В постсоветский период увидели свет монографии М. фон Хагена, Р. Риза, Дж. А. Санборна⁸⁸, ряд статей⁸⁹ в журналах и сборниках, посвященных социальным проблемам Красной армии, в том числе связанным с ее национальным составом. Источниковая база ряда исследований значительно расширилась. В частности, в работах Дж. А. Санборна, М. Меридейл⁹⁰ используются материалы российских архивов: РГВА, ЦАМО, РГАСПИ и др.

Из исследований последних десятилетий (изданных после распада СССР) на тему советской национальной политики особенно следует выделить фундаментальную работу профессора Гарвардского университета Т. Мартина, посвященную политике *коренизации национальных кадров* в 1920-х гг., «Империя „положительной деятельности“»⁹¹. Книга, построенная на архивном материале, получила широкую известность и признание в российской научной среде. Понятие «империя „положительной деятельности“» в последние годы повсеместно употребляется как синоним советского политического курса 1920-х гг. в национальной сфере. Т. Мартин впервые в историографии дал многосторонний анализ явлению *коренизации*, предложил теоретические обоснования этой политики, показал ее региональные и отраслевые различия, а также предложил свое объяснение причинам ее постепенного сворачивания в 1930-х гг. К недостаткам этой большой по объему работы следует отнести то, что процесс *коренизации* в военной сфере совершенно упущен автором и даже ни разу не упоминается. Впервые национальная политика *коренизации* была соотнесена с проблемами строительства Красной армии еще Т. Раковски-Хармстоун в конце 1970-х гг., однако автор тогда призналась, что о результатах ее реализации в военном строительстве судить не может за неимением документальной базы⁹².

⁸³ Карпер д'Анкокс Э. Указ. соч. С. 202.

⁸⁴ Jones E. Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military. Boston, 1985. P. 202.

⁸⁵ Curran S.L., Ponomareff D. Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. Santa Monica: Rand, July 1982.

⁸⁶ Alexiev A., Wimbush S.E. The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future. Santa Monica: Rand, August 1983; Szayna Th. The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension. Santa Monica: Rand, 1991.

⁸⁷ Alexiev R., Wimbush S. Ethnic Minorities in the Red Army. Asset or Liability? (Rand Corporation Research Study). Boulder and London, 1988.

⁸⁸ Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca, 1990; Reese R.R. Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941. Lawrence, 1996; Sanborn J.A. Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003.

⁸⁹ Daugherty III L.J. Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 7. 1994. Issue 2. P. 155–197; Blauvelt T.K. Military Mobilisation and National Identity In the Soviet Union // War & Society. May 2003. Vol. 21. № 1. P. 41–62.

⁹⁰ Merridale C. Ivan's War. The Red Army 1939–1945. London, 2005.

⁹¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР: 1923–1939. М., 2011.

⁹² Rakowska-Harmstone T. Red Army... P. 5.

В оксфордском сборнике статей «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина»⁹³ содержится несколько любопытных статей, касающихся национального строительства в СССР. В частности, обоснованным представляется взгляд на отправную точку советского нацистроительства, связанную с дискуссией по национальному вопросу в начале 1920-х гг. между Лениным и Сталиным. Отмечается, в частности, что в 1917 г. большевики пришли к власти в моноэтничном государстве, в том смысле, что великорусский этнос безраздельно господствовал в Российской империи. Быстро поднявшиеся националистические движения на окраинах рушащегося государства дали понять советскому руководству, что националистическая угроза была действительно серьезной. Но в то же время «они понимали и то, что русский национализм исключительно силен и представляет собой еще более серьезную угрозу единству государства, поскольку может спровоцировать «защитный» национализм среди нерусского населения. Поэтому Ленин и Сталин вполне сознательно попытались создать антиимперское государство. Они поддерживали создание и развитие нерусских территорий, элит, языков и культурных учреждений, при этом систематически принижая русские национальные институты и культуру и даже превращая русских в козлов отпущения»⁹⁴.

Нельзя не отметить еще одной свежей работы французских авторов А. Блюма и М. Меспуле, изданной впервые в Париже в 2003 г. и переведенной на русский язык⁹⁵. Книга посвящена развитию статистической отрасли в условиях сталинизма, выявлению механизмов кадровой и научно-методологической преемственности советской статистической службы от дореволюционной и в то же время сильнейшего политического давления со стороны государства. Рассматриваются особенности статистических обследований населения и экономики в 1920–1930-х гг. Вопросы взаимодействия гражданской статистической службы с военным ведомством, в том числе военные переписи, не попали в поле зрения авторов. С точки зрения нашего исследования особенно ценной является весьма содержательная глава, посвященная национальным аспектам статистических исследований населения в Российской империи и СССР⁹⁶. Авторы убедительно показывают всю сложность таких работ в условиях интенсивно формирующихся этнических идентичностей. Сами статистики и государство постоянно участвовали в изменении и оформлении этих идентичностей, «предписывая», назначая их, группируя национальности исходя из своих административных целей. В работе раскрыты движущие силы и механизм этого процесса.

---

⁹³ Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011 (перевод английского издания: *A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford, 2001).

⁹⁴ Там же. С. 14.

⁹⁵ Блум А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008 (перевод с французского издания: *Blum A., Mespoulet M. L'anarchie bureaucratique: Pouvoir et statistique sous Staline*. Paris, 2003).

⁹⁶ Там же. С. 204–232.

1.3. Историография постсоветского пространства

На просторах бывшего Советского Союза тематика военной службы местных этносов в рядах Красной армии по понятным причинам сильно политизирована. Как нигде, здесь уместно вспомнить классическую формулу сталинской науки: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». Образы национальной военной истории поставлены на службу актуальной политики современных государств, вполне отражая современную, весьма недружественную атмосферу на бывшем советском пространстве. Как отмечает один из ведущих отечественных этнологов академик В.А. Тишков, «конструирование прошлого», создание «версии прошлой жизни, которая ведет к современности... на основании выборочной организации прошлых событий» является важнейшим фактором современной этнической и национальной самоидентификации⁹⁷.

Сразу отметим, что ключевым недостатком многих современных работ, издаваемых по интересующей тематике на постсоветском пространстве, является их слабая источниковая база. Архивный материал привлекается эпизодически, и речь идет в основном об интерпретации известных фактов. Понятно, что ключевые архивы по теме остались на территории России, однако слабо вовлекаются в научный оборот и материалы местных архивов. Диссертации по военно-исторической тематике XX в. тоже редкость. Все это свидетельствует о значительной утрате национальными историческими сообществами интереса к совместной советской военной истории, ее ритуализации и политизации. Особенно это касается историографии Великой Отечественной войны. История войны крайне конъюнктурна и может зависеть буквально от личных пристрастий главы государства. Так, например, произошло в Узбекистане, где на протяжении четверти века правления И.А. Каримова память о войне и участии в ней узбеков медленно, но упорно вытеснялась из символического, информационного и образовательного пространства страны. С приходом в 2016 г. к власти бывшего премьер-министра Ш.М. Мирзиёева тема победы над нацизмом переживает настоящий ренессанс: возвращаются на место старые памятники, проводятся шествия, публикуются книги.

В ряде стран (Таджикистан⁹⁸, Белоруссия⁹⁹, Армения¹⁰⁰, в значительной степени – Казахстан¹⁰¹, Киргизия¹⁰²) тема разрабатывается в целом в парадигме старого советского подхода с упором на освещение героических аспектов национальной военной истории и боевого пути сформированных в этих регионах национальных частей. Так, в *Белоруссии* советские традиции изучения военной истории оказались наиболее сильными на всем постсоветском пространстве; каноны военной героики догматизированы и неуклонно соблюдаются. Особенно это очевидно по содержанию научно-практических конференций по вопросам истории Великой Отечествен-

⁹⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 498–499.

⁹⁸ Абдуллоев Р. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1994; Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 2000; Сборник материалов Республиканской конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Душанбе, 2005 и др.

⁹⁹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Минск, 2005; Освобождение Беларуси. 1943–1944. Минск, 2014; Третьяк С.А. Трудный путь к Победе. Минск, 2015; Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Минск, 2016 и др.

¹⁰⁰ Акопян А.М. От Кавказских предгорий до Берлина – Эльбы: Боевой путь трижды орденоносной 89-й Таманской армейской стрелковой дивизии. Ереван, 1991; Григорян Г. Участие армян Арцаха в Великой Отечественной войне (1941–1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 2004 и др.

¹⁰¹ Тасбулатов А., Аманжолов А. Военная история Казахстана. Алматы, 1998; Исмаилов А.И. Война и Победа (из истории Казахстана в 1941–1945 годах). Шымкент, 2010; История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 306–316 и др.

¹⁰² Трутеев Н.С. Красные кавалеристы Кыргызстана. Бишкек, 1994; Сагынбаев О. Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны. Бишкек, 1995; Всемирно-историческое значение победы в Великой Отечественной войне: Сб. статей. Бишкек, 1995; Отечественная война: их славу годы не сотрут. Бишкек, 2005; Жоробеков Т.Ж. Вклад кыргызстанцев в Великую победу (на материалах южных регионов Кыргызской Республики). Бишкек, 2005 и др.

ной войны, активно проходящих в этой стране¹⁰³. Белоруссия – фактически единственное государство, чья концепция и ключевые оценки истории Великой Отечественной войны совпадают с современной российской, что дает плодотворную почву для научной кооперации военно-исторических сообществ двух стран.

Историки других стран (Украина¹⁰⁴, Грузия¹⁰⁵, страны Балтии, отчасти Азербайджан) увлечены поисками своих корней *вне* российского/советского имперского контекста. Советское военное присутствие в этих странах трактуется как оккупация, а служба местного населения в рядах Красной армии – как действие принудительное. Государствообразующий этнос трактуется как жертва злодеяний сразу двух тоталитарных режимов – и нацистского, и советского. Сама война на большей части постсоветского пространства понимается как чужая, навязанная.

Определенный интерес представляет украинская историография. Тема участия миллионов украинцев в совместной с русскими и другими народами борьбе с нацизмом все более маргинализуется, и нередко целые монографии, посвященные истории вооруженных сил Украины XX в., обходятся даже без упоминания этого факта¹⁰⁶. Термин «Великая Отечественная война» вовсе выведен из официального и научного оборота, и, очевидно, это означает, что, по крайней мере, на современном историческом этапе полный отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий 1939–1945 гг. завершен.

Позиция жертвы большой игры великих держав оправдывает и всевозможные коллаборации «малого» этноса с разными сторонами конфликта, трактуемые как морально приемлемые стратегии выживания нации в условиях тоталитарного гнета. Такому подходу присущ страдательный настрой и пристальное внимание к человеческой и материальной цене победы, которую пришлось заплатить представителям данного этноса за участие в войне. Интересен анализ вопросов, связанных с мобилизациями украинцев в 1943–1944 гг. и резким ростом удельного веса украинцев в частях Красной армии в этот период. Так, в кандидатской диссертации В.А. Гриневича справедливо отмечается перманентная изменчивость национального состава действующей армии в связи с изменениями потоков пополнений в них из различных республик.

¹⁰³ Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность: Мат-лы междунар. научн. конф. (Минск, 29–30 июня 2004 г.). Минск, 2004; Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: Мат-лы Междунар. научно-практич. конф. (Минск, 25–26 июня 2009 г.). Минск, 2009; Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): Мат-лы V междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.). Минск, 2010; Победа – одна на всех: Мат-лы междунар. науч. – практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. Витебск, 2014; Беларусь: памятное лето 1944 года: Мат-лы Междунар. науч. – практич. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем. – фашист. захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.). Минск, 2015; Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: Научный сборник. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2015; Этот день мы приближали, как могли...: Мат-лы Междунар. науч. – практич. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончанию Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.): В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016.

¹⁰⁴ Гриневич Л.В. Військове будівництво в Україні у 20-ті – на початку 30-х рр. ХХ ст.: національний аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львів, 1995; Бондарь А.Н. Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922–1935 годах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Одесса, 1997 и др.; «Українізація» 1920–30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003; Легасова Л., Шевченко Н. Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20–31; Лисенко О.Є. Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19–42 и др.

¹⁰⁵ Натмеладзе М., Даушвили А. Новейшая история Грузии. Тбилиси, 2010. С. 176–214; Натмеладзе М. К вопросу участия Грузии в битве за Кавказ в 1941–1943 годах в русской историографии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. Тбилиси, 2011. С. 141–153 и др.

¹⁰⁶ Например, в большом издании «История украинского войска», подготовленном сотрудниками исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко в 2016 г., повествование неожиданно обрывается 1921 г., а возобновляется только событиями, связанными с формированием войск Карпатской Украины в конце 1930-х гг., а затем – националистической организации ОУН в период Второй мировой войны. В тех же работах, где боевые действия на территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг. все же рассматриваются, это делается подчеркнуто отстраненно: две огромные армии схлестнулись в сражении за богатую украинскую землю (Воєнна історія України від давнини до сьогодні. Харків, 2016). Аналогичным образом построены другие работы о вооруженных силах Украины: Папікян А. Збройні Сили України двадцятого століття. Львів, 1999; Історія українського війська. Харків, 2016; Поле битви – Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Харків, 2016; Литвин В. Історія України: підручник. К., 2013. С. 658–700 и др.

Можно согласиться с утверждением о том, что с начала 1944 г. пополнения из Западной Украины стали большой проблемой для комплекующих органов Красной армии, причем сложность представляли как сам процесс мобилизации, так и дальнейшее использование этой категории военнослужащих в бою¹⁰⁷.

В коллективной монографии, посвященной военному строительству на Украине в XX в., сделаны полезные наблюдения об изменении численности военнослужащих в последний период Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг., на что прежде редко обращалось внимание историков. По подсчетам авторов книги, в ряде армий 1, 2, 3-го Украинских фронтов число украинцев в это время значительно превышало число русских и достигало 50–80 %¹⁰⁸. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей Средней Азии и 1,3 % представителей других народов¹⁰⁹. Отмечается, что к концу войны, по мере того, как иссякали мобилизационные возможности освобожденных территорий УССР, удельный вес украинцев в частях действующей армии вновь упал и не превышал 20–25 %¹¹⁰. Хотя выводы о динамике численности украинцев в рядах Красной армии, сделанные украинскими учеными, в целом подтверждаются в представленной монографии, в украинских работах имеются существенные недостатки: политизированность выводов, узкая источниковая база, фрагментарный охват и нередко случайный характер привлекаемого для анализа учетного материала. Иногда ссылки на документы и вовсе отсутствуют. Например, в монографии доктора исторических наук М.В. Ковалья сообщается, что численность украинцев во многих соединениях достигла 50–70 %, однако не приводятся ссылки на документы¹¹¹. Таким образом, украинские исследования в области сравнительно-статистического изучения участия украинцев в рядах Красной армии можно считать лишь введением в тему.

В последние годы в украинской историографии активно исследуется проблематика советских войсковых мобилизаций на недавно освобожденных территориях республики в 1943–1944 гг.¹¹² В кандидатской диссертации¹¹³ и статьях¹¹⁴ Л.В. Рыбченко (ныне – заместитель директора Национального музея Украины), статьях О.Е. Лисенко¹¹⁵, Л. Легасовой, Н. Шевченко¹¹⁶ представлены результаты анализа специфического типа источников. В 2000-х гг. распоряжением правительства Украины в Национальный музей Украины из областных военкома-

¹⁰⁷ *Гришечко В.А.* Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994. С. 10–11.

¹⁰⁸ *Військове будівництво в Україні у XX столітті: Історичний нарис, події, портрети.* Київ, 2001. С. 196.

¹⁰⁹ *Військове будівництво в Україні у XX столітті: Історичний нарис, події, портрети.* Київ, 2001. С. 196.

¹¹⁰ *Історія українського війська (1917–1995).* Львів, 1996. С. 345.

¹¹¹ *Коваль М.В.* Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939– 1945 рр.). Київ, 1999. С. 117.

¹¹² *Гришечко В.А.* Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994.

¹¹³ *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. К., 2010.

¹¹⁴ *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. К., 2009. Вип. 12. С. 103–112; *Она же.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. К., 2013. С. 77; *Она же.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). К., 2009. С. 129–139.

¹¹⁵ *Лисенко О.Є.* Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19–42.

¹¹⁶ *Легасова Л., Шевченко Н.* Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20–31.

тов были переданы все дела (свыше 9 тыс. единиц хранения¹¹⁷) военкоматов с уведомлениями граждан из воинских частей о безвозвратных потерях (в просторечье – *похоронках*). Записи о *похоронках*, содержащие сведения о дате и месте призыва гражданина, а также дате и месте гибели и захоронения, вносились в специальные книги, которые и стали сейчас предметом исследования, давшего интересные результаты (тем более в России такая работа пока не проведена).

Проведя содержательный и количественный анализ документов одного из районов Киевской области (Обуховского), Л.В. Рыбченко делает ряд любопытных наблюдений о масштабах и методах местных мобилизаций, степени военной выучки мобилизованных украинцев, сроках отправки их на фронт. В частности, она приходит к выводу о том, что нередко «только что мобилизованные жители освобожденных украинских сел сразу попадали в бой». Часть из них погибла в первом же бою недалеко от родных мест и даже хоронилась родственниками по месту жительства. Выяснилось также, что подавляющая часть мобилизованных местных жителей не успевала оформляться по правилам воинского учета¹¹⁸. В то же время автор соглашается с тем, что такая практика, судя по всему, была повсеместной в годы войны, а не велась целенаправленно только в отношении украинского населения, поскольку она осуществлялась в порядке выполнения приказа Ставки ВГК № 089, изданного еще 9 февраля 1942 г.¹¹⁹, задолго до освобождения Украины. Данная директива разрешала военным советам армий в ходе наступления пополнять свои ряды в упрощенном порядке, вне установленной процедуры призыва военкоматами.

Проблема войсковых мобилизаций – интересная и плодотворная тема; проанализированные работы дополняют и подкрепляют сделанные нами на большом архивном материале выводы о резком росте численности украинцев и других «западных» народов СССР среди рядового состава Красной армии со второй половины 1943 г. и до конца войны и изменении соотношения в этническом составе войск между основными его категориями – офицерским, сержантским и рядовым составами.

В украинской академической литературе политике *коренизации* на Украине (частью которой являлось развитие национальных формирований) дается в целом положительная оценка. Как отмечалось в одной из обобщающих работ по истории Украины, «если в других национальных республиках *коренизация* так и осталась аппаратной кампанией, в Украине она приобрела многие признаки мощного национального возрождения»¹²⁰. В работе Института истории Национальной академии наук Украины «Украинизация 1920–30-х гг.: Предпосылки, достижения, уроки» отмечается, что «за десять лет „украинизации“ (1923–1933 гг.) украинцы превратились в структурно полноценную, дружную и консолидированную нацию, то есть обрели все те характеристики, которых им так не хватало во время революции 1917–1920 гг.»¹²¹.

В обобщающей работе «История украинского войска» рассмотрены вопросы *украинизации* воинских частей Украинского военного округа (УВО) в середине 1920-х гг., особенно языковой политики и партийно-политической работы в войсках, подлежавших *украинизации*¹²². Авторы справедливо рассматривают *украинизацию* частей РККА в УССР в контексте политических процессов на Украине, когда апологеты *коренизации* в регионе (прежде всего нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрипник) пытались использовать их

¹¹⁷ Лисенко О.Е. Указ. соч. С. 20.

¹¹⁸ Рыбченко Л. Документальный фонд... С. 133.

¹¹⁹ Экземпляр № 1 приказа Верховного главнокомандующего хранится в подшивке приказов НКО за 1942 г. в ЦАМО (Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150).

¹²⁰ Литвин В. Указ. соч. С. 606.

¹²¹ «Українізація» 1920–30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003. С. 188.

¹²² Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 230–282.

для реализации модели украинского «национал-коммунизма»¹²³. История украинских частей РККА показана на фоне общей картины публичной и негласной политической борьбы между сторонниками углубления *украинизации* и так называемыми «великодержавниками», чьи позиции с конца 1920-х гг. неуклонно усиливались¹²⁴.

* * *

Анализ историографии показал недостаточную изученность национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР в 1918 – первой половине 1940-х гг. отечественной и зарубежной исторической наукой, фрагментарность и регионализацию тематики исследований, а нередко – этнополитическую ангажированность авторов в освещении национальной проблематики в военной истории.

Отсутствие объективного исследования национальной тематики в военном вопросе рождало и продолжает порождать сонмы спекуляций, домыслов и споров, особенно в национальной региональной исторической и публицистической литературе. Зияющая историографическая лакуна на месте столь важной, да и просто крайне интересной страницы отечественных вооруженных сил и послужила толчком к написанию данной книги.

---

¹²³ Історія українського війська. С. 318–331.

¹²⁴ Історія українського війська. С. 331.

Глава 2. Источники по национальному составу Красной армии

Когда в 1928 г. старшему инспектору Политуправления РККА Шапошникову¹²⁵ было поручено подготовить обобщающий доклад о национальном строительстве в РККА, он столкнулся с «необычайными затруднениями», а именно – с «в высшей степени распыленностью материалов», их устарелостью, полным отсутствием обобщающих справок по большинству национальностей, в связи с чем «предварительное намерение дать исчерпывающую картину национального военного строительства в ходе работы пришлось отменить за явной невыполнимостью...»¹²⁶.

Современное состояние источниковой базы тоже не простое. Материалы по теме отложились в самых различных, подчас неожиданных фондах целого ряда архивов. Поиск, систематизация и анализ документальных материалов потребовали многолетней кропотливой исследовательской работы. В ходе подготовки монографии *изучено свыше 1400 архивных дел около ста фондов трех федеральных и одного ведомственного архивов.*

Основу источниковой базы составили документы трех категорий, как опубликованных, так и неопубликованных (архивных):

1) нормативно-правовая база¹²⁷, определявшая национальную политику государства в военном строительстве, – конституционные акты, законы и подзаконные акты¹²⁸;

2) многообразная делопроизводственная документация, состоящая из правоприменительных ненормативных актов – приказов, циркуляров, директив, приказаний, предписаний, а также отчетных материалов исполнителей – докладов, рапортов, донесений, отчетов, информационных материалов и т. п.¹²⁹;

3) документы учетно-статистического характера различного происхождения. Эту категорию документов нередко относят к материалам делопроизводства, однако в силу их специфики и важности для данного исследования они выделены в отдельную группу.

В качестве вспомогательных источников к исследованию привлекались материалы периодической печати тех лет и мемуарная литература участников событий. Они перечислены в списках использованных источников и литературы.

¹²⁵ Инициалы не установлены.

¹²⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 169.

¹²⁷ Под *нормативным правовым актом* понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под *правовой нормой* понимается общеобязательное государственное предписание (правило поведения) постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение (см.: Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.01.2007 № 12547/06; от 14.11.2006 № 11253/06).

¹²⁸ Под *подзаконным актом* российская правовая наука понимает нормативный акт, издаваемый в соответствии с законом компетентным органом, направленный на исполнение и развитие законодательных положений и регулирующий отдельные конкретные аспекты общественных отношений. Следует оговориться, что на подзаконном уровне акты могут носить смешанный характер, то есть содержать положения как нормативного, так и ненормативного характера. Среди положений ненормативного характера можно выделить положения организационно-распорядительного характера (однократного применения, адресованные конкретным лицам или группе лиц), положения рекомендательного характера (не подразумевающие возможности применения мер государственного принуждения).

¹²⁹ Сложная иерархия служебной документации РККА, сложившаяся на рубеже 1920–1930-х гг., подробно проанализирована в докторской диссертации и монографии Н.С. Тарховой (см.: *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация: 1928–1933 гг. М., 2010. С. 48–56).

2.1. Нормативные акты и делопроизводственные документы

Первую категорию источников составляют конституционные акты 1918, 1924, 1936 гг. и основанные на них кодексы, законы, указы, постановления, положения по военным вопросам высших советских законодательных органов власти: Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов и Центрального Исполнительного Комитета СССР (до 1938 г.), Верховного Совета СССР (с 1938 г.) и его Президиума¹³⁰; а также являвшиеся императивными для развития всей страны решения высших органов КПСС: резолюции и постановления съездов РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б), пленумов ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б) и заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б)¹³¹. Совместные постановления ЦК ВКП(б) и правительства с 1932 г. официально носили характер подзаконного нормативного акта; остальные перечисленные решения руководящих органов Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в силу фактического сращивания государственного и партийного аппаратов также были общеобязательными, и их нормативный характер признается источниковедческой наукой¹³².

Большинство документов, отнесенных к первой группе, в силу своей природы (необходимости доведения нормы до широкого круга исполнителей) опубликованы в официальных сборниках нормативных актов и в академических сборниках документов.

В настоящем исследовании проанализированы: положения советских Конституций в части нормирования воинской обязанности для различных категорий граждан; основанные на конституционных положениях законодательные акты в области призыва и прохождения военной службы гражданами РСФСР и СССР различных национальностей в период с 1917 по 1945 г.¹³³ Особое внимание уделено анализу призывных законов 1918, 1920, 1925, 1930 и 1939 гг. и их редакций в контексте деятельности государственных и партийных органов по расширению мобилизационной базы Вооруженных Сил СССР за счет нерусских народов.

Поскольку механизм реализации законов вырабатывается в специальных нормативных *подзаконных актах*, потребовалось изучение всего комплекса руководящих документов, издававшихся военным ведомством во исполнение призывных законов. Сюда отнесены указы высших органов представительной власти, постановления правительства и программные решения руководящих органов Коммунистической партии, а также акты военного ведомства: нормативные приказы, уставы, наставления и инструкции Наркомата по военным и морским делам (с 1934 г. – Наркомата обороны) СССР, его ключевых структурных подразделений (Штаба (с 1935 г. Генерального штаба) РККА, Главного управления РККА (до 1940 г.), Политуправления РККА (с 1941 г. – Главного политуправления РККА), Главупраформа КА и других высших органов военного управления по организации воинского учета, призыва, подготовке кадров, организации партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими и т. д.

---

¹³⁰ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: 1917–1936: Сб. докт. Т. 3. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. 1922–1936. М., 1960; Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. М., 1946.

¹³¹ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917–1981. М., 1981; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1925; Ч. 2. 1925–1953. М., 1953.

¹³² Русина Ю.А. Указ. соч. С. 15–16.

¹³³ Декреты Советской власти. Т. 1–11. М., 1957–1997; Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию. М., 1918; Закон об обязательной военной службе в новой редакции с 1 августа 1928 г. М.–Л., 1929; Закон об обязательной военной службе в редакции 15 августа 1930 г. М., 1931; Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939; Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности и прохождении службы начальствующим составом Красной армии. М., 1942 и др.

Особую категорию составляет нормативная база периода Гражданской войны в России 1918–1922 гг. Она представлена декретами Совета Народных Комиссаров, постановлениями Съездов Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, приказами наркома по военным делам, Реввоенсовета Республики (РГВА. Ф. 1 и 4).

Анализ нормативной базы 1918 – середины 1940-х гг. имел ключевое значение для определения тенденций, темпов и способов комплектования представителями нерусских народов частей Красной армии и организации их военной службы.

В монографии проанализирован целый ряд основополагающих документов партийных и государственных органов, определявших содержание государственной национальной политики в военном строительстве. Они оформлялись резолюциями, декретами, законами, постановлениями высших органов государственной власти и руководства Коммунистической партии. При этом в большинстве случаев партийные решения предшествовали решениям представительных и исполнительных органов государственной власти и определяли содержание последних. В этом на практике реализовывалась «руководящая и направляющая роль» Коммунистической партии. Наиболее важными среди них являются: носившая программный характер резолюция «По национальному вопросу», принятая XII съездом РКП(б), состоявшимся 17–25 апреля 1923 г.¹³⁴, а также резолюция проходившего вскоре после XII съезда партии IV совещания в ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9–12 июня 1923 г.), содержавшая перечень практических первоочередных мероприятий по проведению в жизнь резолюции съезда по национальному вопросу в военном деле¹³⁵. Разработанная на этой основе пятилетняя программа национальных формирований в РККА была утверждена III съездом Советов СССР в мае 1925 г.¹³⁶, а выполнение ее было возложено съездом на ЦИК и СНК СССР и на много лет определило развитие национального сегмента Красной армии¹³⁷.

В исследовании также задействованы рабочие материалы различных ведомств по подготовке законов и подзаконных актов, их практической реализации в национальных регионах СССР, что помогло установить основных акторов, их интересы и мотивы, а также механизмы принятия тех или иных решений.

* * *

Основную часть *делопроизводственных документов*, использованных в данной работе, составляют материалы, связанные с обеспечением текущей управленческой деятельности центральных и местных органов военного управления, воинских частей, соединений и объединений, советских органов власти и Коммунистической партии. Они хранятся в фондах трех федеральных и одного ведомственного архива – Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Часть материалов опубликована в документальных сборниках.

Делопроизводственные документы можно разделить на несколько типов: 1) *руководящая документация* (постановления, директивы, приказы); 2) *деловая переписка и информационно-отчетные документы* (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты); 3) *повестки дня, протоколы и стенограммы*.

¹³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. С. 709–718.

¹³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. С. 761–767.

¹³⁶ Фрунзе М.В. Собр. соч. М., 1927. Т. 3. С. 231.

¹³⁷ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик... С. 92–93.

К основополагающим *руководящим документам* отнесены прежде всего материалы руководства советского военного ведомства (Реввоенсовет Республики/СССР, народный комиссар обороны и его заместители), а также чрезвычайных органов руководства страной и вооруженными силами в период Великой Отечественной войны (Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования).

Для определения механизмов и движущих сил принятия тех или иных решений по национальной проблематике в военном строительстве также использовались архивные материалы гражданских партийных органов, сосредоточенные в РГАСПИ. Среди них личные фонды вождей Коммунистической партии и Красной армии, в разные годы имевших отношение к строительству вооруженных сил, а именно: фонды И.В. Сталина (Ф. 558), К.Е. Ворошилова (Ф. 74), Л.М. Кагановича (Ф. 81) и др. Особенно полезны для исследования документы фонда Ворошилова, который сталкивался с национальным вопросом в армии сначала в должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, а затем – в должности наркомвоенмора (с 1934 г. – наркома обороны).

Впервые в отечественной историографии в целях изучения национальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны проведен анализ значительного массива постановлений ГКО¹³⁸, приказов и директив наркома обороны¹³⁹, директив заместителя наркома обороны – начальника Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии (Главупраформа)¹⁴⁰ с объявлениями очередных и внеочередных (мобилизационных) призывов военнообязанных запаса и призывной молодежи и определением порядка их проведения. Наличие (равно как и их отсутствие) в содержании этих документов ограничений по признаку национальности позволили определить тенденции развития призывной политики государства и сделать вывод о том, что в течение 1941–1943 гг. был издан и действовал до конца войны комплекс совершенно секретных постановлений ГКО и директив НКО, регламентировавших особый порядок призыва, комплектования и несения военной службы для представителей значительного числа народов СССР.

Приказы наркома обороны об очередных и внеочередных (мобилизационных) призывах часто содержали конкретные требования к этническим характеристикам призываемых и определяли возможность использования того или иного народа в строевых или нестроевых частях. Отдельные приказы и директивы НКО объявляли этнические чистки рядов РККА. Такова, например, директива НКО № 200/ш от 24 июня 1938 г., требовавшая уволить из состава частей приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры, болгары и при наличии компрометирующих материалов передать командиров этих национальностей органам НКВД. В годы Великой Отечественной войны разъяснения этнических параметров призывов и мобилизаций часто содержались в приказах заместителя наркома обороны – начальника Главупраформа Красной армии.

¹³⁸ Постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа; 763сс от 11 октября; 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127–129; Д. 12. Л. 78, 162, 197–198); № 2100сс от 26 июля 1942 г. (*Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 514–516); № 4322 от 13 октября 1943 г., № 5026 от 25 января 1944 г. (Русский архив. Т. 17(6). С. 263); № 5460 от 23 марта 1944 г. и др.

¹³⁹ Приказы НКО № 090 от 22 июля 1941 г. (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 182); № 0585 от 30 июля 1942 г.; № 0974 от 21 декабря 1942 г.; № 78 от 14 февраля 1943 г. (ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 191); № 023 от 4 февраля 1944 г. (Русский архив: Великая Отечественная: приказы НКО СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261) и др.; директивы НКО № орг/2/539001 – орг/2/539013 от 11 августа 1941 г. и др.

¹⁴⁰ Директива заместителя НКО № М/1/2926 от 27 июля 1942 г.; № М/1/1493 от 9 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142); № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190–191); № М/1/1746 от 18 ноября 1944 г. (ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54); № орг/7/780356 от 15 января 1942 г. (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 39, 60) и др.

В годы Великой Отечественной войны исключительной была роль Государственного Комитета Обороны СССР – высшего чрезвычайного органа власти, решения которого имели силу закона. В контексте данной работы наиболее важны постановления первого периода войны, связанные с учреждением национальных соединений, определением их штатных параметров и условий формирования (постановления № 383сс, 894сс, 1141сс, 1142сс¹⁴¹, 2100сс, 4322сс, 5026сс, 5460сс¹⁴² и ряд других). Так, постановлением ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. «О национальных войсковых соединениях» было объявлено формирование сразу 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья. Это решение определило судьбу большинства национальных формирований, созданных в годы Великой Отечественной войны.

Большую помощь в исследовании национальных формирований в период Великой Отечественной войны оказал опубликованный в 2015 г. в рамках фундаментальной документальной серии «Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы» большой тематический сборник документов, специально посвященный национальным формированиям Красной армии в годы войны¹⁴³. Это фактически первое в отечественной историографии подобное издание, охватывающее проблему в целом. В книге опубликовано 115 объемных документов, большинство из которых впервые введено в научный оборот. Сборник разделен на несколько тематических разделов, каждому из которых предшествует авторское предисловие, а сами документы добротнo прокомментированы. Многие материалы относятся к центральным управлениям Наркомата обороны СССР (Главному политуправлению РККА, Главному управлению формирования и укомплектования войск КА и др.), фонды которых в ЦАМО по настоящее время не полностью рассекречены. Следует подчеркнуть, что документы опубликованы без изъятий, часто содержат «непарадную» сторону истории нацформирований: сведения о проблемах формирования, укомплектования командным и политическим составом, дисциплине и обучении красноармейцев нерусской национальности.

Ко *второй группе делопроизводственной документации* отнесены *деловая переписка и информационно-отчетные документы* (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты) различных заинтересованных управлений военного ведомства, связанных с комплектованием, боевой и политической подготовкой, боевым применением национальных и обычных (*номерных*) частей Красной армии.

Особое значение в исследовании имел проведенный впервые в отечественной историографии комплексный анализ материалов организационно-мобилизационных органов РККА, наиболее отчетливо отразивших реализацию национальной политики Советского государства в армии. В исследовании периода Гражданской войны важны были весьма объемные фонды органа, занимавшегося всеми вопросами строительства вооруженных сил – Всероссийского Главного штаба (РГВА. Ф. 11); его преемника с февраля 1921 г. – Штаба РККА (РГВА. Ф. 7), а также инспекционного органа – Высшей военной инспекции (РГВА. Ф. 10). Масса разнообразного учетного и справочного материала, отражающего национальный вопрос в РККА, содержится в фонде Управления делами Реввоенсовета Республики (РГВА. Ф. 4). Поскольку документальная база по теме за этот период относительно невелика, к исследованию привлечены хранящиеся в ГАРФ материалы Наркомата по делам национальностей, который в первые годы своего существования активно вмешивался во все сферы общественной жизни, где так

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182; Д. 16. Л. 120–121; Д. 220. Л. 225; Оп. 2. Д. 25. Л. 103–104.

¹⁴² Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 514–516; Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

¹⁴³ Великая Отечественная война: 1941–1945: Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015.

или иначе были представлены интересы народов России, в том числе и в вопросы военного строительства (ГАРФ. Ф. Р-1318)¹⁴⁴.

В исследовании межвоенного периода первостепенное значение имели фонды Главного управления (ГУ) РККА (1924–1934 гг., 1939–1940 гг.) и Административно-мобилизационного управления (АМУ) (1934–1939 гг.). ГУ/АМУ РККА – это высший административно-организационный орган, выделенный из состава Штаба РККА в ходе военной реформы в первой половине 1920-х гг. В его компетенции находились вопросы организации войск, комплектования, боевой и мобилизационной подготовки – словом, все проблемы строительства вооруженных сил, в том числе и национальных частей. ГУ/АМУ РККА воплощали в жизнь политические решения высших государственных органов власти в части мобилизационного планирования, воинского учета и комплектования армии представителями различных народов СССР. Материалы ГУ/АМУ РККА рассредоточены в нескольких местах (РГВА. Ф. 54, 40442; ЦАМО. Ф. 7). В этих фондах подчерпнуты материалы по ежегодным призывам граждан в ряды Красной армии, документы о подготовке и проведении призывов среди представителей нерусской национальности, переписка с центральными и республиканскими органами власти по поводу призывов в той или иной местности, перечни призываемых и непризываемых народов СССР, анализ правоприменительной практики в отношении нерусских народов, отражающие состояние национального вопроса в военном строительстве¹⁴⁵.

Следует отметить, что значительную часть довоенного периода дублирующие Главное управление РККА организационно-мобилизационные и учетные органы содержались и в составе Штаба (с 1935 г. – Генерального штаба) РККА. Периодически они меняли названия и структуру¹⁴⁶. Это историческое обстоятельство потребовало изучения соответствующей документации Штаба (Генерального штаба) РККА (РГВА. Ф. 7. Оп. 7, 10, 14). Более того, в фонде 40442 РГВА и в фонде 7 ЦАМО (Оп. 24, 25, 26) материалы ГУ/АМУ РККА и Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА и вовсе слиты воедино. Среди документов оргмоборганов Генштаба выявлены и проанализированы материалы, относящиеся к 1930-м гг., связанные с анализом специалистами управления результатов и эффективности формирования воинских частей по национальному признаку, планами их мобразвертывания на случай войны и изучением перспектив боевого применения в условиях современной крупномасштабной войны¹⁴⁷.

Органы мобилизационного планирования, учета и комплектования были объединены накануне войны, в 1940 г., войдя в структуру Генерального штаба. Но уже в начале Великой Отечественной войны, 29 июля 1941 г. приказом НКО № 0254 на базе трех управлений Генерального штаба Красной армии (организационного, мобилизационного, комплектования и службы войск) было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). Всю войну он был главным оргмоборганом Красной армии. Основными его подразделениями были: Управление мобилизации и укомплектования армии¹⁴⁸, Управление формирования, Управление маршевых пополнений фронта, Организационно-штатное управление¹⁴⁹. Фонд Главупраформа (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214, 12216, 12234,

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 2.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 52, 97а, 103, 1037, 1039, 1047, 1053, 1088, 1101, 1236, 1238; Оп. 3. Д. 28, 39, 41, 54, 78, 79, 81, 121 и др.

¹⁴⁶ С 1924 г. – Организационно-мобилизационное управление; с 1926 г. – 2-е управление; с 1931 г. – 2-е и 9-е управления (соответственно Организационное и Войсковой мобилизации); затем – Организационно-мобилизационный отдел (затем – управление) Штаба (с 1935 г. – Генерального штаба) РККА.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769; Оп. 2а. Д. 75, 121.

¹⁴⁸ Сформировано в августе 1941 г. и возглавлялось: с 9 августа 1941 г. генерал-майором Н.Л. Никитиным, а с 14 октября 1942 г. – генерал-майором А.И. Баринным (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 136, 138).

¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 190–192.

12236, 12238) содержит большой массив материалов, связанных с вопросами призыва, мобилизации и укомплектования войск личным составом различных национальностей, переписку с фронтовыми и окружными управлениями по поводу использования тех или иных этносов, формированием национальных и смешанных воинских частей, их боевой подготовки и инспектирования, подготовки и отправки на фронт маршевых пополнений и др.

В апреле 1942 г. часть функций Главупраформа была возвращена в Генштаб. Так, было сформировано Организационное управление, переформированное в мае 1943 г. в Главное организационное управление ГШ КА; в этот же период из Главупраформа в Генштаб было передано Организационно-штатное управление, переименованное в Организационно-учетное управление (занималось вопросами оргмероприятий, штатно-списочной численностью частей, общим учетом потерь и др.)¹⁵⁰. Все эти организационные изменения учитывались нами при отборе и анализе документальной базы.

Материалы Главупраформа и Генерального штаба позволили дать оценку особенностям комплектования рядов Красной армии представителями народов СССР в годы войны, объяснить причины возврата в 1941–1942 гг. в строительстве вооруженных сил к национальным формированиям¹⁵¹. Анализ мобилизаций и очередных призывов в годы Великой Отечественной войны позволил впервые в историографии сделать обоснованные комплексные выводы о дифференцированном подходе к приему в ряды Красной армии представителей различных народов на разных этапах войны в зависимости от их социально-политических, демографических и иных оценок.

Масса полезной информации выявлена в фондах полевых управлений фронтов и военных округов, которые комплектовались гражданами нерусской национальности: Закавказский фронт¹⁵² (ЦАМО. Ф. 209), Закавказский военный округ (ЦАМО. Ф. 126), Северо-Кавказский военный округ (ЦАМО. Ф. 144), Среднеазиатский военный округ (ЦАМО. Ф. 158), Кавказский фронт (ЦАМО. Ф. 216), Крымский фронт (ЦАМО. Ф. 215), Южный фронт (ЦАМО. Ф. 228), Северо-Кавказский фронт 1-го и 2-го формирований (ЦАМО. Ф. 224 и 276), Северная группа войск Закавказского фронта (ЦАМО. Ф. 273), Отдельная Приморская армия (ЦАМО. Ф. 288), 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты (ЦАМО. Ф. 236, 240, 243 и 244 соответственно) и др.

Кроме того, в исследовании использованы десятки хранящихся в ЦАМО фондов армий, корпусов, дивизий и бригад, в составе которых сражались воины нерусской национальности, в том числе национальных соединений и частей, а также военных училищ, запасных дивизий, бригад, полков, в которых готовились пополнения, мобилизованные в национальных регионах, и командный состав. Эти материалы отражают процессы формирования, боевой путь частей и соединений, значимые характеристики личного состава – бое численный и национальный составы, состояние дисциплины и морально-боевых качеств, особенности боевой и политической подготовки личного состава. С сожалением следует отметить, что нередко материалы войсковых единиц тактического звена – полков, бригад, нередко и дивизий – сохранились лишь фрагментарно; чаще всего фонды содержат лишь по несколько исторически малозначимых дел (лучше всего сохраняются приказы по личному составу, финансовые документы и материалы партийных организаций). Особенно это относится к большинству национальных частей и соединений, немалая часть которых была расформирована, не успев попасть на фронт. Например, из всего массива национальных соединений, сформированных в 1941–1942 гг. в Среднеазиатском военном округе (15 стрелковых бригад и 14 кавалерийских дивизий), более или менее информативные документальные фонды в ЦАМО имеются только у 94-й узбекской

¹⁵⁰ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 275. Л. 220.

¹⁵¹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 1, 2, 3, 5, 8, 9, 48; Оп. 12234. Д. 152, 194, 199.

¹⁵² Закавказский фронт с августа 1942 г. по январь 1943 г. нес основную нагрузку по обороне территории Северного Кавказа.

стрелковой бригады (Ф. 1907), 97-й туркменской (Ф. 3608) и 107-й киргизской (Ф. 3618) кавалерийских дивизий.

Важным с точки зрения политической оценки участия представителей нерусских народов в военных действиях стало обнаружение и введение в научный оборот материалов относящейся к осени и зиме 1942 г. острой дискуссии между высшим командным составом и представителями высших органов власти и властей закавказских союзных республик по поводу боевых качеств национальных формирований¹⁵³. Именно тогда эти национальные дивизии использовались в оборонительных и наступательных операциях наиболее массово за все время войны. Выявленный по архивным документам и проанализированный в монографии конфликт между Военным советом Закавказского фронта (в составе которого был член ГКО Л.М. Каганович) и политическими элитами Закавказья, с одной стороны, и с другой – Военным советом Северной группы войск Закавказского фронта, открыто опиравшимся на поддержку по линии руководства НКВД (наркома и члена ГКО Л.П. Берии), показал стремление части высшего командного состава переложить ответственность за неудачный ход военных действий на национальные части, которые объявлялись «неустойчивыми» и «небоеспособными» именно в силу своей этнической специфики. Материалы дискуссии, в которую пришлось вмешаться Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, показывают, как легко оценки получали негативную политическую коннотацию и могли трагически отразиться на судьбе целых народов.

К *третьей группе* делопроизводственных документов отнесены *повестки дня, протоколы и стенограммы* заседаний, совещаний коллективных органов государственной власти, военного управления, а также партийных съездов, пленумов, совещаний. Исследование протокольных материалов позволило сделать ряд важных выводов. Так, изучением протоколов и повесток дня заседаний высших партийных и военных органов управления установлено, что в 1920-х гг. на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б) вопросы национальных воинских формирований специально рассматривались трижды (два раза – в 1923 г. и один раз – в 1925 г.); на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) – 14 раз (четыре раза – в 1923 г., девять – в 1924 г., один раз – в 1927 г.)¹⁵⁴. В дальнейшем, напротив, согласно ежегодным тематическим справочникам к протоколам заседаний РВС СССР за 1928–1934 гг. вопросы национального строительства ни разу не выносились на рассмотрение высшего коллегиального органа военного управления страны¹⁵⁵. Это подтвердило наши выводы о том, что пик интереса высших государственных органов к национальному вопросу в РККА пришелся на первую половину 1920-х гг., в дальнейшем же он быстро угасает.

В работе использованы стенографические отчеты ряда съездов РКП(б) – ВКП(б) и иных крупных партийных форумов; заседаний и совещаний руководящих или отраслевых работников военного ведомства. Особенно полезен такой тип источников в отношении первого десятилетия советской власти, когда все решения по национальному вопросу давались непросто, часто – в результате оживленных дискуссий. Поэтому не только резолюции, но и стенограммы заседаний съездов, пленумов, совещаний дают массу полезного материала для осмысления проходившего общественно-политического дискурса вокруг этого вопроса. Так, например, стенографические материалы IV совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего в Москве 9–12 июня 1923 г.¹⁵⁶, дают интереснейший срез мнений представителей союзного правительства и местных работников по вопросам

¹⁵³ ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 161–165; Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29; Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20. Л. 353; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1943. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 466.

¹⁵⁴ Подсчитано по: РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 25. Л. 28 об.; Д. 26. Л. 13; Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М.: СПб., 2006. Т. 2. С. 344–418.

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27–33.

¹⁵⁶ Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1992.

выбора путей национального строительства в стране. На совещании активно обсуждался военный вопрос, изучение которого особенно важно, поскольку совещание проводилось в преддверии развертывания национальных формирований в РККА.

2.2. Проблемы презентации этничности в статистических документах советского военного ведомства

В историографическом обзоре отмечалось, что до сих пор первая и последняя в отечественной историографии попытка составить этнический портрет Красной армии (и то лишь применительно к периоду Великой Отечественной войны) сквозь призму массового учетного материала была предпринята А.П. Артемьевым более сорока лет назад. Однако в то время исследователь обладал малой толикой необходимых документальных данных и вынужден был по крупицам собирать данные об этническом составе отдельных стрелковых соединений. Для настоящего исследования удалось выявить, проанализировать и обобщить огромный массив разнообразного делопроизводственного и учетно-статистического материала, описывающего национальные процессы в Красной армии за период 1918–1945 гг., выраженные в количественных и качественных характеристиках военнотружущих и военнообязанного населения страны.

Объемный источниковый материал требует некоторых пояснений как об особенностях источников, так и об институтах, их производивших. Этому посвящены последующие параграфы книги.

Как уже отмечалось, традиция статистического изучения армии и проблем ее комплектования людьми пришла в Красную армию из Русской императорской армии. Поскольку данное исследование затрагивает историю дореволюционного периода, следует сказать несколько слов о состоянии статистических источников по этническому составу отечественных вооруженных сил до 1917 г. В дореволюционной статистике важнейшими социальными маркерами являлись вероисповедание и сословие. В первой Всероссийской переписи 1897 г. графы «национальность» не было вообще. Имелся лишь вопрос о родном языке, не дающий объективных данных об этничности анкетирруемых.

В дореволюционной военной статистике этнические и религиозно-конфессиональные признаки использовались синкретично. Статистические обзоры офицеров, нижних чинов и рекрутов «по племенам и вероисповеданиям» регулярно публиковались с конца 1860-х гг. Широко употреблялась архаичная религиозная классификация, имевшая всего пять крайне неравных между собой категорий (христиане, магометане, иудеи, буддисты, язычники). Категория христиан иногда дополнялась конфессиональной классификацией (православные, католики, греко-униаты, протестанты, армяно-григориане и др.). Например, статистическое описание офицерского состава в «Ежегодниках Русской армии» в 1870-х гг. ограничивалось только распределением по вероисповеданиям, что сужает возможности изучения этнического состава этой категории военнотружущих.

Этнические номинации в статистических материалах тоже применялись, но нередко они охватывали большие этноязыковые или культурно-географические группы, например «народности Кавказа» (все кавказские этносы, кроме армян), «финские племена» (эстонцы, карелы, чувашы, мордва и др.), «русские» (великороссы, малороссы и белорусы), «балтийские народы» (литовцы и латыши) и т. п. До самого падения Российской империи эти две малоинформативные системы – одна архаичная и давно отжившая свой век, другая недоразвитая и требующая научно обоснованного уточнения – продолжали сосуществовать и нередко встречались в одной таблице (например, категории «поляки» и «магометане»).

Этническая детализация в военно-статистических описаниях применялась со второй половины XIX в., однако так и не заслужила подобающего ей места, хотя ее преимущество в прикладных статистических исследованиях было более чем очевидно. Например, в изданном в 1909 г. объемном исследовании А. Антоновича автор, задавшийся актуальной в то время задачей: выяснить частоту уклонения от воинской повинности различных народностей во время острых социальных потрясений (Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая русская

революция 1905–1907 гг.), столкнулся с тем, что статистика МВД об уклонении от призыва была номинирована только в религиозно-конфессиональных категориях. Пытаясь определить эффективность привлечения к воинской повинности представителей различных христианских народов (русских, поляков, латышей, литовцев и т. д.), он вынужден был взять для анализа частоты уклонения от призыва только те губернии, в которых тот или иной этнос, безусловно, доминировал. Губернии со смешанным населением приходилось отбрасывать. Разумеется, точность выводов серьезно пострадала, а по некоторым христианским народам, проживавшим в России дисперсно, например немцам, и вовсе нельзя было составить никакого основанного на статистике мнения¹⁵⁷.

Буквально в последние дни существования старой армии – 25 октября 1917 г. – в действующей армии была проведена однодневная перепись, давшая максимально возможно точные в тех условиях сведения о личном составе всех фронтов по категориям – офицерский состав, классные чины, солдаты, вольнонаемные рабочие. Целью переписи было уточнение численности армии для дальнейшей ее оптимизации; вопросы социально-демографического характера в этот раз не ставились¹⁵⁸.

Таким образом, хотя до революции сложилась традиция научно-статистического изучения личного состава вооруженных сил, этнический аспект таких исследований страдал крайним несовершенством и не отражал глубины протекавшей на рубеже веков этносоциальной дифференциации населения.

Перейдя практически в неизменном (организационном и кадровом) виде на службу Советскому государству, статистическая служба, объединенная в июле 1918 г. в Центральное статистическое управление (ЦСУ), в известной мере раскрепостилась и смогла сделать большой шаг вперед в изучении общества, в том числе и его этнонациональных сторон. ЦСУ организовало первое сплошное обследование Красной армии уже летом 1920 г. А всего в 1920-х гг. под методическим руководством ЦСУ было проведено три переписи РККА. Масштабные тематические обследования военнослужащих и военнообязанных проводились постоянно. Таким образом, наряду с военспецами, русские статистики внесли свой вклад в обеспечение преемственности в развитии вооруженных сил страны.

Расхожее мнение о советской демографической статистике как о пропагандистском инструменте власти, явлении манипулируемом, лицемерном, а потому заведомо неинформативном и непригодном для научного анализа верно лишь отчасти¹⁵⁹. Жупелом всегда служили отмененная перепись населения 1937 г. и ее «подкорректированная» версия 1939 г. Однако подходить с единой меркой к советской статистике народонаселения без учета конкретно-исторических обстоятельств ее развития было бы неверно. В 1920-х гг. советские статистические публикации были весьма многочисленны и содержательны. Режим статистической секретности постепенно вводился на рубеже 1920–1930-х гг. и окончательно установился в 1932 г. запретом Статистическому управлению Госплана публиковать собранные данные¹⁶⁰. *Открытая публикуемая* статистика действительно нацеливалась на выхолощивание и подтасовку реальной картины общества, манипуляцию общественным мнением. Однако она представляла собой лишь самую вершину айсберга. Статистический учет населения и материальных ресурсов был

¹⁵⁷ Антонович А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241–274. Уже в эмиграции один из классиков русской военно-научной школы Н.Н. Головин аналогичным образом выводил коэффициенты «стойкости» в боях Первой мировой войны представителей различных этносов, опираясь на весьма неполные погубернские данные о числе попавших в плен. Относя те или иные губернии к «великорусским», «белорусским», «польским» и т. д., он экстраполировал данные о числе пленных на соответствующий этнос (*Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 192–193).

¹⁵⁸ Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись Русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91.

¹⁵⁹ Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 292; Источниковедение. М., 2015. С. 411–416.

¹⁶⁰ Блюм А., Местуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 91.

положен в основу всего государственного и военного строительства в Советском Союзе. Власть относилась к статистике чрезвычайно серьезно, как к инструменту социальной инженерии, коренной перестройки общества на новых началах. Как верно сказано в одном современном исследовании, «речь идет о государстве, которое превратило использование чисел в одно из центральных оснований своей политической аргументации»¹⁶¹. Само отношение к человеку, а точнее, к людской массе как к *материалу*, подлежащему обработке, использованию, как к материалу, поддающемуся инструментальному измерению, было повсеместным. В документах советского военного ведомства, особенно за период Гражданской войны, нередко встречается термин *людской материал*, сопровождаемый поясняющими качество этого материала эпитетами («готовый», «сырой», «плохой», «хороший», «отличный» и т. д.)¹⁶².

В области военного строительства весь изученный период органы власти и военного управления проявляли самый живой интерес к полному и всестороннему статистическому изучению людских ресурсов страны как источника комплектования вооруженных сил.

Уже в конце апреля 1918 г. планировалась намеченная штабом Петроградского военного округа первая перепись в истории Красной армии, которой от роду было всего три месяца¹⁶³. Следов этой локальной переписи найти не удалось; очевидно, она так и не состоялась. Однако само стремление к статистическому изучению только появившегося на свет общественного организма заслуживает внимания. Преподаватель академии Генерального штаба РККА В.И. Самуйлов на лекциях, читанных в 1918/19 учебном году, так формулировал этот запрос: «Статистика народонаселения имеет громадное значение для решения вопросов о комплектовании и организации армии. Общее количество населения, распределение его на государственной территории, племенные его особенности, духовные и физические способности, бытовые условия жизни – все это факторы, оказывающие несомненное влияние на численность и качество армии»¹⁶⁴.

Статистические данные являлись основным критерием оценки действительного состояния армии. Численный, этноязыковой, возрастной, социально-классовый, партийный, профессиональный состав, уровень грамотности и образования военнослужащих составляли тот набор критериев, по которым формировалось представление о качественных преобразованиях в Красной армии и достижении целевых установок. Поэтому выявленные в ходе данного исследования напластования статистических материалов по этнической истории Красной армии совершенно не случайны. Статистический учет и анализ личного состава по самым различным параметрам, в том числе и по национальному составу, был основой планирования развития советских вооруженных сил. Можно говорить о своего рода статистическом сопровождении развития Красной армии, когда статистика становилась инструментом оценки и коррекции этого развития.

Сохранившийся в архивах массив учетно-статистических материалов, *не предназначенных для публикации* (в том числе подготовленных для высшего руководства партии и государства в единственном экземпляре и носивших высший гриф секретности), поражает своим объемом и разнообразием. Ныне все они рассекречены и легли в основу представленного исследования. Подавляющее число статистических материалов по национальному составу РККА в 1920-х – первой половине 1940-х гг., проанализированное в данной работе, прежде не публиковалось или публиковалось только в секретных изданиях¹⁶⁵ и впервые использовано в

¹⁶¹ Блюм А., Меснуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 7.

¹⁶² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 373. Л. 157; Д. 828. Л. 16.

¹⁶³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 64.

¹⁶⁴ Самуйлов В.И. Устройство вооруженных сил республики. Вып. 1. Ч. 1–2: [Лекции, читанные в академии Генерального штаба РККА в 1918/19 учебном году]. Пг., 1919. С. 4.

¹⁶⁵ См., например: Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г. Сер. 1. Вып. 1 [Работа отдела военной статистики ЦСУ]. М., 1921; Отчет народного комиссариата по

военно-историческом исследовании. Они отражают процесс привлечения нерусских народов к военной службе, их социально-демографические характеристики, которые к тому же соотнесены с аналогичными характеристиками русских военнослужащих, принятыми за эталон, как доминирующей этнической группы в РККА.

В первые годы советской власти первостепенное значение для нее имели демографические и особенно социально-классовые параметры личного состава и военнообязанного населения. Ведь теперь к армии было отношение как к коллективу политически сознательных личностей, борющихся за интересы пролетарской революции, в отличие от старой армии, которая «представляла из себя совокупность нижних чинов, слепо повинующихся приказаниям начальства и лишенных политического сознания»¹⁶⁶. В июле 1919 г. даже была введена в действие целая инструкция по определению классовой принадлежности военнообязанных граждан¹⁶⁷.

Этничность как социальный маркер далеко не сразу заняла место в советской деловой повседневности. Первое время в документах военного ведомства национальность военнослужащих или вовсе не отмечалась, или же приводился ограниченный перечень наиболее многочисленных этносов. Хотя большевистская революция упразднила вероисповедный социальный маркер, однако в делопроизводстве он был отброшен далеко не сразу. Например, этнически «слепая» категория «мусульмане» широко использовалась в течение всей Гражданской войны. Так, по результатам призыва в Средней Азии летом и осенью 1920 г. все призывники местных национальностей были объединены в рубрике «мусульмане»¹⁶⁸. Задача точного учета национального состава войск не стояла как первостепенная ни перед учетно-мобилизационными, ни перед военно-статистическими органами¹⁶⁹. Однако уже в августе 1920 г. в первой переписи РККА по инициативе организатора и исполнителя мероприятия – ЦСУ – вероисповедный признак был полностью исключен и предприняты все усилия для уточнения этнического состава военнослужащих. Характерны допущенные «типичные ошибки» этой переписи: и переписчики, и военнослужащие путали национальность с вероисповеданием; например, нередко вместо «татарин» записывалось «мусульманин»¹⁷⁰. Отмечались случаи смешения национальности с подданством. Встречались и курьезы, когда отвечающий вообще не понимал, о чем его спрашивают, называя себя «санитар», «крестьянин» и т. п.¹⁷¹

Тем не менее перепись РККА 1920 г. была своего рода аномалией, экспериментом. Устойчивого запроса к строго дифференцированному учету военнообязанного населения и военнослужащих по национальностям в годы Гражданской войны еще не было. Подводя итог учету национальностей в РККА в предшествующий период, в августе 1923 г. Политуправление

военным делам за 1921 г. М., 1922; Штатное и списочное состояние войск Красной армии на 1 января 1922 г. М., 1922; Отчет о допризыве граждан, родившихся в 1901 г., осенью 1922 г. М., 1923; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1924 г. граждан рождения 1902 г. М., 1925; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927; Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА. М., 1927; Призывные контингенты (1902–1905 гг. рождения). М., 1928; 10 лет РККА: 1918–1928: Альбом диаграмм. М., 1928; Призыв граждан 1908 года рождения. М., 1930. Характеристика контингента призыва 1928 г. (1906 г. р.) / Сост. Статист. отдел ГУ РККА. М., 1929; Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М., 1931; Призыв 1908 года: Методические пособия для докладчиков и групп агитаторов. М., 1930; Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 закона «Об обязательной военной службе» / Сост. ГУ РККА. М., 1930; Политико-моральное состояние РККА: (Состояние дисциплины, самоубийства, чрезвычайные происшествия): 1929/30 гг.: Стат. ежегодник. Изд. ГУ РККА. М., 1931 и др.

¹⁶⁶ Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г. Сер. 1. Вып. 2 работ отдела военной статистики ЦСУ. М., 1925. С. 1 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 1).

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 751.

¹⁶⁸ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. С. 42.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702. Л. 158–163.

¹⁷⁰ Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 4).

¹⁷¹ Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 4).

РККА отмечало: «До сего времени на учет личного состава РККА с точки зрения национальностей не обращалось внимания, следствием чего является то обстоятельство, что подчерпнуть нужные сведения из имеющихся данных невозможно...»¹⁷²

Для советского военного ведомства переломной точкой, обозначившей устойчивый интерес к национальному составу РККА, стало принципиальное решение о национальном военном строительстве, принятое как раз в 1923 г. Развертывание в этот период политики *коренизации* национальных кадров определило этот интерес на общегосударственном уровне. Уточнение и нормативная фиксация национальностей стала в тот период одной из главных задач государства. Этническая идентификация становится государственным инструментом в проведении политики позитивной или негативной дискриминации. К позитивной дискриминации можно отнести упомянутую *коренизацию*, о которой много будет говориться на страницах этой книги; к негативной – ограничения и репрессии по национальному признаку. И то и другое требовало особой кодификации советских этносов, нашедшей широкое отражение в статистических источниках военного ведомства (*культурно отсталые народы, националы, западники* и т. д.). Можно согласиться с мнением Т.Ю. Красовицкой, заметившей, что «Советская Россия предприняла беспрецедентные усилия к институционализации и кодификации этничности»¹⁷³. Здесь же можно привести слова А.И. Микояна, в 1925 г. руководившего Северо-Кавказским крайкомком ВКП(б): «Самое интересное то, что Советская власть *создает нации*, Советская власть *помогает оформиться отдельным племенам в нации* (выделено мной. – Авт.)»¹⁷⁴.

Интерес к этническому составу армии рос по мере расширения круга этносов, вовлекаемых в систему комплектования войск, и, соответственно, усложнения задач по организации призыва и работе с личным составом. Обязательное указание национальности в личных военно-учетных документах вводится во второй половине 1920-х гг. Так, в «Призывной карточке» допризывника, утвержденной в мае 1926 г., графа «Национальность и родной язык» шла третьей после года и места рождения, что указывало на то, что эта характеристика молодого человека считалась одной из основополагающих¹⁷⁵. В «Руководстве по очередным призывам в РККА» 1931 г. в «Призывной карте» графа «Национальность» следовала четвертой после фамилии, имени, отчества, даты рождения и места жительства гражданина¹⁷⁶.

Однако в целом во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг., если условно поставить за скобки национальные воинские формирования, являвшиеся своеобразными военно-этническими резервациями, Красная армия продолжала оставаться достаточно однородным в этническом отношении русскоязычным коллективом. Поэтому хотя национальная идентификация и вошла в военное делопроизводство, однако пока оставалась необязательным дополнением к социально-классовому «лицу» военнослужащего или призывника. Не случайно еще в 1927 г. в большой журнальной статье руководящего работника отдела Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию Главного управления РККА И.И. Глудина, посвященной проблемам комплектования РККА призывниками, социально-демографическим характеристикам последних, тема национальности даже не упоминалась.

Полноценная актуализация национальности как социального маркера пришла на вторую половину 1930-х гг. и была связана с отказом от национальных формирований, переходом к смешанному и экстерриториальному комплектованию войск и, наконец, обострением внешнеполитической обстановки, негативно отразившейся и на положении немалого числа совет-

¹⁷² РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 707. Л. 1 об.

¹⁷³ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.). Документы и материалы. М., 2007. С. 10.

¹⁷⁴ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.). Документы и материалы. М., 2007. С. 10–11.

¹⁷⁵ Временное руководство по приписке к призывным участкам и учету допризывников. М., 1926. С. 45.

¹⁷⁶ Руководство по очередным призывам в РККА. М., 1931. С. 80, 81, 85, 86.

ских этносов. В общегосударственном масштабе усилению внимания к этничности в 1930-х гг. способствовал стратегический отказ СССР от идеи наднациональной всемирной классовой революции и переход к строительству национального социалистического государства.

Отметим несколько специфических особенностей первоисточников, связанных с перечнями национальностей. Даже когда в личных документах красноармейца или командира точно указывалась его национальность, в обобщающих статистических материалах национальности представителей незначительных по численности народов часто обобщались в рубрике «Прочие народы», «Остальные» и т. п. По понятным причинам в военных округах разнообразие национального состава военнослужащих нередко было очень значительным, однако формы учета оставались общими для всей РККА. Некоторые народности в ряде округов попадались лишь в единичном порядке, однако вносились в ведомости. Так, в войсках СКВО киргизы, башкиры, мордвины практически не встречались, однако всегда присутствовали в типовых ведомостях. В большинстве случаев командно-начальствующий состав относился к работе формально, просто заполняя предложенную форму. Лишь изредка работники штабов считали нужным делать дополнения, вводя в таблицу новые графы, отражавшие действительное представительство местных народов, что делает такие документы крайне важными.

Наиболее пагубно такой подход сказывался на статистической фиксации относительно малых народов. Если титульные этносы союзных республик, а также крупнейшие народы РСФСР (татары, башкиры, буряты, евреи и ряд других), как правило, всегда включались в ведомости, то десятки других, нередко весьма многочисленных, годами из него выпадали. Северокавказские горцы – характерный тому пример. Они указывались в учетных документах весьма произвольно. Чаще всего они относились в графу «Прочие», реже – объединялись в одну категорию «Горские народности Северного Кавказа»¹⁷⁷, или же указывались только отдельные горские этносы. Например, в годовой отчет Наркомвоенмора 1924 г. попали только осетины и черкесы, в годовой отчет 1926 г. – осетины и лезгины¹⁷⁸ и т. п. Случаи исчерпывающего указания представителей всех горских народов крайне редки.

Следует сказать еще об одной особенности источников, связанной с искусственной, «назначенной» этнической идентичностью, вызываемой политико-административным интересом государства, а не этнографическими или лингвистическими мотивами. В этой книге неоднократно можно будет встретить такие категории, как *кабардино-балкарцы*, *дагестанцы*, *чечено-ингуши* и др. Именно так они представлены в первоисточниках, и с этим уже ничего нельзя поделать. Кабардинцев никак не отделить от балкарцев, хотя совершенно очевидно, что речь идет о механическом сведении в одной строке неродственных друг другу народов. Это – факт этнической политики государства изучаемого периода, явление «предписания идентичности». То, что в своей работе хорошо раскрыли А. Блюм и М. Меспуле, показав на примере грузин и таджиков длительный, но неуклонный процесс бюрократической, «бумажной» «переплавки» многих мелких этничностей в одну, единую, титульную для данной административной территории¹⁷⁹.

«Предписание идентичности» в административных интересах широко практиковалось и в Российской империи (отсюда *мусульмане*, *русские*, *православные* и т. п.). Тогда за основу брался, как правило, вероисповедный признак. В советских источниках перечень национальностей неизмеримо более широк, однако его точность не всегда была на высоте. Ведь «предписанием идентичности» занимались должностные лица, часто бесконечно далекие от этноязыковой тематики. «Различные акторы обладали несхожей культурой и прибегали к различным практикам, результатом которых вовсе не обязательно становилась единая, внутренне целост-

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 78. Л. 5 об.

¹⁷⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 131 об. – 123.

¹⁷⁹ Блюм А., Меспуле М. Указ. соч. С. 213, 228–232.

ная и эффективная форма предписания идентичности». Поэтому «затруднительно предположить, что каждый человек сможет узнать себя в навязываемых обозначаящих формах, так как эти формы разнообразны, изменчивы, а нередко и просто противоречивы»¹⁸⁰. Особенно ярко эта особенность проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда значение этничности в статистическом описании личного состава Красной армии существенно выросло и одновременно упало качество этнического маркирования, что приводило к многочисленной путанице, произвольным объединениям этносов, параллельно существующим этническим классификациям и т. п.

Эти особенности первоисточников существенно затруднили исследовательскую работу в рамках данного исследования, особенно если нужно сфокусировать внимание на каком-то относительно малочисленном этносе. Однако кропотливая, длительная работа с документальной «рудой», широкий охват разнообразных архивных пластов принесли необходимые находки.

---

¹⁸⁰ Блюм А., Местуле М. Указ. соч. С. 205–205.

2.3. Органы статистического учета военного ведомства и массовые источники по национальному составу Красной армии

В хронологических рамках данного исследования вполне ожидаемо наихудшим образом статистическими источниками обеспечен период Гражданской войны. В это время не то что учет национального состава военнослужащих Красной армии не стоял в числе приоритетов, но даже общий учет численности личного состава и военнообязанного населения значительную часть войны оставался неналаженным. Еще в конце 1919 г., то есть на исходе второго года строительства РККА, в своем специальном приказе Реввоенсовет Республики вынужден был констатировать, что, «несмотря на все усилия центральных органов полевого управления, до сегодняшнего времени не удастся собрать в центре сколько-нибудь точных сведений о численном составе действующей армии»¹⁸¹. Отчетность в войсках велась неудовлетворительно, по различным учетным формам, без взаимодействия между инстанциями. То же самое относилось к учету военнообязанного населения и военным призывам. Как отмечалось в докладе начальника Мобуправления П.П. Лебедева в Совет Всероглавштаба, «цифровые данные о призывах, произведенных до 1 января 1919 г., обладают весьма малой достоверностью, и пользоваться ими для каких-либо расчетов и выводов надлежит лишь с большой осторожностью»¹⁸². Однако отчетность и по последующим мобилизациям в силу фронтовой обстановки отличалась неполнотой: «При переходе многих губерний... в руки противника и затем обратно как противником, так и реввоенсоветами советских армий объявлялись мобилизации без всякой системы и статистической отчетности; бывший же в означенных губерниях статистический материал обычно сжигался»¹⁸³. Непрерывные организационные перестройки, сокращения и переподчинения военкоматов только добавляли неразберихи в отчетности.

Поскольку в период Гражданской войны этничность не считалась существенной характеристикой военнослужащих, долгое время она не находила отражения в принятых организационно-учетными органами Наркомата по военным делам (Всероссийской коллегией по организации и управлению Красной армией и сменившим ее в начале мая 1918 г. Всероссийским Главным штабом) формах учета личного состава, рассылавшихся местным органам военного управления для исполнения. Уже в апреле 1918 г. был введен в действие большой комплект документов личного и количественного учета добровольцев Красной армии, подготовленный учетным отделом Всероссийской коллегии¹⁸⁴. Ни в одной из них не было графы «Национальность». Не появилось ее и в более поздних учетных документах. Например, в учетной карточке военнообязанного (форма № 2), утвержденной приказом РВСР № 1169 от 21 июля 1919 г., из 37 подлежащих заполнению пунктов национальности места не нашлось¹⁸⁵.

В то же время было бы ошибкой считать, что категория национальности была совсем неизвестна советским военно-учетным органам в период Гражданской войны. Например, в

¹⁸¹ РГВА. Ф. 4. Ф. 12. Д. 8. Л. 34.

¹⁸² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 803. Л. 113.

¹⁸³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 803. Л. 113 об.

¹⁸⁴ «Алфавитный именной список записавшихся добровольцами в Красную армию» (форма № 9); «Удостоверительная карточка для записи в Рабоче-Крестьянскую Красную армию» (форма № 2); «Личная карточка» добровольца РККА (форма № 5); еженедельная, вскоре замененная двухнедельной сводная ведомость о военнослужащих, «опросные листы» о состоянии строительства Красной армии для военкоматов и другие документы (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 30–30 об.; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 65. Л. 56, 93, 133, 136).

¹⁸⁵ Временное руководство для учета военнообязанных. [М., 1918]; Временное руководство по ведению письменных сведений на солдат, а также для учета военнослужащих и лошадей в войсковых частях, управлениях, заведениях и учреждениях подведомственных Комиссариату по военным делам. Пг., 1918.

форме индивидуального учета «Сведения о красноармейце», разработанной штабом Петроградского военного округа еще в апреле 1918 г., графа «Национальность» стояла четвертым пунктом, сразу после фамилии, имени и отчества военнослужащего¹⁸⁶. В анкете Всероссийского бюро военных комиссаров, введенной в действие не позднее начала июля 1918 г., сведения о национальности содержались в пятой по счету графе, после фамилии, имени и отчества, семейного положения, возраста и образования¹⁸⁷. В перерегистрационных картах начальствующего состава в 1920–1921 гг. национальность также отмечалась на одной из первых позиций¹⁸⁸. Таким образом, можно предположить, что национальность принималась во внимание прежде всего в документах *индивидуального* учета, где она выступала одним из идентифицирующих признаков при составлении социального портрета гражданина и последующем его профессионально-должностном отборе. В приведенном примере о военных комиссарах речь шла о назначении работников на должности военкомов в различные регионы страны и учет национальности кандидатов здесь был вполне уместен.

Первые военно-учетные руководства, устанавливавшие типовые формы *статистического* учета военнообязанных и военнослужащих по национальности, относятся только к началу 1920 г. Например, в марте 1920 г. 1-я Красно-Уральская дивизия и 10-я кавалерийская дивизия Приуральского военного округа подали исчерпывающие данные о национальном составе частей по состоянию на 1 марта 1920 г.¹⁸⁹

В самом конце войны, 12 февраля 1921 г. приказом РВСР № 344 была объявлена «Инструкция о постановке единообразной информационно-статистической отчетности в Красной армии и флоте», которая, несмотря на свое общее наименование, регулировала только отчетность политорганов в области политико-просветительской деятельности в войсках. Предлагаемые к инструкции формы описывали и различные характеристики личного состава. Так, формы № 1 («Сведения о политико-просветительской работе»), № 1а («Общий состав части») и № 2 («Сводка сведений о политработе») предлагали к заполнению небольшой этнический перечень (русские, украинцы, немцы, евреи, татары, латыши, башкиры, поляки)¹⁹⁰. Перечень интересен тем, что в нем уже отразились бурно протекавшие процессы институализации и выдвижения этносов, которые раньше не выделялись в статистике дореволюционного военного ведомства (евреи, латыши, татары, башкиры) или вовсе не считались существующими (украинцы).

Однако в целом учет войск по национальностям в годы Гражданской войны фактически отсутствовал. Об этническом составе Красной армии можно судить лишь по отрывочным и заведомо неполным (ввиду высокой динамики военных действий) данным. В августе 1920 г. Мобуправление Всероглавштаба попыталось разобраться в этом вопросе и затребовало с мест «подробные сведения о всех вообще бывших мобилизациях инородцев с начала существования национальных военкоматов и до настоящего времени»¹⁹¹. Однако даже в конце войны призывы «инородцев» на окраинах страны нередко проводились без ведома центральных органов военного управления и без надлежащего информирования их об этом.

В связи со сказанным особое значение приобретают впервые вводимые в этой книге в научный оборот материалы первой переписи РККА, состоявшейся в августе 1920 г. (рассмот-

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. Л. 65–65 об.

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 207. Л. 148; Ф. 6. Оп. 7. Д. 5. Л. 143.

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 179. Л. 31.

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 188. Л. 65–70.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 603–606.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 247.

рена ниже), в которой фактически единственный раз за годы Гражданской войны была максимально точно, насколько это позволяли условия войны, отражена этническая структура РККА.

Организационно в период Гражданской войны сбор и анализ статистического материала был сосредоточен в упомянутом Центральном военно-статистическом отделе Управления делами Реввоенсовета Республики, а также в мобилизационном отделе (с октября 1918 г. – управлении) Всероссийского Главного штаба. Методическое руководство крупными статистическими обследованиями Красной армии (например, переписью РККА 1920 г.) осуществляло гражданское ведомство – Центральное статистическое управление.

После окончания Гражданской войны военно-статистические работы продолжались под методическим руководством ЦСУ. Для координации деятельности статистиков и Наркомвоенмора было создано Объединенное бюро военной статистики, в состав которого вошли представители обоих ведомств¹⁹². В работах по военной статистике между НКВМ и ЦСУ было определено, что ЦСУ охватывало военно-статистические аспекты, затрагивавшие все население страны, а в Наркомате по военными и морским делам был сосредоточен круг вопросов войсковой статистики, имевший своим предметом изучение только армии как общественного организма¹⁹³. В эти годы были разработаны ведомости социально-демографического учета личного состава РККА, статистика чрезвычайных происшествий, потерь на фронтах, личные карты призывников, на основе которых осуществлялось изучение призывного контингента и т. д.

В 1922 г. был сформирован юридическо-статистический отдел, в марте 1924 г. переформированный в отчетно-статистический отдел в составе созданного в 1924 г. Управления РККА. В октябре 1924 г. отдел был объединен с юридическим отделом в юридическо-статистический отдел на правах управления (при нем – бюро потерь в войнах 1914–1917 и 1918–1920 гг.). 26 января 1925 г. Управление РККА было реорганизовано в Главное управление РККА. В этом же году юридическо-статистический отдел был развернут в Центральное статистическое управление Главного управления РККА, вскоре переформированное в Управление по военному законодательству и статистике¹⁹⁴. В июне 1927 г. в связи с общим сокращением центрального аппарата вооруженных сил управление было преобразовано в Бюро статистики Управления устройства и службы войск Главного управления РККА, которое в 1930 г. переименовано в Отдел статистики Главного управления РККА. В 1933 г. Отдел статистики переименовывается в Отдел учета Главного управления РККА и ведет учет списочной численности и демографический учет личного состава.

В декабре 1937 г. Отдел учета преобразуется в 4-й отдел (учета и статистики) в составе сменившего Главное управление РККА Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА. Отдел собирал и разрабатывал учетные данные по штатной и списочной численности личного состава, его социально-демографическим характеристикам; обеспечивал народного комиссара обороны и центральные управления НКО сводными статистическими данными; осуществлял руководство и контроль за постановкой учета и отчетности в РККА; непосредственно организовывал переписи и другие учетные работы; вел учет состояния дисциплины и чрезвычайных происшествий, а также расчет потребности продфуражных пайков¹⁹⁵. В декабре 1939 г. отдел возвращается в состав Главного управления (одновременно с ликвидацией АМУ). 3 августа 1940 г. отдел был расформирован.

Перед Великой Отечественной войной учет штатной и списочной численности Красной армии, а также ведение демографического учета в Красной армии были возложены на 8-й отдел (учета и статистики) Организационно-штатного управления Генштаба. 1 сентября 1942 г. отдел

¹⁹² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 60.

¹⁹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 602. Л. 60.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 766. Л. 81.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 8–9.

переименовывается в 8-й отдел (учета численности Красной армии) Организационно-учетного управления Генерального штаба, а 1 сентября 1943 г. Организационно-учетное управление было включено в состав Главного организационного управления Генерального штаба. В таком виде отдел просуществовал до марта 1946 г., когда на его базе было сформировано Управление учета и контроля за численностью и укомплектованием ВС Главного организационного управления Генштаба, которому, кроме учета численности, поручалось вести контроль за укомплектованием войск и демобилизацией¹⁹⁶.

Далеко не все перечисленные военно-статистические органы стали впоследствии фондообразователями, что затрудняет поиск нужных материалов в архивах. Чаще их делопроизводство передавалось и продолжалось поглощавшей их структурой.

Кроме профильных учетно-статистических органов, учет личного состава и военно-обязанного населения производили в рамках своих интересов и многие другие центральные и местные органы военного управления (Главное управление кадров Красной армии, Главное управление военно-учебных заведений Красной армии, Политуправление РККА, Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии, окружные и фронтовые штабы, военкоматы и т. д.), о которых сказано ниже.

Статистические данные по национальному составу Красной армии за исследуемый период представлены в *пяти типах источников*:

во-первых, данные переписей РККА 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 гг. (РГВА. Ф. 54, 40442; ЦАМО. Ф. 7, документальные публикации);

во-вторых, сводные альбомы социально-демографических характеристик личного состава Красной армии, выявленные автором данного исследования за период с 1926 по 1945 г. Альбомы готовились в единственном экземпляре для наркома обороны и имели высший гриф секретности. За составление были ответственны статистические подразделения ГУ/АМУ РККА, а затем их правопреемник – 8-й отдел Организационно-учетного управления Генерального штаба РККА (ЦАМО. Ф. 7);

в-третьих, материалы о состоянии мобилизационных ресурсов, ходе и итогах призывов на военную службу (плановых и мобилизационных) Всероглавштаба, ГУ РККА, АМУ РККА, ГШ КА, Мобилизационно-планового управления РККА, Главупраформа КА, Главного политуправления РККА (РГВА. Ф. 4, 7, 9, 11, 33994, 39415, 40442; ЦАМО. Ф. 7, 56; опубликованные отчеты Наркомвоенмора и др.);

в-четвертых, материалы Управления (в годы Гражданской и Великой Отечественной войн – Главного управления) военно-учебных заведений (УВУЗ/ГУВУЗ) КА и Главного управления кадров (ГУК) КА, штабов фронтов и округов, военно-учебных заведений о состоянии и подготовке кадров командно-начальствующего (офицерского) состава (РГВА. Ф. 62; 37837; ЦАМО. Ф. 33, 54 и др.);

в-пятых, отчетно-информационные материалы штабов объединений, соединений и частей о состоянии личного состава, потерях, пополнениях и т. п. (РГВА. Ф. 25873, 25896; ЦАМО. Ф. 126, 144, 156, 209, 215, 224 273 и др.).

Рассмотрим все эти категории документов.

Переписи, состоявшиеся в августе 1920 г., марте 1923 г., декабре 1926 г., январе 1937 г. и январе 1939 г., представляют собой несколько редких примеров абсолютно полной фиксации этнического состава РККА. Эти материалы дают представление о динамике социально-демографических характеристик и национального состава военнослужащих Красной армии. Материалы военных переписей являются ценным и практически неизвестным научному сообществу статистическим источником по истории РККА.

¹⁹⁶ Историческая справка к описям 16, 24, 25, 26 фонда 7, ЦАМО.

К настоящему времени были опубликованы лишь некоторые обобщенные данные переписи РККА 1923 г.¹⁹⁷; полные данные по этой переписи не выявлены. Данные военных переписей 1920 и 1926 гг. находятся в РГВА на общем хранении¹⁹⁸. По переписям 1937 и 1939 гг. в этом архиве имеются только организационные материалы¹⁹⁹. Остальные материалы переписей 1937 и 1939 гг., а также периодические социально-демографические статистические материалы до последнего времени были засекречены и лишь в середине 2017 г. переданы на общее хранение в фонд ГОМУ ГШ Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО. Ф. 7²⁰⁰).

Все военные переписи осуществлялись по единой методике Центрального статистического управления. Они содержали максимально полные (с точностью до одного человека) данные об этническом составе РККА. Например, в переписи 1920 г. перечислено 132 национальностей, представленные в Красной армии, в том числе и те, которые были представлены в войсках одним человеком (например, бур, индеец, кипчак, норвежец и др.)²⁰¹. Переписью, состоявшейся в декабре 1926 г., были зафиксированы представители 108 национальностей²⁰². В 1937 г. в итоговой ведомости было перечислено 109 национальностей²⁰³.

Информативная ценность переписей РККА неодинакова. Четыре из пяти переписей (1920, 1923, 1937, 1939 гг.) пришлись на периоды бурных качественных изменений советских вооруженных сил. Только перепись 1926 г. застала Красную армию и в организационно-штатном, и в численном отношении в достаточно стабильном состоянии. Поэтому использование материалов переписей требует учета конкретно-исторических обстоятельств, в которых они проводились.

Сводные альбомы списочной численности личного состава Красной армии, как обобщающий документ особой важности, исполнялись один раз в полгода в единственном экземпляре и предназначались для представителей высшего государственного и военного руководства страны. Нами обнаружены и проанализированы такие альбомы по состоянию на: 1 января 1927 г., 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г., 1 января 1941 г. За годы Великой Отечественной войны проанализированы материалы национального состава Красной армии по состоянию на 1 июля 1942 г., 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1944 г., 1 июля 1944 г., 1 января 1945 г., 1 октября 1945 г. Эти данные хранятся в описях 24, 26 и 32 фонда 7 ЦАМО. Все перечисленные материалы фонда 7 ЦАМО были рассекречены лишь в середине 2017 г. и до сих пор не были известны историческому сообществу.

Составной частью указанных альбомов за период Великой Отечественной войны являются статистические данные, отражающие различные социальные и демографические характеристики личного состава, в том числе национальное представительство в действующих и недействующих войсках, родах войск и видах вооруженных сил, а также абсолютное число и удельный вес раненых и больных, находившихся на излечении в госпиталях. Последнее обстоятельство дало дополнительный материал для оценки интенсивности использования представителей различных народов на фронте и в тылу, а также в различных родах войск.

Рассмотренные альбомы стали ключевым источником для анализа национальных процессов в Красной армии. Более полных материалов в этой области пока не обнаружено. В то же

¹⁹⁷ Красная армия в 1920-е годы: Док-ты и мат-лы. М., 2007. С. 43–50.

¹⁹⁸ Соотв.: перепись РККА 1920 г. – РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 27; перепись РККА 1926 г. – РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 31–32.

¹⁹⁹ Соотв.: РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 7, 15.

²⁰⁰ Перепись РККА 1937 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 109. Л. 2, 21–20; перепись РККА 1939 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 135. Л. 1, 5–93.

²⁰¹ РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 27.

²⁰² РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

²⁰³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 105. Л. 107 об.

время нельзя не отметить, что они не совершенны, особенно для военного периода. Во-первых, во время Великой Отечественной войны был нарушен полугодовой шаг составления альбомов. Некоторые альбомы составлялись непосредственно к установленной дате, некоторые – сразу после окончания войны – в 1945 г., а отдельные (на 1 января 1943 г.) – только в 1954 г., по сохранившимся донесениям. За первый период войны (на 1 июля 1941 г. и 1 января 1942 г.) они вовсе не обнаружены и, возможно, совсем не готовились.

Во-вторых, хотя альбомы и составлялись по одной учетной форме № 19 (в конце войны – № 6/оп), однако приобрели полностью единообразное наполнение только в последний период войны – в 1944–1945 гг. Так, в альбоме на 1 июля 1942 г. не представлена категория раненых и больных военнослужащих, а в последующих альбомах они есть. В альбоме на 1 января 1943 г. нет данных Военно-воздушных сил Красной армии. По этой причине из нашего поля зрения выпадают сотни тысяч военнослужащих.

Однако и на этом проблемы не заканчиваются. В материалах одного органа учета (8-го отдела Оргучетного управления Главного организационного управления ГШ КА) за период Великой Отечественной войны отмечаются существенные расхождения в численности Красной армии на одну и ту же дату. В этом видится несовершенство учетно-статистического дела советского военного ведомства, выражавшееся в запаздывании поступления и обработки статистической информации, параллелизме и пересечении статистических потоков. Очевидно, что различные справочные материалы основывались на разных первоисточниках: альбомы социально-демографических сведений – на основе донесений о списочной численности военнослужащих по социально-демографическим признакам (форма № 19, в конце войны – форма № 6/оп), а помесечные сведения о личном составе – на донесениях о списочном составе военнослужащих (форма № 3). Первые данные носили развернутый характер, вторые – краткий. Поступление последних из войск было более оперативным. Так или иначе, недоучет некоторых категорий военнослужащих, а также запаздывание социально-демографических учетных сведений приводили к очень существенному расхождению с фактической численностью вооруженных сил. В источниках есть прямые указания на эти расхождения. Так, в оглавлении «Альбома списочной численности личного состава Красной армии по социально-демографическим признакам по состоянию на 1 июля 1942 г.» дано примечание: «При пользовании данными социально-демографического учета следует принимать во внимание то, что ввиду неполучения донесений ряда соединений, частей и учреждений списочная численность, показанная по этим данным, меньше фактической численности Красной армии на 10,9 % (по раненым меньше на 9,4 %)»²⁰⁴. В альбоме за 1 июля 1943 г. приведена сравнительная справка о списочной численности личного состава Красной армии, показанной в донесениях о списочном составе (форма № 3) и в донесениях о списочной численности военнослужащих по социально-демографическим признакам (форма № 19). По донесениям формы № 3 общая численность военнослужащих составляет 11 449 404 человек плюс 731 420 раненых и больных, а по № 19 соответственно 10 883 977 человек и 676 006 человек. Разница – в 4,9 % по здоровым военнослужащим и 7,6 % – по раненым и больным²⁰⁵. Данные о численности Красной армии по ежемесячным донесениям по форме № 3 были опубликованы²⁰⁶ и известны научной общественности; данные социально-демографического учета военнослужащих Красной армии рассекречены лишь недавно и впервые вводятся в научный оборот.

Несмотря на перечисленные недостатки, альбомы социально-демографического учета остаются наиболее полным и, что важно для статистического исследования, периодичным и

²⁰⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 1.

²⁰⁵ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 234. Л. 1.

²⁰⁶ См.: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 39–40. Эти же цифры приводятся в большом докладе Главного организационного управления Генерального штаба «Развитие Красной армии за годы Отечественной войны 1941–1944 гг.», подготовленном в конце 1944 г. (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 707. Л. 70–100).

достаточно единообразным источником по национальному составу Красной армии. В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что почти четверть века, начиная с 1940 г. учетную службу Генерального штаба возглавлял один человек – полковник интендантской службы, затем генерал-майор С.М. Подольский²⁰⁷. В целом это обеспечило единство и преемственность учетной работы в центральном аппарате вооруженных сил нашей страны. Возможно, упомянутые послевоенные попытки закрыть образовавшиеся в сводных документах лакуны были его инициативой, и уж во всяком случае альбомы на материалах военной поры готовились под его прямым руководством.

Материалы, отражающие статистические данные по учету личного состава Красной армии и военного призыва за период Гражданской войны, хранятся в обширных фондах Управления делами при НКО СССР (РГВА. Ф. 4), Всероссийского главного штаба (РГВА. Ф. 11), Штаба РККА (РГВА. Ф. 7). Статистические материалы за межвоенный период в основном сосредоточены в делах 4-го отдела (учета и статистики) ГУ РККА (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24; РГВА. Ф. 54. Оп. 6)²⁰⁸, в фонде Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба (РГВА. Ф. 40442). За период Великой Отечественной войны – в документах Управления учета и контроля численности Вооруженных Сил Главного организационно-мобилизационного управления (ГОМУ) Генерального штаба (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26)²⁰⁹ и Управления мобилизации Главного организационного управления Генерального штаба (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806)²¹⁰.

Диаграмма 1. Сравнение сведений о численности Красной армии по данным полугодичных альбомов социально-демографического учета личного состава Красной армии и ежемесячного учета списочной численности Красной армии

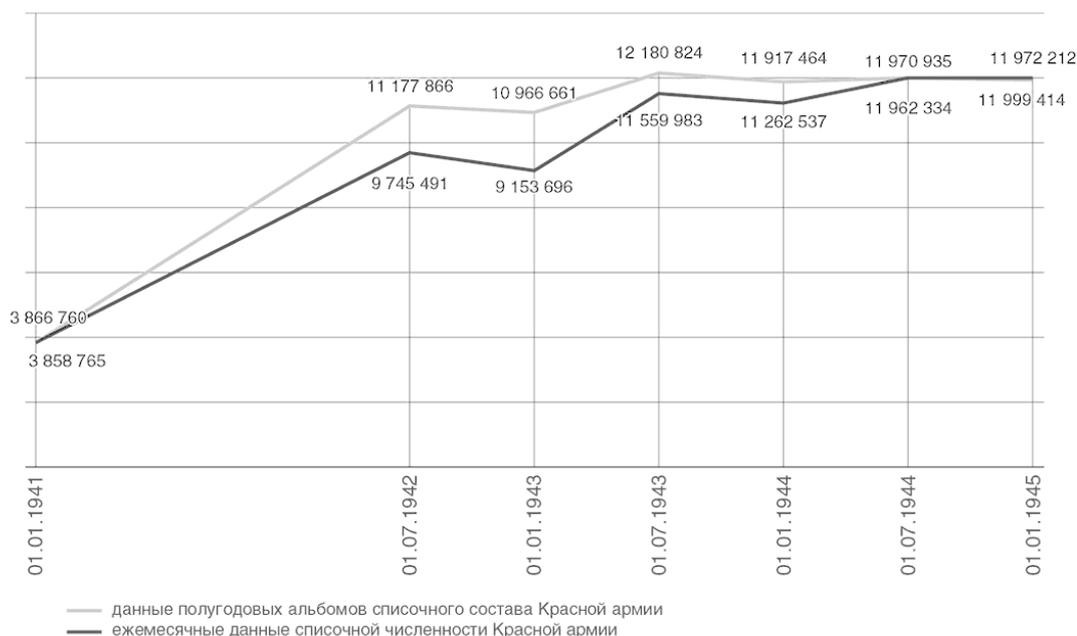
---

²⁰⁷ Подольский Стефан Максимович (1901–1981), генерал-майор интендантской службы (1949). В Красной армии с 1921 г. В 1930-х гг. занимал различные руководящие должности по строевой службе в штабах Киевского и Одесского военных округов. С августа 1940 г. – начальник 8-го отдела Организационного управления Генерального штаба (с августа 1941 по май 1943 г. управление находилось в составе Главного управления укомплектования и формирования войск Красной армии). С мая 1943 г. – начальник 8-го отдела Организационно-учетного управления Главного организационного управления Генерального штаба (ГОУ ГШ). С мая 1946 г. – заместитель начальника Управления учета и контроля за численностью и укомплектованию вооруженных сил ГОУ ГШ; с ноября 1948 г. – начальник этого управления. С октября 1955 г. – начальник отдела планирования, укомплектования и учета численности – начальник направления по учету численности вооруженных сил Генерального штаба. Уволен в запас в июне 1963 г. (Биографическая справка предоставлена Б.В. Айрапе тяном).

²⁰⁸ Материалы по учету численности и состава РККА: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3, 6, 8, 14, 15, 17, 20, 25, 60, 87, 92, 102, 105, 106, 109, 114, 125, 134, 135, 167, 170.

²⁰⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28, 29, 123, 164, 181, 234, 317, 319, 366.

²¹⁰ ЦАМО. Ф. 7. О. 881806. Д. 205, 207, 208, 212.

Примечание. На нижней кривой сведения за 1.07.1942 г. приведены без учета раненых и больных, сведения за 1.01.1943 г. и 1.7.01943 г. приведены без учета личного состава ВВС.

Составлено по: Верхняя кривая построена на материалах, опубликованных в справочнике: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 39–40. Нижняя кривая построена на материалах ЦАМО, выявленных автором в фонде 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 194, 199; Д. 220. Л. 29-48.

Большой массив отчетного и статистического материала, включая статистику национального учета военнослужащих, изучен также в материалах Мобилизационно-планового управления РККА (РГВА. Ф. 33994). Кроме того, важная мобилизационная статистика, связанная с военным призывом в республиках СССР и национальными формированиями и подготовкой национальных политических кадров, аккумулировалась 8-м отделом (мобилизационной подготовки) Политуправления РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 33). В частности, нами обнаружен, сведен воедино и проанализирован статистический материал по предвоенным призывам в ряды Красной армии начиная с 1936 г. с указанием национальности призванных. Последние предвоенные годы характеризовались радикальным приростом военного призыва в национальных регионах СССР. Эта тенденция выявлена и проанализирована в книге.

Особое внимание уделено анализу динамики численности командно-начальствующего состава из представителей народов СССР. Кадровая проблема являлась краеугольным камнем на пути широкого использования национальных контингентов военнообязанных в рядах РККА в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Динамика подготовки командно-начальствующего состава отдельно в военно-учебных заведениях и военных академиях по национальностям в предвоенный период проанализирована по состоянию на 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1939 г. и 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г. и 1 января 1941 г., а за годы Великой Отечественной войны – за 1 июля 1942 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1945 г. Эти материалы позволили оценить динамику и степень вовлеченности советских этносов в процесс подготовки командных кадров. Богатый статистический материал по вопросам подготовки национальных кадров выявлен также в фондах Управления военно-учебных заведений Красной армии (РГВА. Ф. 62; ЦАМО. Ф. 54), Главного управления кадров (ЦАМО. Ф. 33) и отделов кадров ряда фронтов и округов (прежде всего Среднеазиатского, Закавказского, Северо-Кавказского военных округов и Закавказского фронта).

Использование массива статистических материалов, наряду с анализом нормативной и делопроизводственной документальной базы, предоставило нам мощный инструментарий для анализа национальной политики Советского государства в Вооруженных Силах СССР в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, которым не располагали предшествующие исследователи. Опора на статистические материалы позволила проанализировать конкретные проблемы истории Красной армии, связанные с этничностью военнослужащих, которые иным способом едва ли решаемы.

2.4. Учет потерь личного состава по национальностям

В заключение анализа источников имеет смысл несколько слов сказать о том, чего в книге нет, или, если быть точным, о том, что освещено лишь частично – настолько, насколько позволили источники. Это вопрос о национальном составе потерь Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Выше уже отмечалась чрезвычайная актуальность и острота этого вопроса в историографии и публицистике, ибо наиболее зримо вклад советских этносов в общую победу может быть отражен не только в численности участников Великой Отечественной войны по национальностям, но и в числе военнослужащих, сложивших свои головы в вооруженной борьбе за Отечество. Поэтому было бы правильным дать разъяснения о возможности исчисления различных типов потерь в этническом отношении.

Централизованный учет безвозвратных потерь в Красной армии впервые был введен в Советской России в годы Гражданской войны в 1919 г. и находился в ведении Управления по командному составу Всероглавштаба²¹¹. В предвоенный период учет потерь велся в Бюро по учету потерь Главного управления Красной армии. В годы Великой Отечественной войны этой работой занимался Отдел учета персональных потерь – Главного управления формирования и укомплектования Красной армии (5-й отдел). Все воинские части обязаны были направлять сюда списки безвозвратных потерь. 5 февраля 1942 г. в связи с большим объемом работы отдел был развернут в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии в составе Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии.

Формы учета персональных потерь, подававшиеся по команде, начиная от командира взвода и до штаба дивизии (отдельной бригады), были введены еще до войны. Приказом НКО № 238 от 21 декабря 1939 г. приняты «Положение о персональном учете потерь личного состава Красной армии в военное время» и «Инструкция о порядке пользования медальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной армии». Во вкладной листок медальона заносились следующие сведения: фамилия, имя и отчество военнослужащего, воинское звание, год и место рождения, адрес семьи, призвавший его райвоенкомат и группа крови²¹². Национальность погибшего не указывалась ни в листке-вкладыше «смертного» медальона, ни в имевшихся во всех отдельных частях и соединениях книгах учета безвозвратных потерь, содержащих подробные социально-демографические сведения о безвозвратно утерянном личном составе.

Не изменились требования и в годы Великой Отечественной войны. Главным руководящим документом было объявленное незадолго до ее начала (15 марта 1941 г.) «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время», доведенное до всего начальствующего состава. В предлагаемых формах для заполнения сведений о потерях не содержалось графы о национальности. Не появилась она и в подготовленном с учетом опыта войны в феврале 1944 г. «Наставлении по учету личного состава Красной Армии (в военное время)»²¹³. «Командир отделения обязан иметь постоянно точный список бойцов своего отделения с данными: фамилия, имя и отчество, звание и должность, год рождения, место рождения, адрес семьи или ближайших его родственников», – указыва-

²¹¹ РГВА. Ф. 12. Оп. 12. Д. 13. Л. 728.

²¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 666.

²¹³ «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время» (введено приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.) и «Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время)» (введено в действие 1 мая 1944 г. приказом НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.) (Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261).

лось в Наставлении²¹⁴. Аналогичные обязанности были у командира взвода и старших командиров. В штабе полка «после точного установления списка погибших в боях, попавших в плен и умерших от ран и других причин, они исключаются из списков части приказом по полку, в котором указывается: воинское звание, должность, фамилия, полное имя и отчество, а также год рождения, какой местности уроженец, дата гибели и место погребения»²¹⁵. В прилагаемых формах, в которых велся персональный учет потерь от полка до корпуса, также нигде не указывалась национальность.

Почему так произошло? Мы не склонны усматривать здесь какой-то специальный умысел. Скорее можно говорить о недосмотре. Иные формы учета личного состава в годы войны (например, рядового и офицерского состава воинских частей, маршевых пополнений, награжденных и т. п.) предусматривали указание национальности личного состава.

О возможной случайности может свидетельствовать и то обстоятельство, что в отчетности по другому типу потерь – *санитарных* – национальность военнослужащих указывалась. Если персональный учет *безвозвратных* потерь велся по правилам, разработанным перед войной Главным управлением РККА, то правила учета санитарных потерь разрабатывало для собственных нужд Санитарное управление Красной армии²¹⁶. В данной монографии использован большой объем статистических материалов, отражающих национальный состав раненых, заболевших, обмороженных военнослужащих. Таким образом, хотя бы частично удалось пролить свет на вопрос этнического состава потерь. Любопытные дополнительные результаты дало сравнение между собой одновременных данных по санитарным потерям с общим составом Красной армии, а также составом действующих и недействующих войск, что позволило расставить некоторые акценты в объяснении интенсивности использования тех или иных этносов в боевых действиях.

Из всех категорий потерь, относимых к безвозвратным, национальность указывалась только у бывших советских военнопленных, *репатриированных* на родину в 1944–1946 гг. Всего органами репатриации было учтено 1825 тыс. бывших военнопленных²¹⁷. Из этого числа на 1 368 849 человек имеются сведения об их национальности. Эти данные были опубликованы еще тридцать лет назад²¹⁸, однако оставались без комментариев исследователей.

Невольно напрашивается такое наблюдение: органы государственного и военного управления не интересовались национальностью военнослужащих, *безвозвратно потерянных* для вооруженных сил. Но едва возникала возможность вернуть гражданина в «народно-хозяйственный» оборот, возвращался интерес к его социально-демографическим характеристикам, одной из которых являлась его национальная принадлежность. Именно это происходило с репатриантами, которые в период войны уже были полностью и навсегда списаны в безвозвратные потери. Анализ национального состава бывших военнопленных, возвращенных на родину, представлен в этой книге.

Возвращаясь к безвозвратным потерям, повторим, что в распоряжении исторической общественности источников, позволяющих *полно* установить их этнические параметры, на данный момент нет. Неслучайно национальность погибших бойцов и командиров не указана и в большинстве издававшихся с 1990-х по середину 2000-х гг. региональных Книгах памяти, в которых были учтены персональные потери военнослужащих Красной армии с 1923 по 1945 г.²¹⁹ Однако в целом ряде региональных Книг памяти национальность устанавливается их

²¹⁴ ЦАМО. 33. Ф. 11456. Д. 689. Л. 158.

²¹⁵ ЦАМО. 33. Ф. 11456. Д. 689. Л. 159.

²¹⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 88. Л. 674.

²¹⁷ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28. Л. 1.

²¹⁸ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 339.

²¹⁹ Книга памяти. 1939–1940. Т. 9 (Фабрика – Ящук). М., 2005. С. 12. Поименные Книги памяти издавались в соответствии

авторами по учетным картам военкоматов, которые призывали граждан на военную службу. Такая поименная реконструкция потерь, как представляется, единственный теоретически возможный путь приблизиться к более или менее точной оценке людских потерь по национальности. Однако и этот метод не сулит полного успеха из-за неизбежных лакун в военкоматской документации (например, в десятках областей, побывавших под оккупацией).

Итак, для объективного подсчета безвозвратных потерь Красной армии историки не имеют главного – во всех документах учета национальность погибшего (пропавшего без вести, попавшего в плен) *не отмечалась*. Поэтому любые попытки вывести цифры расчетным способом являются не более чем спекуляцией.

* * *

Накопленная источниковая база позволила осуществить полное и всестороннее исследование национальных процессов в строительстве Вооруженных Сил СССР в период 1918–1945 гг. Принципиально новым в подходе к источникам в данном исследовании являются:

– опора на обширный комплекс впервые выявленных и введенных в научный оборот архивных материалов, в том числе рассекреченных в самое последнее время;

– проведенная по различным опубликованным и неопубликованным источникам реконструкция нормативно-правовой базы, положенной в основу строительства национального сегмента Красной армии в 1918 – середине 1940-х гг. и позволившая определить направление, логику, темпы решения национального вопроса в военном строительстве;

– опора на комплекс статистических материалов, позволивших прийти к обоснованным и объективным выводам. Материалы по национальному составу Красной армии в 1918 – первой половине 1940-х гг., проанализированные в данной работе, никогда прежде не публиковались и впервые использованы в военно-историческом исследовании.

Глава 3. На закате империи. Национальный состав Русской армии в конце XIX – начале XX в.

3.1. Бремя угнетателей: имперские этносы и воинская повинность в конце XIX – начале XX в.

Россия всегда была страной многонациональной. Являясь важнейшим общественным институтом, армия лишь отчасти отражала его этническую структуру, а более следовала сложной, извилистой истории государственно-национального строительства, в которой этносы, стоявшие на различных ступенях социального и культурного развития, занимали свое место в иерархической структуре российского общества постепенно и так же неравномерно обретали свои права и обязанности. Традиция неравного отношения этносов к воинской повинности в полной мере досталась в наследство большевикам, и изменить ее одним росчерком пера представители новой власти оказались не в силах.

В XIX в. воинская повинность носила ярко выраженный сословный характер. Основную тяжесть рекрутской военной службы несло русское крестьянское население. Этот этноним в то время понимался синкретично, включая в себя великороссов, малороссов и белорусов. Подводя в 1875 г. итог завершившейся истории рекрутской системы, полковник А.Ф. Риттих несколько утрированно заключал, что до сих пор комплектование армии «исполнялось, и притом довольно удачно, по той причине... что в состав войска входило до 90 % однородного русского элемента»²²⁰. Доступная статистика не подтверждает пропорции, озвученной Риттихом, однако факт доминирования восточнославянского суперэтноса безусловен (см. таблицу 2). Дворянство, купечество, почетные граждане, а также немецкие колонисты и переселенцы из других стран, жители Бессарабии, отдаленных областей Сибири, так называемое *инородческое* или *туземное* население Кавказа, Средней Азии, Сибири (то есть коренное местное население) и др. – в целом более 30 % населения – было или освобождено от военной службы, или могло откупиться от поставки рекрутов денежным взносом²²¹.

Таблица 2. Личный состав строевых и нестроевых нижних чинов в войсках по племенам за 1868-1877 гг.

Народность	На 1.01.1868 г.		На 1.01.1869 г.		На 1.01.1872 г.		На 1.01.1874 г.		На 1.01.1876 г.		На 1.01.1877 г.	
	В абс. знач.	В %										
Русские (великороссы, малороссы, белорусы)	572 098	84,12	539 750	82,27	556 141	79,67	537 736	77,7	540 190	77,93	625 937	79,83
Уроженцы Царства Польского	34 351	5,04	41 168	6,27	59 143	8,48	71 509	10,33	64 883	9,36	67 989	8,67
Уроженцы северо-западных губерний (литвины и жмудины ^{1*})	27 700	4,07	28 301	4,31	35 720	5,12	36 276	5,23	34 444	4,97	36 944	4,71
Уроженцы прибалтийских губерний (ливы, куры, латыши, эсты)	14 648	2,15	15 649	2,38	16 884	2,42	16 012	2,31	17 400	2,51	16 383	2,09
Финские племена (корелы, чухонцы ^{2*} , чувашы, вотяки ^{3*} , зыряне ^{4*} , черемисы ^{5*} , мордва и др.)	10 073	1,49	10 369	1,58	11 157	1,6	10 416	1,5	10 501	1,52	9570	1,22
Татарские племена	13 077	1,93	12 735	1,94	12 692	1,82	11 238	1,61	13 607	1,96	14 466	1,84
Евреи	8277	1,22	8133	1,24	7919	1,14	9240	1,33	12 021	1,73	12 840	1,63
Всего по списку	680 266	100	656 105	100	697 656	100	692 430	100	693 046	100	784 129	100

1* *Жмудины* или *самогиты* – литовский субэтнос.

²²⁰ Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. С. 5.

²²¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 9.

2* *Чухонцы* – устар. этноним прибалтийско-финских народов в новгородских землях.

3* *Вотяки* – устар. этноним удмуртов.

4* *Зыряне* – устар. этноним коми.

5* *Черемисы* – устар. этноним марийцев.

Составлено по: Ежегодник русской армии за 1869 г. СПб., 1869. С. 200–201; Ежегодник русской армии за 1874 г. СПб., 1874. Ч. 2. С. 304–305; Ежегодник русской армии за 1877 г. СПб., 1877. Ч. 1. 1877 г. С. 234–235; Ежегодник русской армии за 1878 г. СПб., 1878. Ч. 2. 1878 г. С. 256–257; Ежегодник русской армии за 1879 г. СПб., 1879. Ч. 2. 1879 г. С. 266 – 267.

Русскому правительству одной из главных целей привлечения к военной службе *иностранцев* виделось обрусение, понимавшееся и буквально (освоение русского языка, культуры, поведенческих моделей, отказ от собственной этнической идентичности), и символически (обретение национального достоинства, приобщение к русской истории, как к собственной)²²². В этнокультурном единообразии виделся залог стабильности и прочности воинского коллектива. Ставя цель на русификацию, царская военная администрация не поддерживала национальные формирования, ибо в них не происходило искомого радикального отрыва *иностранцев* от национально-культурного субстрата.

С введением 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности пропорция в этническом составе армии несколько сдвинулась в пользу нерусского контингента: в этом году воинская повинность была распространена на не отбывавшее прежде рекрутской повинности *иностранческое* население Астраханской губернии, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиречинской и Уральской областей, а также на сибирские племена²²³. Однако реальный массовый призыв год от года откладывался «до особых распоряжений».

В 1887 г. воинская повинность была распространена на *туземное* население Закавказского края, Кубанской и Терской областей. Но фактически оно коснулось лишь местных христиан (прежде всего армян и грузин), в то время как мусульманам Закавказского и Туркестанского краев, так же как и коренным народам Урала и Сибири, «временно, впредь до дальнейших распоряжений» натуральная военная служба уже в 1889 г. была заменена взиманием денежного сбора. В то же время допускался прием *охотников* (добровольцев) из числа мусульман²²⁴. По расчетам Военного министерства, эта мера должна была дать по мобилизации до 260 тыс. солдат, сократив тем самым бремя воинской повинности для русского населения с 39,5 человека на 1000 мужчин работоспособного возраста до 34,9 человека на 1000 мужчин, то есть на 12 %²²⁵.

Привлечение широких масс нерусского населения империи к службе в армии считалось сугубо положительным шагом, ибо не только расширяло мобилизационную базу государства, но и являлось мощным культуртрегерским инструментом в отношении нерусских военнослужащих. Длительный срок службы, установленный уставом, способствовал профессиональному, социокультурному и языковому сближению нерусских контингентов с доминирующим в армии русским элементом.

Но с формальным введением всеобщей воинской повинности картина менялась крайне медленно. Призыв на окраинах империи нужно было долго готовить: налаживать общеграж-

²²² *Лапин В.В.* Армия как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 1 (21). С. 303–304.

²²³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. Т. 49 (1874). № 52983.

²²⁴ Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и иностранцев Терской и Кубанской областей». Тифлис, 1886.

²²⁵ *Золотарев А.М.* Материалы по военной статистике России. Население России, как источник комплектования ее армии (на основании данных за первое десятилетие отбывания воинской повинности). СПб., 1889. С. 8.

данский и воинский учет населения, поднимать его культурно-образовательный уровень, повышать степень его толерантности российской власти. Призыв приходилось год за годом откладывать. В 1889 г. профессор кафедры военной статистики Академии Генерального штаба А.М. Золотарев констатировал продолжение демографической перегрузки воинской повинностью русских²²⁶. Если на территории Европейской России лишь 0,4 % населения было освобождено от службы, то в Сибири – 31,3 %, на Кавказе (до 1887 г.) – 78,8 %, в Средней Азии – 94,7 %²²⁷. Льготные категории приходились в основном именно на *инородцев*. Демографическое перенапряжение населения Европейской России выражалось в следующем соотношении: среди населения империи его доля составляла 84,5 %, в то время как среди военнотружущих – 93,7 %²²⁸. У народов Кавказа и Средней Азии, напротив, в относительных значениях численность военнотружущих уступала численности населения. Остальное многомиллионное мусульманское население страны не обязано было натуральной военной службой. Не призывались также народы Сибири и Крайнего Севера, русские переселенцы на окраинах империи и др.

В начале XX в. в армию на общих основаниях призывалось только около 40 народов империи, включая восточных и западных славян, представителей прибалтийских, финно-угорских национальностей (финнов, эстонцев, мордвин, черемисов, вотяков, карел и др.), немцев, армян, грузин, осетин, молдаван, цыган, евреев, греков, чувашей и ряд других. Из мусульманских народов призывались только поволжские татары и башкиры²²⁹. Кавказские и закаспийские *инородцы* добровольно поступали в милицию или *инородческие* войска – Туркменский и дагестанский конные полки²³⁰. Использование в войсках евреев, составлявших достаточно заметную прослойку среди нижних чинов, постоянно дискутировалось в политических и военных кругах. К началу Первой мировой войны правительство было готово отменить прием в армию евреев как носителей революционных идей и разлагающего дисциплину типа поведения. Николай II по этому поводу заметил: «Я давно того мнения, что евреи – язва русской армии». Опрос командующих военными округами и высших чинов Военного министерства показал, что такое мнение в вооруженных силах являлось преобладающим²³¹.

В целом армия оставалась в основе своей русско-славянской, однако удельный вес русских (в широком смысле) по сравнению с периодом упразднения рекрутской системы несколько сократился и колебался между 72 и 75 % при удельном весе среди населения 65,1 % (таблица 3). Так, в 1903 г. было принято на службу 314,8 тыс. человек, среди которых удельный вес восточных славян составил 72,3 % (44,2 % русских, 21,2 % украинцев, 7,0 % белорусов). В 1907 г. было принято на службу 440,5 тыс. человек, а удельный вес славян составил 75,3 %²³². Сокращение численности восточных славян по сравнению с рекрутской эпохой на несколько процентов произошло за счет расширения призыва ряда народов, прежде всего евреев и поляков, а также кавказских христиан и мусульман внутренней России.

Таблица 3. Мужское население Российской империи по родному языку по Первой Всероссийской переписи 1897 г.

²²⁶ Золотарев А.М. Указ. соч. С. 1.

²²⁷ Золотарев А.М. Указ. соч. С. 6.

²²⁸ Золотарев А.М. Указ. соч. С. 9.

²²⁹ Антонович А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 248.

²³⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 570. Л. 117.

²³¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 12.

²³² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 12.

Народность	В абсолютном значении	В %
Великороссов, малороссов, белорусов	41 270 254	65,13
Поляков	3 933 282	6,21
Литовцев	595 422	0,94
Латышей	698 584	1,10
Немцев	885 013	1,40
Евреев	2 471 395	3,90
Эстонцев	487 144	0,77
Армян	621 297	0,98
Прочих кавказских народов	1 809 111	2,86
Татар	1 980 110	3,13
Других народов	8 610 749	13,59
Всего	63 362 361	100

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

На рубеже веков при комплектовании воинских частей в регионах с нерусским населением, как правило, применялась простая пропорция: 75 % русских и 25 % нерусских²³³. Для этого территория Европейской России делилась на две части – русскую (куда входили губернии с великороссийским, малороссийским и белорусским населением) и *иностранческую* (губернии польские, прибалтийские, литовские и Бессарабская). Первые разбивались на участки комплектования армейских полков (по одному-два уезда); четыре смежных участка объединялись в дивизионный район комплектования. Каждому такому району дополнительно назначались *иностранческие* уезды, дававшие четверть пополнения²³⁴.

В начале XX в. система национального квотирования несколько усложнилась, но по существу оставалась прежней, будучи устроенной на дискриминационном по отношению к нерусским национальностям принципе. Система эта состояла в следующем. Все уезды Европейской России делились на три группы комплектования: две основных – великорусскую и малорусскую (малоросскую) и дополнительную – *иностранческую*. В малоросскую группу включались украинцы и белорусы, причем последние считались «самым слабым элементом русского населения и притом имеющим некоторую примесь иностранческого»²³⁵. Поэтому их численность в войсках минимизировалась. В *иностранческую* группу включались прочие славянские, прибалтийские, а также поволжские народы и евреи, общее число которых не должно было превышать в составе частей 30 %, а в трех западных округах – 26 %. При этом количество евреев при любом раскладе не могло быть выше 6 % от общей численности поступающих на комплектование частей контингентов.

²³³ Глудин И. Комплектование РККА очередными призывами // Война и революция. 1927. Кн. 7. С. 57.

²³⁴ Добrorольский С.К. Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение: по материалам Военно-исторического архива. М., 1929. С. 16.

²³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 2.

Каждый пехотный полк и артиллерийская бригада имели свои участки (уезды) комплектования во всех трех группах (гвардия, кавалерия и инженерные войска комплектовались со всей территории страны), получая из основных («русских») от двух третей до трех четвертей призывников²³⁶. Однако эти участки не были территориально связаны со «своими» войсками, что вызывало массовые перевозки новобранцев: от 99,4 % для Варшавского округа, где великорусский элемент должен был преобладать (59 %), и до 58 % для Петербургского²³⁷. Кроме того, в случае мобилизации переброски запасных из округа в округ (преимущественно с востока на запад) достигали по мобилизационному расписанию № 18 (действовало с мая 1903 г. до 1910 г.) огромной цифры – 385 тыс. запасных (исключая потребность азиатских округов), что составляло 20 % всех запасных²³⁸. Традиционно основную часть пополнений извне получали Кавказский, Финляндский и Варшавский военные округа, где нерусское по составу местное население призывалось в армию в ограниченном количестве.

Существовавшие этнические ограничения в начале XX в. все более усугублялись ограничениями социально-классовыми. Это, в свою очередь, еще сильнее удорожало и усложняло комплектование и мобилизационные планы. С 1913 г. число перевозок между округами, в том числе встречных, должно было лишь вырасти, поскольку было издано распоряжения сократить до 25–30 % долю лиц, поступавших на укомплектование частей по месту призыва. Комплектовать части проживающими в данном регионе фабрично-заводскими рабочими было вовсе запрещено²³⁹. Все это делалось в целях сокращения влияния революционных настроений на армию.

На совершенно особом положении находилось Великое княжество Финляндское. С момента присоединения княжества к Российской империи в 1809 г., вместе со значительной политической автономией, оно сохранило то устройство вооруженных сил, которое имело еще при шведском владычестве. В 1881 г. в Финляндии был принят собственный устав о воинской повинности. Вместо вербовки добровольцев была введена всеобщая личная воинская повинность, однако все призываемые должны были служить в созданных одновременно особых финских войсках (9 стрелковых батальонов и 1 кавалерийский полк). Это была вынужденная уступка финляндскому сейму, которую удалось аннулировать только спустя двадцать лет: в 1901 г. был введен новый устав, в целом уравнивавший условия призыва и военной службы уроженцев Финляндии со всеми подданными российского императора; были упразднены финские формирования (кроме лейб-гвардейского стрелкового батальона и Финского драгунского полка). Однако реализация нового призывного закона натолкнулась на фактический саботаж и финляндской администрации, и населения. Призывы 1902 и 1903 гг. были сорваны, а призыв 1904 г. прошел с большим напряжением. В 1905 г. на волне революционных событий, сопровождавшихся террором против представителей русской администрации в Финляндии, правительство вынуждено было вовсе отказаться от реализации нового устава. Натуральная воинская повинность была заменена денежным налогом, однако сейм блокировал и это решение. В свою очередь, царское правительство отказывалось вернуть Финляндии ее войска, как это было в XIX в. Лишь в 1912 г. удалось договориться о сумме налога, включенного затем в Устав о воинской повинности 1915 г.²⁴⁰ Фактически правительство признало свое поражение в многолетней борьбе с финляндским сеймом. Можно согласиться с мнением о том, что «привлечь финнов к выполнению общегражданских обязанностей не удалось, они не чувствовали

²³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 2.

²³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 339. Л. 3.

²³⁸ *Добролюбовский С.К.* Указ. соч. С. 43.

²³⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 13.

²⁴⁰ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. С. 6–7.

себя гражданами единого государства и всячески подчеркивали свою особенность, самобытность»²⁴¹.

Из-за численного роста армии при одновременном сохранении массы льгот призыв с каждым годом исполнялся с возрастающим дефицитом, правда, пока незначительным, исчислявшимся в 2–5 % от плана призыва²⁴². До тех пор пока Россия вела локальные войны, такая ситуация считалась удовлетворительной, хотя военное ведомство всегда осознавало «вредность» льготы нерусскому населению потому, что такое положение вещей «приучает эту народность к мысли о незыблемости такой льготы»²⁴³, в то время как чрезмерную перегрузку испытывали славяне.

После Русско-японской войны, когда штатный состав Русской армии значительно вырос, вопрос о призыве освобожденных от службы национальностей был поднят Государственной думой, учредившей 10 апреля 1907 г. специальную комиссию. В отношении Военному министерству комиссия указала, что тягота воинской повинности «увеличивается еще неравномерностью распределения числа призываемых в войска по отдельным местностям»²⁴⁴.

До начала Первой мировой войны правительство и Военное министерство несколько раз безуспешно обсуждали вопрос расширения призыва в армию на нерусское, прежде всего, мусульманское население империи²⁴⁵.

В 1908 г. Государственная дума прямо указывала на необходимость призыва нацменьшинств с целью более равномерного распределения тягот военной службы среди населения. Считалось, что «с проведением рельсовых путей до самых отдаленных границ Империи, *инородческое* население многих окраин вошло в более тесное общение с русским населением, постепенно начало усваивать государственный язык и переходит к более культурным формам общежития»²⁴⁶. Этому же способствовали волны русской колонизации на окраинах. К тому же в начале двадцатого столетия вызревал еще один веский геополитический мотив начать призыв на восточных окраинах империи: «Политическое положение на окраинах резко изменилось. Выросла новая великая держава – Япония», а Китай «пробуждается к новой жизни», обостряется соперничество европейских держав на Ближнем Востоке. В конце концов, такое положение прямо противоречило основополагающей законодательной норме, прописанной еще в первой редакции Устава о всеобщей воинской повинности 1874 г., в первой же его статье: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность *каждого* русского подданного»²⁴⁷. Поэтому, по мнению комиссии Госдумы, «необходимо озаботиться развитием на окраинах запаса обученных военному делу людей, дабы расположенные там войска могли... пополняться по мобилизации местным запасом»²⁴⁸. Комиссия пришла к выводу о том, что «для народностей, впервые призываемых к защите общей родины, необходимо создание условий службы, приспособленных к особенностям их быта, религии, климата и т. п.»²⁴⁹. В качестве первого шага предлагалось обустройство национальных формирований и национальных военно-учеб-

²⁴¹ Подпратов Н.В. Государственный механизм привлечения жителей Великого княжества Финляндского к службе в Русской армии в XIX – начале XX вв. // Власть. 2011. № 7. С. 148.

²⁴² Байдаров С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20–24.

²⁴³ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

²⁴⁴ Цит. по: Сиднев [А.Ф.]. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 115.

²⁴⁵ Алтонович А. Указ. соч. С. 241–274; Байдаров С.В. Указ. соч. С. 20–24.

²⁴⁶ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

²⁴⁷ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Изд. 1915 г. Пг., 1915. Т. 4. Устав о воинской повинности. 1915. С. 8.

²⁴⁸ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 2.

²⁴⁹ Цит. по: Сиднев [А.Ф.] Указ. соч. С. 116.

ных заведений, то есть именно того, чем занялась советская власть сразу же после окончания Гражданской войны и о чем подробно речь пойдет ниже.

Таблица 4. Принято на военную службу новобранцев в 1912 г. по национальному составу

Народность	В абсолютном значении	В %
Великороссов, малороссов и белорусов	321 121	74,43
Поляков	31 407	7,28
Латышей	3659	0,85
Литовцев	4416	1,02
Немцев	6945	1,61
Жмудин	492	0,11
Евреев	20 981	4,86
Татар	7422	1,68
Армян	5125	1,19
Прочих народностей	29 868	6,92
Итого	431 436	100

Источник: Сиднев [А.Ф.] Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 116.

Таблица 5. Национальный состав нижних чинов Русской армии в 1912 г.

Народность	В абсолютных цифрах	В % к общему числу
Русских	923 906	76,85
Поляков	104 059	8,66
Литовцев и латышей	23 790	1,98
Немцев	18 874	1,57
Евреев	50 231	4,18
Кавказских народностей	25 951	2,16
Финнов, мордвы, черемисов и чувашей	9538	0,79
Татар, мещеряков ^{1*} , башкир и тептярей ^{2*}	38 004	3,16
Прочих народностей	7853	0,65
Всего	1 202 206	100

^{1*} *Мещеряки* – устар. наименование мишарей – этнической группы татар.

^{2*} *Тептяри* – этносословная группа у башкир (*устар.*).

Источник: Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 374–375.

Наиболее решительный приступ к проблеме призыва на окраинах империи начался в 1910 г., когда Министерством внутренних дел были образованы совещания гражданских и военных должностных лиц во главе с губернаторами в Сибири, Туркестане и на Кавказе. Совещания работали по единым программам. Всего было поставлено девятнадцать конкретных вопросов, которые должны были уточнить численный и социальный состав *инородцев*; особенности физического, социального, политического развития различных национальностей; их отношение к воинской повинности; состояние учета населения. Запрашивалось обоснованное мнение местных чиновников о возможности начала военного призыва; ожидаемых масштабах уклонения и иных форм сопротивления призыву; рекомендации по использованию *инородцев* в войсках (способы и формы комплектования войск) и т. д.²⁵⁰ Военное министерство, в свою очередь, поставило эти же вопросы на заключение командующих войсками военных округов.

В результате был собран «обширный материал»: на все вопросы областные и губернские совещания дали обстоятельные ответы, правда, далеко не всегда конкретные и однозначные из-за недостаточного знания подопечного населения. Начальниками по делам о воинской повинности материал был сведен в доклады по макрорегионам (Туркестан, Кавказ), изучен в министерствах внутренних дел и военном, а затем в 1913–1914 гг. обсуждался на междуведомственной комиссии по пересмотру действующего Устава о воинской повинности 1897 г. В принятый 23 июня 1912 г. обширный свод изменений призывного законодательства статьи, касающиеся воинской повинности *инородцев*, попасть не успели²⁵¹.

²⁵⁰ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. М., 2016. С. 124–143.

²⁵¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32. № 37417.

В 1914 г. Военное министерство готово было внести вопрос о призыве *инородцев* на рассмотрение Государственной думы²⁵², однако неспешный ход обсуждения проблемы был прерван началом войны. Таким образом, система льгот нерусскому населению просуществовала без значительных изменений до самого начала Первой мировой войны.

Перед началом Первой мировой войны положение оставалось прежним. Так, по итогам призыва 1912 г. (в этом году последний раз публиковался этнический состав армии) числилось 76,8 % (см. таблицы 4 и 5) восточных славян среди нижних чинов и 85,8 % среди офицеров²⁵³. В то время, согласно данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, по состоянию на 1913 г. русские (включая 43,4 % великороссов, 17,4 % малороссов и 4,6 % белорусов) составляли лишь 65,5 % населения империи²⁵⁴. До самого дня падения монархии многомиллионные массы подданных, населявших окраины империи, не состояли на воинском учете и не подлежали мобилизации и призыву.

Более того, с началом войны льгота *инородцам* была подтверждена законодательно в новой (и последней в российском законодательстве) редакции Устава о воинской повинности, изданной 31 мая 1915 г. 1-е отделение 4-й главы Устава «Об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности» целиком было посвящено «изъятиям для некоторых местностей и частей населения», которые распространялись «впредь, до дальнейших распоряжений» (ст. 45–49)²⁵⁵. В то же время Устав о воинской повинности не содержал ограничений по национальному или вероисповедному признаку для лиц, поступавших на службу добровольно *охотниками и вольноопределяющимися* во все рода войск или *юнкерами* в военные училища.

Мировая война ознаменовалась невиданным доселе в истории страны расходом людских ресурсов²⁵⁶. Только маршевыми пополнениями в 1914 г. на фронт были отправлены около 1,5 млн человек, в 1915-м – 3286 тыс. человек, в 1916 г. – 2533 тыс. человек²⁵⁷. Но до половины годных к службе контингентов были освобождены от нее по льготам. Уже на второй год войны Русская армия стала испытывать трудности в пополнении людьми, в связи с чем потребовалась перестройка системы комплектования войск. Уже в начале войны пришлось прибегнуть к массовому призыву не прошедших прежде военной службы ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов – как правило, людей возрастных и многосемейных, не расположенных к военной службе и болезненно воспринимавших отрыв от родных хозяйств и семей. По данным Главного управления Генерального штаба, из имевшегося в начале 1915 г. запаса в 34 982 тыс. военнообязанных мужчин в возрасте от 18 до 45 лет в течение Первой мировой войны было призвано в армию 14 375 тыс. человек вдобавок к имевшимся в армии на момент объявления мобилизации 1 423 тыс. человек. Всего было взято у населения 15 798 человек.²⁵⁸ Остальные лица военнообязанного возраста (около 20 млн человек) не были призваны по физической негодности, в связи со льготами, уклонением от призыва и другим причинам²⁵⁹. Было очевидно, что комплектование войск требует предельного напряжения людских ресурсов. Для самодержавной России, с ее недостаточно развитой по сравнению с ведущими странами экономикой, этот предел наступил на рубеже 14 % от общей численности населения. Изъятие рабочих рук выше

²⁵² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 12; Д. 114. Л. 3 об., 11 об.

²⁵³ Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. С. 136–137; 172–173; 278–279.

²⁵⁴ Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. С. 63–65.

²⁵⁵ СЗРИ. Изд. 1915 г. Т. 4. С. 35–36.

²⁵⁶ Более подробно о системе комплектования Русской армии в период Первой мировой войны см.: Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1982–1918 гг. М., 2012. С. 356–390.

²⁵⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 20.

²⁵⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 4.

²⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1128. Л. 71.

этого значения критически подрывало работу промышленности и аграрного сектора. Всего по послевоенным оценкам было мобилизовано от 15,8 млн человек²⁶⁰ до 17,5 млн человек²⁶¹.

Статистики призыва в годы Первой мировой войны по национальностям не велось: списки призывников и отчетность по итогам призыва составлялись отдельно лишь для лиц иудейского вероисповедания и отдельно – для всех остальных вероисповеданий (ст. 189, 191, 223 Устава о воинской повинности в ред. 1915 г.). Но по косвенным данным можно заключить, что призыв в национальных регионах (Кавказ, азиатская часть России) был многократно ниже, чем в Европейской России. Данные сельскохозяйственной переписи 1 сентября 1917 г., несмотря на несовершенство обследования, связанное с революционными событиями, показывают, что в великорусских, малорусских, белорусских губерниях к осени 1917 г. было призвано от 150 до 400 тыс. человек. В кавказских и азиатских губерниях и областях призыв не превышал нескольких десятков тысяч человек²⁶².

К началу Первой мировой войны Россия подошла с большим запасом непризываемого инородческого населения, численность которого оценивалась от 7,4 млн человек (оценка Военного министерства²⁶³) до 10 млн человек (оценка депутата Государственной думы А.И. Шингарева²⁶⁴) мужского пола. Это могло составлять от 8 до 11,5 % всего мужского населения империи. Расчетным способом Военное министерство вывело общее количество призывников-инородцев, ежегодно освобождаемых от военной службы в мирное время, в 133,5 тыс. человек. Используя общий коэффициент принимаемых на действительную службу из числа подлежащих призыву (35,7 %), можно было рассчитывать на дополнительные 47 тыс. новобранцев²⁶⁵ при нормальном призыве мирного времени. На период войны можно было призвать и более старшие возраста, однако, как и молодежь призывного возраста, все эти люди не были обучены военному делу. Это было большой проблемой, ибо считалось, что сам призыв, а затем военное обучение инородцев заняли бы столько времени, что война могла закончиться, прежде чем на фронте окажется первый солдат.

Поэтому, несмотря на остроту проблемы, связанной с большими потерями Русской армии на фронтах Первой мировой войны и истощением годных к призыву контингентов славянских национальностей, подготовка к рассмотрению вопроса затягивалась. Лишь 23 ноября 1915 г. военным министром был представлен доклад в Совет министров «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени»²⁶⁶. Составители доклада решали задачу со многими неизвестными: необходимость расширения мобилизационной базы сталкивалась с соображениями политическими (возможная нелояльность милитаризуемых этносов); географическими и климатическими (неприспособленность ряда этнических групп к условиям Европейской России); культурными и физиологическими («дикость и физическая слабость» ряда этносов)²⁶⁷.

Анализ социально-культурных особенностей этносов, предложенный в докладе Военного министерства, нельзя назвать глубоким. Значимые для службы в армии аспекты рассматривались не на статистическом или этнографическом материале, а на довольно вольных трактовках качеств того или иного народа. Например, физическая годность к военной службе описывалась

²⁶⁰ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 78.

²⁶¹ Триндафиллов В. Возможная численность будущих армий // Война и революция. 1927. № 3. С. 19.

²⁶² Россия в мировой войне... С. 49.

²⁶³ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. С. 1.

²⁶⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 90.

²⁶⁵ Сиднев [А.Ф.] Указ. соч. С. 115.

²⁶⁶ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915].

²⁶⁷ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 3.

в терминах «хилость», «слабость», «ловкость» и т. п. Этнокультурные характеристики содержали эпитеты «природные воины», «несравненная отвага», «храбрость», «лихость», «природный ум» и т. п. Несмотря на то что на подготовку доклада было потрачено несколько лет, в нем было крайне мало точного цифрового материала даже о численности мужского населения и в то же время – чрезмерно много поверхностных оценок и домыслов (например, о бурятах говорилось: «Массового уклонения их от воинской повинности ожидать нельзя, так как бурятам хорошо живется в России»²⁶⁸; о курдах: «Хорошие наездники; по характеру – злопамятны и мстительны»²⁶⁹; о якутах: «Довольно смышленные и обладают подражательными способностями»²⁷⁰) и т. п.

Особое внимание было уделено политической лояльности окраинных народов. В докладе рефреном проходила мысль о том, что «культурная отсталость» тех или иных этносов от русских может быть подтянута именно воинской повинностью, когда «нижние чины – туземцы, уходя со службы в запас, понесут в свои глухие трущобы и аулы более культурный уклад жизни, новые понятия и взгляды, что... обеспечит успешный ход сближения их с русским населением и послужит связующим началом политического единства государства»²⁷¹.

Подходящими к организации немедленного призыва в докладе были определены: киргизы²⁷², сарты²⁷³, узбеки, каракалпаки, таджики, дунгане, таранчи²⁷⁴, астраханские и ставропольские *инородцы* (киргизы, туркмены, калмыки, ногайцы), *инородцы* Томской, Тобольской губерний, Дальнего Востока, Восточной Сибири (буряты, якуты и др.), мусульмане Дагестанской, Терской и Кубанской областей и Закавказья. В отношении большинства из них был применен обычный призыв на общих основаниях; для горцев Северного Кавказа – служба в национальных частях. Лишь незначительная часть населения (граждане Великого княжества Финляндского, турки и курды Закавказья и ряд других) освобождались от службы по причине особой политической ненадежности. Всего, за исключением жителей Финляндии, планировалось привлечь к ежегодному комплектованию армии 97 % этносов, прежде от натуральной военной службы освобожденных²⁷⁵. К докладу прилагался законопроект с предложениями Военного министерства, а также смета предстоящих расходов²⁷⁶. Несмотря на поверхностный характер доклада в Совет министров, предложения Военного министерства, безусловно, нужно понимать как радикальную реформу комплектования армии. Предложения Военного министерства в Совет министров сведены в таблице 6.

Таблица 6. Предложения о привлечении к военной службе освобожденных от нее частей населения (по данным Военного министерства, представленным в Государственной думе в ноябре 1915 г.)

²⁶⁸ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 12.

²⁶⁹ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 18.

²⁷⁰ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 18.

²⁷¹ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 16.

²⁷² Под киргизами в тот период понимались современные казахи и киргизы (последние чаще именовались кара-киргизами).

²⁷³ Наименование оседлых узбеков и отчасти таджиков.

²⁷⁴ Ныне уйгуры.

²⁷⁵ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 24.

²⁷⁶ О привлечении к отбыванию воинской повинности... С. 35–39.

Какие части населения предположено привлечь к воинской повинности	Численность привлекаемого населения, человек мужского пола	Количество годных к службе новобранцев, которых может дать это население ежегодно, человек мужского пола	В какой род войск более пригодны
Русское население Туркестанского края	Около 117 тыс.	Около 736	Все рода войск
Иностранческое население Европейской России (киргизы, калмыки, туркмены и ногайцы Астраханской и Ставропольской губерний)	Около 200 тыс.	Около 1260	Конница
Иностранцы Кавказа:			
а) татары ^{1*}	Около 800 тыс.	Около 5000	Конница, пехота
б) аджарцы	Около 36 тыс.	До 200	Пехота
в) абхазцы	Около 22 тыс.	Около 135	Пехота
г) дагестанцы (лезгины) ^{2*}	Около 320 тыс.	Около 2000	Предположено назначать только в Дагестанский полк
д) чеченцы и ингуши	Около 150 тыс.	Около 945	Предположено назначать только в Чеченский полк
е) горцы Терской и Кубанской областей (кабардинцы, черкесы, осетины и др.)	Около 173 тыс.	Около 1000	Предположено назначать только в особые горские сотни при полках Терского и Кубанского казачьих войск; осетин — в осетинский конный дивизион и в другие части армии

Какие части населения предположено привлечь к воинской повинности	Численность привлекаемого населения, человек мужского пола	Количество годных к службе новобранцев, которых может дать это население ежегодно, человек мужского пола	В какой род войск более пригодны
Коренное инородческое население (кроме киргиз) Туркестанского края (сарты, узбеки, дунгане, таранчи, татары и проч.)	Около 1262 тыс.	Около 7950	Пехота
Киргизы всех областей Сибири и Туркестана	Около 2270 тыс.	Около 7950	Конница
Иногородцы Сибири:			
а) буряты	Около 146 тыс.	Около 920	Конница или пехота
б) якуты	Около 110 тыс.	Около 700	Пехота
в) иногородцы Иркутской и Енисейской губерний (татары, тунгусы и др.)	Около 32 тыс.	Около 200	Пехота
Иногородческое население Приморской, Амурской и Сахалинской областей	Около 22 тыс.	Около 140	Пехота
Всего	Около 5788 тыс.	Около 36 280	

¹* Ныне азербайджанцы.

²* Так в документе.

Источник: РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 274–274 об.

Однако в условиях войны замысел Военного министерства оказался труднореализуем. Во многих местностях главным препятствием немедленному развертыванию призыва являлось отсутствие посемейных списков, списков призывников и самих учреждений, которые должны были определить территории призывных участков, организовать их работу и осуществлять призыв, а именно – губернских (областных), уездных (окружных) по воинской повинности присутствий. Учреждения должны были быть укомплектованы компетентными в военно-учетном деле специалистами, которых также не было. При самом удачном стечении обстоятельств первый призыв мог быть назначен лишь на 1 октября 1917 г. Правда, военный министр допускал подготовку призыва по сокращенной схеме, как это практиковалось с внеочередными призывами ратников ополчения в текущей войне.

Совет министров оценил специфические проблемы, связанные с длительностью организации призыва (отсутствие во многих местностях посемейных списков и нехватка специалистов), возможными социально-политическими осложнениями на местах, при недостатке войск и полиции для подавления возможных выступлений и, наконец, неизбежной длительностью военной подготовки солдата-иногородца в связи с его изначальным низким культурно-образовательным уровнем²⁷⁷. Поэтому 27 ноября 1915 г. Совет министров отложил решение на неопре-

²⁷⁷ Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 23.

деленное время. Так или иначе, самодержавие вернулось к опоре на безотказного русского солдата.

В правоте опасений по поводу противодействия призыву со стороны инородцев правительство вскоре смогло убедиться, когда летом 1916 г. была предпринята попытка «реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» привлечь к фронтовым инженерным работам²⁷⁸. Фактически речь шла о рытье окопов, сооружении инженерных препятствий и иных тяжелых земляных работах. Это распоряжение резко порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с Русской армией: либо добровольное вступление в боевые части, либо откуп посредством военного налога. И первое, и второе воспринималось *инородцами* как традиционная привилегия. И напротив, принудительная мобилизация на полевые работы заведомо ставила их в унижительное положение по отношению к фронтовикам. К тому же многие из них, например кочевники Средней Азии, оказались совершенно непригодны к земляным работам, которыми никогда прежде не занимались; за ними требовался особый уход, а также соблюдение мусульманских традиций и проч.

Первым к реализации этого мероприятия приступил Туркестанский военный округ. Здесь сразу «возникли тяжкие беспорядки, пролилась русская кровь, пришлось прибегнуть к употреблению оружия», – докладывал царю командующий войсками округа генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин²⁷⁹. Беспорядки были направлены главным образом против русских чиновников и их семей и имели ярко выраженный шовинистический характер. Благодаря жестким мерам командования округом, восстание было ликвидировано, население находилось «в подавленном состоянии», но, по сообщению Куропаткина, «настроение плохое, и беспорядки могут возобновиться»²⁸⁰. Возникла реальная угроза откочевки большей части скотоводческого населения Средней Азии в Монголию, Китай и Афганистан. Куропаткин ходатайствовал перед царем о предоставлении ему полномочий на месте решать объемы и порядок «реквизиции» туземцев с правом полного освобождения от него или замены денежным налогом. Николаю II пришлось поставить на докладе Куропаткину резолюцию: «Согласен. Ставлю на вид спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки»²⁸¹.

Те уроженцы Среднеазиатского региона, которым все-таки не посчастливилось быть «реквизированным» до отмены решения, были направлены железнодорожным транспортом во многие уголки империи, вплоть до Архангельска, где испытали на себе все невзгоды русской зимы. Бытовая неустроенность и неприспособленность к суровому климату привели к большой смертности и дистрофии среди них. Побывавший в расположении одной из рабочих бригад офицер Азиатской части Главного штаба восклицал: «Впечатление от этого посещения прямо ужасное; кажется, будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству...»²⁸²

Одновременно мобилизация на инженерные работы была объявлена и на Кавказе. Это решение относилось к большинству кавказских народов: езидов, ингилойцев-христиан, абхазцев-христиан Сухумского округа, трухмен (ставропольских туркмен), ногайцев, калмыков «и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии, а также мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья»²⁸³. Недавно назначенный заместителем на

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 51.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 48.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 49.

²⁸² Цвибан М. «Рабочие туземцы» в Петрограде в 1917 году // Революция в Средней Азии. Сб. 3. М.; Ташкент, 1931. С. 144–146.

²⁸³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 87–90 об.

Кавказе и командующим Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич-младший употребил весь свой авторитет для отсрочки мобилизации. А когда выяснился масштаб катастрофы в Туркестанском округе, 9 августа 1916 г., он отправил царю большое письмо, в котором предупреждал Николая II о назревании в регионе «крайне опасного для государственных интересов» положения – настолько серьезного, что он считал бы нужным прибыть в Ставку для личного доклада царю²⁸⁴. Специально созванное совещание губернаторов и начальников областей единодушно высказалось о том, что самой мягкой формой протеста станет массовое дезертирство мужского населения в горы, после чего начнутся вооруженные мятежи, нападение на русскую администрацию, порча железных дорог, нефтепромыслов и проч. Волнения с применением насилия в отношении «начальствующих лиц» уже отмечались среди караногайцев²⁸⁵. Привлечение горцев к принудительным работам, отмечал Николай Николаевич, «равносильно в глазах многих мусульман *унижению их достоинства*» (курсив мой. – Авт.). Уже имелись сведения о насмешках в адрес горцев со стороны солдат-армян²⁸⁶.

Серьезно обеспокоенный ситуацией на окраинах империи Николай II вскоре приостановил, а затем и отменил мобилизацию²⁸⁷.

В последний раз правительственные органы самодержавия обратились к вопросу о призыве инородцев в самом конце 1916 г. Это было связано с уже ясным ощущением краха системы комплектования действующей армии людскими ресурсами. Подходил к концу запас ратников 2-го разряда – самого последнего эшелона мобилизационного резерва страны. При ежемесячной потребности в пополнениях в 300 тыс. человек, за вычетом всех льготных категорий, непризванными оставалось не более полутора миллионов человек допризывной молодежи (призыв 1919 г.) и остаток ратников 2-го разряда старше 40 лет. Разумеется, взор снова упал на «некоторые воинственные племена, неохотно идущие в рабочие команды... но могущие дать прекрасный боевой материал»²⁸⁸. Об этом, в числе прочих мер, сообщали в своем большом докладе на имя императора Николая II 28 членов Государственной думы и Государственного совета, входивших в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Впрочем, в той обстановке авторы уже не могли себе позволить ничего, кроме благих пожеланий о необходимости «постепенного привлечения к военной службе инородцев, к тому законом ныне не обязанных»²⁸⁹. Вполне понимая несовместимость мер «постепенности» с суровыми требованиями дня, военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев в своем письме об изыскании людских ресурсов временно исполнявшему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу от кавалерии В.И. Гурко 8 (22) декабря 1916 г. вовсе не стал включать вопрос о призыве *инородцев*²⁹⁰.

И окончательную точку в вопросе поставил В.И. Гурко, который, отвечая 9 февраля 1917 г. на письмо членов Особого совещания, резонно заметил, что «мероприятие это при проведении в жизнь могло бы дать результаты лишь в более или менее отдаленном будущем; между тем солдаты нам нужны теперь». Не говоря о том, что привлечение инородцев в пехоту, а не в кавалерию «вызовет среди них большое неудовольствие», их боевая ценность у многих строевых командиров вызывала сомнения: «Большинство инородцев, несмотря на свою воинственность, упрством в бою не отличается и заменить русских солдат не может»²⁹¹.

²⁸⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 88.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 88.

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 88 об.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 90.

²⁸⁸ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 116.

²⁸⁹ Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 122.

²⁹⁰ Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 125.

²⁹¹ Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 142–143.

На этом завершилась длившаяся много десятилетий вялотекущая эпопея с привлечением нерусских народов империи к военной службе. Фактически за весь период самодержавие не совершило в этой сфере ни одного решительного шага. Напротив, оно всегда отступало перед сопротивлением *инородцев*, предпочитая снова и снова усиливать нажим на уже свикшиеся с военной повинностью этносы. Ясное осознание того, что «до сей поры почитавшаяся неисчерпаемой» людская сила России оказалась исчерпанной, пришло слишком поздно.

* * *

Частичной компенсацией отсутствия нормального регулярного призыва в национальных регионах вплоть до крушения империи являлось формирование национальных частей, комплектуемых чаще всего на добровольческих началах или по договорам правительства с представителями этносов (обществами, комитетами), которым делегировалась вербовка или призыв рекрутов и участие в организации воинских частей. Исторический опыт таких формирований в Русской армии уже имелся, хотя нельзя сказать, чтобы в войнах России они сыграли сколько-нибудь значительную роль. В 1874 г. они были прописаны в законе – Уставе о всеобщей воинской обязанности, согласно которому состав сухопутных войск включал в себя: армию, пополняемую ежегодными наборами, запас, казачьи войска и «*войска, образуемые из инородцев*»²⁹².

Уже в начале Первой мировой войны в прифронтовой зоне, где проживало нерусское население, стали формироваться национальные дружины, батальоны, полки. С самого начала войны существовало пять армянских добровольческих дружин (еще две были расформированы, не вступив в бой), которые активно применялись в боях на Кавказском фронте против турок. Всего через добровольческие дружины прошло до 10 тыс. армян²⁹³. Из грузин было сформировано две добровольческие бригады, в марте 1916 г. развернутые в одноименный полк. В конце октября также был сформирован Грузинский конный полк. Из горских народов Северного Кавказа и азербайджанских татар была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, более известная как Дикая дивизия. В составе Русской армии существовал также польский легион, развернутый в 1917 г. в стрелковую дивизию, а затем – в корпус. Кроме перечисленных крупных частей и соединений формировались также и мелкие – дружины, отряды, роты – из кавказских греков, айсоров и др. Помимо этого, в течение войны был создан ряд соединений, укомплектованных военнопленными-славянами (чехами, словаками, сербами).

Наиболее многочисленными национальными частями в Русской армии были латышские стрелковые полки, с 1915 г. активно участвовавшие в боях на территории Латвии, в боях за Ригу. Они были созданы по инициативе латышской общественности, в значительной степени существовали на сборы местной буржуазии и защищали непосредственно латышские земли от вековых врагов и угнетателей немцев, благодаря чему приобрели огромную популярность у местного населения и неиссякаемый приток добровольцев²⁹⁴. В ноябре 1916 г. латышские батальоны были развернуты в Латышскую стрелковую дивизию восьмиполкового состава.

Все перечисленные национальные части создавались вне общего плана военного строительства, прежде всего для поощрения и поддержания общероссийской идентичности в среде тех этносов, которые или не призывались в Русскую армию в общем порядке, или в ходе военных действий оказались на передовой линии фронта. В последнем случае национальные части использовались для *непосредственной защиты родного края* от вражеского нашествия и притеснений на этнической почве. Например, турецкая оккупация грозила самому физическому

²⁹² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 49 (1874). Ч. 1. № 52983.

²⁹³ Национальный вопрос и этнические воинские формирования. С. 129.

²⁹⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1565. Л. 2.

выживанию армян. У латышей были крайне напряженные отношения с остзейскими немцами, даже во время Первой мировой войны сохранявшими свое господствующее экономическое положение и земельные владения в регионе. По словам начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича, патриотическому настрою латышей способствовала «вековая ненависть к немцам»²⁹⁵. В этой оценке с ним полностью совпадало мнение представителя противоположного лагеря – большевика Л.Д. Троцкого: «Латышские батраки, рабочие, бедняки-крестьяне ненавидели балтийских баронов. Эту социальную ненависть использовал царизм в войне с немцами»²⁹⁶.

По этой же причине национальные части в годы Первой мировой войны чаще всего комплектовались на *добровольческой основе*, при этом добровольцев, как правило, было достаточно много, а, например, в армянские дружины даже прибывали соотечественники из армянских диаспор со всего мира. Национальные части (армянские, латышские и др.) хорошо проявили себя в боях и использовались на сложных участках фронта. Таким образом, национальные воинские части канализировали патриотическую энергию нерусских народов, легализовали национально-освободительную борьбу, которая прежде велась своими силами и партизанскими методами.

Сказанное о причинах формирования национальных частей во фронтовой зоне не относилось к украинцам и белорусам. Их этнические ареалы становились полями сражений или ближним тылом войск. Однако самодержавие не предпринимало попыток создания национальных частей из украинцев и белорусов, не признавая их самостоятельной этнической идентичности. Синкретизм этнического сознания представителей трех восточнославянских народов, единство исторической судьбы и подходов в комплектовании армии не оставляли места для идеологического обоснования формирования здесь национальных частей. Оформление национальной идентичности украинцев и белорусов только набирало обороты и существенно сдерживалось самим самодержавием. Любопытно, что противная сторона – австро-венгерское командование, активно вербовавшее уроженцев Малороссии в украинские части, – не преуспела в этом по той же причине: ведь, как метко отмечается в современном исследовании украинского национального движения, «многие солдаты узнавали об украинском вопросе и о том, что они – тоже украинцы, именно в концлагерях»²⁹⁷.

Самодержавие вплоть до своего падения сохраняло амбивалентное отношение к национальным частям: с одной стороны, цели национальных движений совпадали с общероссийскими; национальные комитеты брали на себя немалую часть материальных расходов на формирование и содержание национальных частей и дружин; наконец, организация нацчастей позволяла мобилизовать высокомотивированных бойцов, что в условиях апатии и антивоенной агитации на фронтах и в тылу было немаловажно. С другой стороны, самодержавная власть опасалась очевидного политического контекста национальных воинских формирований: до войны все националистические активисты находились на нелегальном или полунелегальном положении, могли даже состоять в розыске, как это было с некоторыми армянскими национальными героями. Таким образом, национальные формирования являлись продуктом компромисса, на который царизм пошел только в связи с войной, но продолжал опасаться разрастания военно-патриотического движения в национально-политическое под прикрытием созданных им же национальных воинских формирований. Поэтому неудивительно, что, например, армянские дружины были расформированы сразу же, как только лишились высокого

²⁹⁵ Цит. по: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 106.

²⁹⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 381.

²⁹⁷ Марчуков А.В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 105.

покровительства – подал в отставку царский наместник на Кавказе князь И.И. Воронцов-Дашков, слывший лоббистом интересов армян.

Так или иначе, национальные формирования в составе Русской армии сравнимы с каплей в море. Они охватывали лишь незначительную часть патриотически настроенных представителей нерусских этносов. На массовый призыв в национальных окраинах самодержавие не только не решилось, но и не сделало к его осуществлению фактически никаких реальных шагов.

3.2. Национализация частей Русской армии после Февральской революции

С падением самодержавия в феврале 1917 г. строительство национальных частей получило новый сильнейший импульс, и с конца весны 1917 г. в войсках начался стихийный и почти повсеместный процесс, именованный *национализацией*. Если в период Первой мировой войны формирование национальных воинских частей шло под строгим контролем самодержавия, то после Февральской революции 1917 г. *национализация* Русской армии развернулась в русле стремительного подъема национального самосознания населявших Россию народов. Она отражала их желание стать полноценными субъектами российского и международного политического пространства. В историографии еще нет полных оценок масштабов и механизмов этого явления. По некоторым данным, к концу 1917 г. процесс *национализации* охватил без малого 53,5 пехотной, 6 кавалерийских и массу отдельных пехотных, кавалерийских, технических, запасных и иных частей²⁹⁸. Правда, далеко не везде этот процесс был завершен. Хотя период между Февралем и Октябрем 1917 г. не входит в хронологические рамки данного исследования, обойтись без обзора основных тенденций и результатов разбухнувшей Февралем *национализации* Русской армии было бы неверно, ибо захватившим в конце 1917 г. власть большевикам пришлось иметь дело именно с ее последствиями.

Падение царского режима стало сигналом для бурного развития национального движения практически во всех уголках России, где компактно или рассеянно проживали нерусские народы. Уже весной 1917 г. во многих городах прошли национальные съезды, требовавшие для своих этносов широкой автономии или даже отделения от России. Одним из главных направлений развития национальной идеи стала *национализация* войск. В войсках непосредственными инициаторами *национализации* становились войсковые комитеты, в которых преобладали представители той или иной национальности.

На окраинах России значительное влияние на события оказывали оформлявшиеся после Февральской революции националистические политические силы, заинтересованные в строительстве собственных вооруженных сил. Они стремились завладеть арсеналами и складами с запасами оружия и военного имущества округов, подчинить окружной аппарат управления собственным целям.

Особенно интенсивно *национализация* протекала на окраинах рухнувшей империи и на так называемых «дальних» фронтах – Румынском, Юго-Западном и Кавказском. Кроме того, *национализация* шла во внутренних округах, где значительную часть солдатских масс составляли представители нерусских народов, – Петроградском, Московском и особенно Казанском.

Первой развернулась *украинизация* – процесс, быстро охвативший не только воинские части, дислоцировавшиеся в малороссийских губерниях, но и все крупные гарнизоны. 14 апреля 1917 г. на Киевском распределительном пункте мобилизованные солдаты из Черниговской и Полтавской губерний заявили, что отправятся на фронт при условии, что будет организован 1-й Украинский казачий полк имени Б. Хмельницкого. Верховный орган власти на Украине – Центральная Рада – поддержала их требование²⁹⁹. Начавшись с киевского гарнизона с мая 1917 г. в инициативном порядке, *украинизация* пошла по всем гарнизонам на территории Украины. Современник определил этот процесс следующим образом: революция пробудила

²⁹⁸ Шевяков Т.Н. «Национализация» русской армии в 1917 году // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 37.

²⁹⁹ Пархоменко В.А. «Украинизация» в Русской армии весной – осенью 1917 года в историко-мемуарной литературе // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии». 10 марта 2011 г. Новосибирск, 2011 (http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Parhomenko.pdf).

национальные чувства украинского народа, и «украинец-солдат стал требовать утверждения своего национального сознания в определенных организационных формах»³⁰⁰. В июне 1917 г. Временное правительство было вынуждено согласиться с началом *украинизации* войск при условии, что это не нарушит единства Русской армии³⁰¹.

Вслед за *украинизацией* развернулось создание других национальных частей из представителей этносов, широко представленных в Русской армии: белорусов, поляков, армян, грузин, татар, башкир. В случае если в составе Русской армии уже имелись национальные части (польский легион, армянские дружины, латышские стрелковые полки и т. д.), то они становились ядром дальнейшей *национализации* войск.

Наиболее заметным из всех национальных соединений оказалась Латышская стрелковая дивизия, представлявшая собой мощную силу: в конце февраля 1917 г., еще по планам царской Ставки, было развернуто восемь стрелковых полков численностью 24 тыс. солдат и офицеров, а запасный стрелковый полк дивизии насчитывал около 11,5 тыс. солдат. Латышское соединение отличалось устойчивостью и постоянством состава. В октябре 1917 г. в нем насчитывалось чуть менее 23,5 тыс. человек. В 1917 г. это было одно из наиболее боеспособных соединений Русской армии. В конце августа 1917 г. Латышская дивизия оказалась на острие главного удара во время немецкого наступления на Ригу. Латышская дивизия являла собой редкий пример успешной *национализации*, который, очевидно, мог вселить в русское командование надежду на проведение аналогичных мер в отношении остальных национальностей.

Применительно к приверженцам исламской религии, чьи вожди проповедовали единство мусульманской уммы, «единение мусульманских народностей России под знаменем ислама»³⁰², процесс перегруппировки личного состава именовался *мусульманизация*, что демонстрировало преимущество религиозной идентичности в их среде над этнической. По словам одного из лидеров мусульманского движения Г. Бамматова, эта идея «исходит из понимания нации не как территориального единства, а как единства духовного, как единства людей, осознающих свою принадлежность к одному национальному коллективу вне зависимости от территории, на которой в силу тех или иных случайных причин они живут»³⁰³. На практике нередко *мусульманизация* редуцировалась к фактической *национализации* по этническому признаку, в результате чего образовывались мононациональные мусульманские части: башкирские, азербайджанские, крымско-татарские, поволжско-татарские и проч.

Как и прочие национальные части, мусульманские выполняли локальные политические задачи, ставившиеся местными национальными элитами. Во многих местах разгоралось ожесточенное межэтническое противостояние, опосредованное религиозной идентичностью противостоящих сторон. Особенно ярко этот фактор проявился в Закавказье, где азербайджанское население оказалось в крайне неравном положении с враждебным ему армянским населением, хорошо обеспеченным вооруженными отрядами. Мусульманские части здесь создавались в октябре 1917 г. по требованию Закавказского мусульманского центрального комитета, прежде всего для борьбы с армянами, то есть для целей гражданской войны.

Отдельно стоит остановиться на процессе *национализации* (*мусульманизации*) войск из так называемых «внутренних мусульман» России, прежде всего поволжских татар и башкир – народов, относительно хорошо интегрированных в русский социум и культурно-языковую среду, без ограничений принимавшихся в Русскую армию при царизме и представленных в

³⁰⁰ Пархоменко В.А. «Украинизация» в Русской армии весной – осенью 1917 года в историко-мемуарной литературе // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии». 10 марта 2011 г. Новосибирск, 2011 (http://sibac.info/files/2011_03_10_Politologiya/Parhomenko.pdf).

³⁰¹ Таирова-Яковлева Т.Г. Украинизация армии в 1917 г. как результат национальной политики Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. 2011. № 11. С. 31.

³⁰² Алиева С.И. Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII–XXI вв.). Баку, 2010. С. 312–314.

³⁰³ Алиева С.И. Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII–XXI вв.). Баку, 2010. С. 314.

войсках в большом количестве. Центром формирования татаро-башкирских мусульманских частей стал крупный пункт подготовки резервов, каковым являлся Казанский военный округ. Здесь было сосредоточено большое количество запасных, тыловых и формирующихся войск. В округе насчитывалось 98 гарнизонов, в которых размещались 588 воинских частей и учреждений, числилось 17 тыс. офицеров и 772 тыс. нижних чинов³⁰⁴. Основу войск округа составляли 13 запасных пехотных бригад по 5–7 запасных полков каждая. Всего в округе дислоцировались 79 запасных пехотных полков³⁰⁵.

Интересы военнотружущих, исповедовавших ислам, представлял специальный выборный орган (совет) – Всероссийский мусульманский военный шура (ВМВШ), созванный в июле 1917 г. в Казани. ВМВШ, руководимый прапорщиком, эсером И.С. Алкиным, приобрел большой политический вес после того, как во время корниловского выступления его представители сыграли ключевую роль в переговорах с Кавказской туземной конной дивизией (Дикой дивизией) на подступах к Петрограду 29–30 августа 1917 г. После этого Временное правительство санкционировало широкую *мусульманизацию* частей Русской армии. «Принципиальное выделение» мусульманских частей было согласовано с Временным правительством 18 сентября 1917 г., хотя явочным порядком они возникали и раньше. 7 октября началось формирование трех запасных мусульманских полков для питания действующих на фронте мусульманских частей. Под патронатом ВМВШ с ноября 1917 г. на Румынском фронте, главным образом из татар, формировался Мусульманский корпус³⁰⁶. Еще один Мусульманский корпус формировался Кавказским фронтом из азербайджанских татар. Таким образом, *мусульманизация* войск несколько отставала от *национализации* других частей Русской армии, что соответствовало более медленному оформлению политических институтов российских мусульман, однако к концу 1917 г. и она набрала высокие обороты. Мусульманские представители появились во всех крупных штабах и управлениях Военного министерства.

С точки зрения раскрытия темы исследования важно определить, какое влияние оказала *национализация* Русской армии в последние месяцы ее существования (конец 1917 – начало 1918 г.) на политику большевиков в области национального военного строительства в рамках РККА.

Временное правительство и военное командование отнюдь не приветствовали охватившую войска националистическую стихию, однако, будучи бессильными остановить ее, они пытались найти в ней какую-то пользу. Демагогически подыгрывая националистам, военный министр А.И. Верховский находил оправдание *национализации* войск в том, что «если мы не будем доверять народам России, то нечего и пытаться спасти Россию; только в единении всех населяющих Россию народов спасение нашей родины»³⁰⁷.

Бытовало мнение – и деятели национальных партий всячески настаивали на нем, – что перекомпоновка личного состава по национальному признаку – едва ли не единственный способ уберечь армию от полного разложения и краха, поскольку этнически однородная воинская часть якобы должна быть более крепко спаянной и менее подверженной дезорганизации³⁰⁸. Например, по воспоминаниям П.П. Скоропадского, будущего гетмана Украины, идея *украинизировать* XXXIV армейский корпус, которым он командовал, нашла поддержку вышестоящего командования: «Поручик Скрыпчинский, украинский комиссар при штабе фронта предложил мне с согласия главнокомандующего [армиями Юго-Западного фронта] Гутора украинизировать корпус». Поручик также сказал, «что украинизации свыше сочувствуют, так как здесь

³⁰⁴ Краснознаменный Приволжско-Уральский военный округ: Военно-историч. очерк. Екатеринбург, 2002. С. 10.

³⁰⁵ Краснознаменный Приволжский. История войск Краснознаменного Приволжского военного округа. М., 1984. С. 6.

³⁰⁶ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 428–429.

³⁰⁷ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 333.

³⁰⁸ *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 436–437.

играет большое значение, главным образом, *национализация, а не социализация*, в украинском элементе солдатская масса более *поддающаяся дисциплине* и поэтому более способна воевать» (курсив мой. – Авт.)³⁰⁹. Когда Скоропадский прибыл в Киев и встретился с Корниловым, тот прямо заявил: «Я от вас требую украинизации вашего корпуса»³¹⁰.

Будучи не в силах остановить процесс национализации, военное руководство предпочло включиться в него, надеясь поставить его под свой контроль. Так, формирование польских частей в июле 1917 г. шло по плану, разработанному в профильном ведомстве по организации войск – Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ). Обеспечение новых частей материальным имуществом, вооружением, денежным довольствием также осуществлялось за счет бюджета Военного министерства³¹¹. Аналогичным образом шло формирование других национальных частей. А.И. Деникин резюмировал впечатления русского генералитета о *национализации*: «Была надежда, что национальные части могут стать здоровым ядром для укрепления фронта»³¹². Впрочем, чаще всего эти надежды были тщетны. Как и в подавляющем числе запасных и тыловых частей, политическая гиперактивность в национальных частях никак не коррелировала с желанием идти в бой. Как справедливо заметил современный российский исследователь А.В. Марчуков, высокие темпы *национализации* нужно объяснять не столько высокой национальной сознательностью военнслужащих, сколько нежеланием воевать. «Не случайно, что после попыток передислоцировать эти части на фронт в них усиливались большевизация, шатание и дезертирство»³¹³. Говоря уже словами свидетеля событий, «митинговать, сумлеваться и выражать недоверие офицерам было гораздо... легче, чем, обняв винтовку, лежать под пулями в грязном окопе»³¹⁴.

Как уже отмечалось выше, отчасти *национализация* была оправдана там, где национальные части в составе Русской армии были мотивированы защитой собственного дома. Даже в условиях полного развала армии это оставляло некоторую надежду на сохранение здорового ядра войск. Прежде всего это относится к армянским подразделениям на Кавказском фронте. 30 сентября 1917 г. начальник штаба Кавказского фронта генерал-майор Е.В. Лебединский сообщал в штаб Верховного главнокомандующего, что «армянские батальоны до настоящего времени остаются лучшими войсками среди действующих частей Кавфронта»³¹⁵. Лебединский доносил, что армянские батальоны уже разворачиваются в двухбатальонные полки, и ходатайствовал о дальнейшем формировании из них двух стрелковых бригад³¹⁶. 23 октября 1917 г. высшее командование приняло решение об объединении шести армянских полков в две стрелковые бригады, а 17 ноября по ходатайству штаба Кавказского фронта наштаверх разрешил приступить к формированию двухдивизионного армянского армейского корпуса с одновременным развертыванием существующих шести полков в восемь полков 24-батальонного состава³¹⁷.

Вслед за Армянским на Кавказском фронте развернулось формирование Грузинского, Мусульманского (Азербайджанского), Украинского и Русского корпусов. Можно сказать, что на Кавказском фронте идея *национализации* была доведена до логического завершения: намечалась полная сегрегация личного состава фронта по национальному признаку. В штабе Кав-

³⁰⁹ Цит. по: Таирова-Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 33.

³¹⁰ Цит. по: Таирова-Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 33.

³¹¹ 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 195–197.

³¹² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 2003. С. 334.

³¹³ Марчуков А.В. Указ. соч. С. 110.

³¹⁴ Добрышин В.А. Оборона Мугани. 1918–1919. Париж, 1974. С. 14.

³¹⁵ Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 326.

³¹⁶ Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 326–327.

³¹⁷ Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 328–329.

казского фронта был создан специальный отдел по национализации войск, который координировал работу по переброске солдат и офицеров в соответствии с их национальностью. Формирование национальных корпусов породило огромную переписку между штабами всех уровней, однако в реальности делалось гораздо меньше. Объективно руководящие органы не могли ни принуждать к исполнению своих приказаний, ни контролировать их исполнение. Многих военнослужащих командиры не отпускали из своих частей; другие сами не соглашались идти. Разложение, дезорганизация в полной мере касались и национализируемых соединений, причем ситуация организационной перестройки лишь усугубляла эту ситуацию.

Развитие национального движения и *национализация* войск – в основном на окраинах рухнувшей империи и на фронтах мировой войны – шли параллельно с углублением социальной революции, полевением и радикализацией масс в центральной части страны, приведших к октябрьскому большевистскому перевороту в Петрограде и утверждению советской власти в центральных губерниях России. Апогей национализации пришелся как раз на период Октябрьской революции и становления власти большевиков. Следует подчеркнуть, что на тех фронтах, где особенно широко развернулась национализация, позиции большевиков были самыми слабыми. На выборах в Учредительное собрание на Юго-Западном фронте они набрали 31 % голосов, на Кавказском – 18 %, на Румынском – 15 %, в то время как в Петроградском и Московском округах большевики одержали убедительную победу³¹⁸. По понятным причинам национализация лоббировалась прежде всего националистическими силами, которые уже осенью 1917 г. нацелились на создание национальных армий. Этот процесс был противоположен большевизации армии.

Октябрьские события 1917 г. в военных округах прошли по-разному, что определялось множеством факторов – соотношением сил большевиков и оппонировавших им социалистических партий, реальным объемом власти легитимных государственных институтов и военных властей, численностью и политическими настроениями гарнизонов, наличием и организованностью рабочего класса и т. д. Гарнизоны Петрограда и Москвы сыграли в большевистской революции важнейшую роль, в значительной степени облегчив большевикам захват власти. Радикальным настроениям среди солдат способствовали участвовавшие перебои с хлебом. На окраинах России определяющее влияние на ход событий оказывали националистические центробежные устремления местных элит. Националистическим силам здесь удалось еще до октябрьских событий поставить под свои знамена значительные ресурсы.

В жизни Русской армии осень 1917 г. стала временем катастрофически быстрого разложения и утраты боеспособности, радикализации и самоуправства солдатских масс. «Ужас отдачи приказа без уверенности, часто и без малейшей надежды на его исполнение, кошмаром повис над русской армией и ее страстотерпцами-начальниками и зловещей тучей закрыл последние просветы голубого неба надежды», – записал 7 октября 1917 г. в своем дневнике командир XIV армейского корпуса А.П. Будберг³¹⁹. Высшие органы военного управления в этот период не только не владели ситуацией на местах, но зачастую не знали, кто командующий в том или ином округе. Так, в списках высшего командного состава, составленных в Военном министерстве на 12 октября 1917 г., можно было встретить такие записи: «Командующим Киевским округом был Квецинский»; «начальником штаба Одесского округа был Маркс» и т. п.³²⁰

После провозглашения фактической государственной независимости 7 ноября 1917 г. и образования Украинской народной республики *украинизация* войск получила новый импульс. Она охватила всю армию: решением Ставки украинцы выделялись в отдельные роты,

³¹⁸ Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 141.

³¹⁹ Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Л., 1929. С. 200.

³²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1961. Л. 10–13.

батальоны, батареи и проч. и затем отправлялись в формируемые украинские части. Современники оценивали численность украинских частей в широком диапазоне – от 400 до 1,5 млн. человек³²¹. В любом случае речь идет об общественном процессе огромного масштаба. При этом существующие соединения грозили быть полностью дезорганизованы такими перестановками. Например, из XVII армейского корпуса в ноябре 1917 г. предстояло выделить до 40 % украинцев, которые при этом требовали отправлять их с оружием и частью корпусного обоза³²². Углубление *украинизации* наложилось на процесс стихийной демобилизации и полного развала Русской армии после захвата власти большевиками в Центральной России. Поэтому военное командование на местах было поставлено перед выбором между плохим и худшим. Если деструктивный потенциал демобилизации был очевиден, то национализация в очередной раз оставляла робкую надежду на «оздоровление армии» и «водворение порядка в тылу»³²³. К тому же военные власти надеялись, что национальные части будут формироваться «без комитетов» – этих главных виновников развала армии³²⁴.

Новые волны *национализации* войск возникали и после установления советской власти. В декабре 1917 г. было объявлено о сформировании Азербайджанского армейского корпуса. Данное формирование уже нельзя было замаскировать никакими соображениями целесообразной перестройки армии: азербайджанцев (тюрков) в армии было немного: при царизме их не призывали. В войсках они составляли мизерную прослойку, если не считать Татарского конного полка Дикой дивизии, укомплектованного в свое время добровольцами-тюрками. Речь шла именно о вооружении азербайджанцев для участия в междоусобной войне. Азербайджанский корпус – продукт острой политической борьбы, которая в Закавказье всегда носит характер борьбы межнациональной. Впрочем, число желающих воевать было мизерным. Командир корпуса генерал А.А. Шихлинский вспоминал, как «молодые люди, приходившие для поступления в корпус, получив винтовку, патроны и постельные принадлежности, ночью, забрав все это имущество, уходили домой. И некому было поймать и вернуть их на место службы»³²⁵. По его словам, дело формирования корпуса «было очень трудное, даже невозможное, так как в своем распоряжении мы не имели достаточного числа офицеров, говорящих на азербайджанском языке, а будущий контингент солдат совершенно не понимал русского языка. У нас не было ни одного унтер-офицера, ни одного солдата старой службы, с которого могли бы брать пример новые контингенты. Не было никаких призывных списков. Метрических свидетельств у азербайджанцев, проживающих в сельских местностях, большей частью не имелось»³²⁶. В итоге вместо корпуса, по словам Шихлинского, «кое-как удалось сформировать лишь одну роту»³²⁷. В отсутствие военных традиций и национального командного состава формирование корпуса ждал неминуемый крах, предотвратить который смогли лишь вторгшиеся вскоре в Закавказье турецкие войска, объявившие себя союзником Азербайджана.

Правда, немногим лучше было положение и в других национальных корпусах Кавказского фронта. В течение января 1918 г. необходимые распоряжения по поводу формирования всех частей Армянского корпуса были сделаны, однако реального воплощения многие из них в условиях кризиса управления и снабжения не получили³²⁸.

Таким образом, большевистскую революцию Русская армия встретила не только в состоянии организационного развала, но и разгула национализма, выразившегося в «растаскивании»

³²¹ Пархоменко В.А. «Украинизация» в Русской армии...

³²² 1917. Разложение армии. С. 200.

³²³ 1917. Разложение армии. С. 202.

³²⁴ 1917. Разложение армии. С. 207.

³²⁵ Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 175.

³²⁶ Шихлинский А.А. Указ. соч. С. 176.

³²⁷ Шихлинский А.А. Указ. соч. С. 177.

³²⁸ Шихлинский А.А. Указ. соч. С. 332–333.

войск и отдельных военнослужащих по национальным «квартирам». Осколки совсем недавно еще единой армии интуитивно готовились к гражданской войне всех против всех.

Глава 4. Комплектование Красной армии представителями нерусских народов в годы Гражданской войны

Тема участия нерусских народов в вооруженной борьбе в период Гражданской войны в России – одна из сложных историографических проблем, изученная до сего дня лишь фрагментарно и довольно поверхностно. Безусловно, она заслуживает большого, строго документального исследования. Задачу данной главы мы видим в очерке основных тенденций использования нерусских народов в комплектовании и организации РККА.

Разгоревшееся в 1918 г. на просторах бывшей Российской империи гражданское противостояние вовлекло в свою орбиту, пожалуй, все населявшие ее этносы. Будучи так или иначе притесняемы самодержавием в прошлом, многие из них взяли за оружие, чтобы отстаивать советскую власть. Для советского (как и любого другого) военного ведомства наиболее удобный и простой способ комплектования воинских частей основывался на обязательной воинской повинности, единой для всех населявших страну народов. Высшие органы военного управления многократно подчеркивали в своих разъяснениях нижестоящим инстанциям, что все народы, принявшие советскую платформу, находились по отношению к обязательной военной службе в одинаковом правовом положении. Однако на деле возможность организовать призыв в национальных регионах предоставлялась редко. Чаще всего нерусские народы становились на защиту советской власти в составе разного рода добровольческих или полудобровольческих национальных формирований, имевших различную структуру, по-разному организованных и интегрированных в вооруженные силы Советской России.

В данном разделе будут рассмотрены оба этих подхода. Первый из них можно назвать «прагматическим»: он учитывал прежде всего интересы советского военного ведомства и был направлен на решение задачи ритмичного, почти механического пополнения «людским материалом» действующей армии. Второй подход можно назвать «политическим», поскольку формирование и боевое применение любой национальной части было всегда сопряжено с согласованием интересов различных политических акторов. Национальные части не только являлись боевыми единицами РККА, но и несли определенное политическое высказывание.

Сразу отметим, что в случае с национальными воинскими формированиями разбираться в истории каждого из них едва ли имеет смысл³²⁹. Их количество исчисляется многими десятками и даже сотнями³³⁰, а исторический путь – зачастую лишь месяцами и неделями³³¹. В конце данной главы в табличную форму сведены те из них, которые проходили по учету центральных органов военного управления, состояли на всех формах довольствия и включались в боевые расписания Красной армии. Такие критерии исторической легитимации национальных формирований представляются нам наиболее приемлемыми, поскольку именно здесь проходила граница со всевозможными партизанскими формированиями, не входившими в штат РККА.

³²⁹ Для сравнения, на конец августа 1920 г. в составе РККА было зарегистрировано около 14 тыс. отдельных войсковых частей (Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2. С. 7 (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 2. Л. 7 об.).

³³⁰ В докторской диссертации К. Аманжолова приводятся такие данные: только в Туркестане с 1918 по 1921 г. было создано более 30 национальных формирований; из представителей «западных» народов (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония) сформировано 20 частей и соединений (Аманжолов К. Указ. соч. С. 33).

³³¹ Участник борьбы с басмачеством в Средней Азии Э.Д. Лепин так характеризовал первые опыты национальных формирований: «Уже в первые годы после революции в Средней Азии то там, то здесь имеют место стихийные попытки формирования национальных войсковых частей... Но все эти попытки терпели неудачу, сформированные были части через короткое время разваливались в силу целого ряда объективных причин...» (Лепин Э. Строительство национальных частей в Узбекистане // Война и революция. 1927. Кн. 8. С. 85).

4.1. Национальные формирования на большевистской службе

Осенью 1917 г. Русская армия находилась в состоянии распада. Декрет о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. и особенно Декрет о сокращении численности армии от 10 (23) ноября 1917 г. сыграли в ее судьбе фатальную роль, сделав этот процесс уже необратимым. Новому советскому правительству пришлось приспособляться к обстоятельствам. В первые месяцы, примерно до конца 1917 г. большевики пытались сохранить старую армию, переформатировав ее под свои нужды. При этом весьма многочисленные национализированные воинские части стали для них отдельной проблемой.

После Октября 1917 г. *национализация* войск приобрела лавинообразный характер. Одна только *мусульманизация* пронизала почти всю армию. В декабре 1917 г. в Русской армии существовало 4 фронтовых, 13 армейских, 12 окружных, 98 гарнизонных, более 150 дивизионных мусульманских комитетов³³². По инициативе мусульманских активистов и солдатских масс они возникали повсеместно – от Гельсингфорса и Петрограда до Читы и Владивостока. По сведениям упомянутого выше Всероссийского мусульманского военного шуро, к концу 1917 г. имелись следующие мусульманские части: Туземный конный корпус (бывшая Дикая дивизия), два Крымских конных полка, 1-й мусульманский стрелковый корпус на Румынском фронте, 1-й стрелковый мусульманский полк в Оренбурге, 2-й (144-й) мусульманский запасный полк в Уфе, Текинский полк. В Белебее организовался 6-й мусульманский стрелковый полк. В Симферополе был *мусульманизирован* 32-й пехотный запасный полк, *мусульманизировался* 95-й пехотный запасный полк. Это не полный список мусульманских формирований. Правда, часто желаемое выдавалось за действительное: большинство перечисленных частей и соединений только формировались, в лучшем случае имея лишь штабы; нередко они существовали лишь в проекте (как 1-й мусульманский корпус) либо, напротив, находились в стадии развала (как Туземный конный корпус).

Анархия, митинговщина, политизация солдатской массы немедленно превратились из главных союзников большевиков в разложении старой армии во врагов нового режима. Поэтому с первых дней захвата власти большевистским правительством вводились ограничения, призванные поставить предел дальнейшему развалу войск. Так, 15 (28) ноября 1917 г. Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац) своим постановлением допустил «свободную группировку воинов по национальному признаку в пределах той или иной военной единицы». Однако тут же оговаривалось, что «это не должно быть смешиваемо с самовольным уходом на родину выделившихся, таким образом, групп, каковой уход недопустим в условиях войны без согласия на то общего военного органа»³³³. 12 (25) ноября 1917 г. разъяснения по поводу национальных формирований дал нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий. В телеграфных переговорах он просил «не чинить» формированию национальных полков «никаких политических препятствий и ставить только те ограничения», которые вызывались фронтовой обстановкой.

В дальнейшем условия *национализации* ужесточались. 15 (28) ноября 1917 г. был издан приказ по армии № 12 Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко, в котором предлагалось формирование национальных полков допускать только после «референдума» и с учетом боевой обстановки. Национальные части должны были перестраиваться на единых принципах с «русской революционной армией». 5 (18) декабря нарковоен Н.И. Подвойский приказал

³³² Исхаков С.М. Указ. соч. С. 436–438. Гизатуллин И.Г. Вошуро: светлые мечты и трагический конец // Эхо веков. 1999. № 3–4.

³³³ Цит. по: Исхаков С.М. Указ. соч. С. 430.

«впредь до особого распоряжения не допускать в силу технических и стратегических условий национализацию частей». В эти дни Главковерх Н.В. Крыленко и его начальник штаба своими телеграммами воспретили дальнейшую *национализацию* армянских и мусульманских частей на Кавказском фронте и т. д. И подобных распоряжений было немало.

Но большевистскому руководству не удалось поставить под свой контроль большинство национализированных частей, уже составлявших ядро нарождавшихся национальных армий. Вне пределов досягаемости советской власти оказались войска, формировавшиеся на дальних окраинах бывшей империи, такие как грузинские, армянские или азербайджанские. Украинцев было невозможно удержать в российских губерниях: «Мы вынуждены были согласиться продолжать начатое еще при Керенском выделение в особые части и отъезд на Украину украинцев... С отъезжающих бралось выраженное в резолюции их общего собрания обязательство не поднимать оружия против советской власти»³³⁴. Но уже в январе 1918 г. большевистским частям пришлось вести бои с польскими и украинскими войсками, еще вчера являвшимися частью единой Русской армии. Таким образом, начавшаяся после Февральской революции *национализация* наглядно демонстрировала и олицетворяла безнадежную дезорганизацию и агонию старой армии, но одновременно дала первые ростки вооруженных сил новых государственных образований, возникших на обломках Российской империи.

Начавшей в январе 1918 г. формирование Красной армии национальные воинские части старой армии помогли мало. За единственным исключением, заслуживающим отдельного подробного упоминания. В первые месяцы революции, когда РККА еще комплектовалась на добровольческих началах (это продолжалось до конца июня 1918 г.), управлялась выборными командирами и фактически представляла собой нестройную партизанскую рать, надежной и едва ли не единственной опорой советской власти стали латышские стрелки, почти в полном составе перешедшие на советскую службу. Латышская стрелковая дивизия, возникшая еще при самодержавии, при Временном правительстве имела мощную большевистскую ячейку, господствовавшую и в руководящем органе съезда представителей латышских полков («Исколастрел»). Хотя до октября 1917 г. доля большевиков среди солдат-латышей была невысока, однако социально-демографические особенности личного состава латышских полков (до 85 % фабричных и сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян при очень низком удельном весе безграмотных – не более 2 %) обеспечили сознательный переход латышских солдат под большевистские знамена. На выборах в Учредительное собрание среди латышских стрелков за большевиков проголосовало 96 % солдат.

Латышские полки, ведомые «Исколастрелом», сыграли важную роль в октябрьских событиях в Петрограде. Они способствовали захвату и удержанию власти большевиками. 5 (18) декабря 1917 г. все латышские части были объединены в один Латышский корпус, командиром которого был назначен бывший полковник И.И. Вацетис. Однако фактически корпус не был сформирован, поскольку уже в ноябре – декабре 1917 г. полки «были постепенно разбросаны по всей стране, исполняя в разных местах самые разнообразные задания», – вспоминал сам Вацетис³³⁵.

13 апреля 1918 г., со второй попытки, латышские стрелки были объединены уже в составе формируемой Красной армии. На этот раз – в стрелковую дивизию с выборным командным составом (приказ наркомвоена № 263)³³⁶. 27 апреля 1918 г. решение наркомвоена было утверждено 1-й конференцией коммунистических фракций латышских стрелковых полков. В 1927 г. И.И. Вацетис вспоминал, что после подписания Брестского мира представители германского командования потребовали расформирования Латышского корпуса, как составной

³³⁴ Антонов-Овсеенко В.А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923. С. 10.

³³⁵ Вацетис И. Указ. соч. С. 137.

³³⁶ РГВА. Ф. 33087. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

части старой армии. Формально выполнив это требование, фактически советские власти лишь сменили вывеску³³⁷. Так или иначе, Латышская дивизия стала первым пехотным соединением Красной армии. В то время как все прочие соединения и части Русской армии распались и исчезли с лица земли, латышское формирование не только сохранилось в организационном и кадровом отношении, но и нашло в себе силы провести под руководством выборных организаций «основательную чистку личного состава полков от случайного элемента, разного рода проходимцев, ничего общего не имевших с целями Красной армии»³³⁸. В РККА вступали латышские полки кристальной революционной чистоты.

В первой половине 1918 г., когда большевики еще не имели иной организованной вооруженной силы, латышские стрелки участвовали во всех боях Гражданской войны (бои против Польского корпуса И.Р. Довбор-Мусницкого в январе, отражение германского наступления на Петроград в марте, ликвидация анархистских и левоэсеровских выступлений в Москве в марте – апреле и июне, подавление ярославского мятежа в июле). Они были вовлечены в важнейшие мероприятия советской власти. Например, сформированный из лучших бойцов всех восьми полков Особый латышский полк вместе с 6-м латышским полком нес службу по охране Смольного и Таврического дворцов в Петрограде, а затем сопровождал правительство при переезде в Москву. В новой столице стрелки были расквартированы гарнизоном в Кремле. Эти два полка находились в личном распоряжении В.И. Ленина.

Наркомвоен Л.Д. Троцкий очень высоко ценил именно латышские части, в своих приказах отмечал их особую храбрость, организованность и преданность советской власти. Лично для самого Троцкого боевым крещением были упорные бои с белогвардейцами и чехословаками под Свияжском и Казанью в августе 1918 г., окончившиеся первой крупной победой советских войск. Всю оставшуюся жизнь Троцкий оставался под глубоким впечатлением от пережитого, считая, что в этих боях «решалась заново судьба революции»³³⁹. Большинство частей Красной армии в этих боях «держали себя недостойно, как трусливые наемники». И один лишь 5-й Земгальский Латышский Советский полк, по словам Троцкого, «показал образцы мужества и отваги, как в поле, так и в городском бою, отбив значительные атаки противника и удерживал Казань и мост через Волгу в течение двух дней»³⁴⁰. Полк был первым удостоен особого вида боевой награды для воинских частей и учреждений – Почетного революционного Красного знамени.

Вряд ли будет большим преувеличением утверждение, что без самоотверженной поддержки латышских стрелков большевистская власть могла не удержаться в первые, самые сложные месяцы своей истории. И в дальнейшем в ходе Гражданской войны Латышская дивизия использовалась на самых сложных участках фронта.

Организация латышского соединения считалась образцовой. Не случайно уже 25 апреля 1918 г. наркомвоен Троцкий поручил начальнику дивизии И.И. Вацетису организовать и возглавить особую инспекцию «для выяснения успеха организации, формирования и обучения, расположенных в г. Москве и окрестностях всех войсковых частей»³⁴¹.

Безусловно, большую роль в поддержании статуса этой дивизии как лучшего соединения РККА сыграло быстрое выдвижение ее начальника И.И. Вацетиса на высшие военные посты в Красной армии. Еще в 1915 г. полковник Вацетис стоял у истоков латышских стрелковых частей Русской императорской армии, а уже 1 октября 1918 г. он был назначен Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики. В октябре же 1918 г. было издано

³³⁷ Вацетис И. Указ. соч. С. 141–142.

³³⁸ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1565. Л. 4.

³³⁹ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 380.

³⁴⁰ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 379–380.

³⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 100.

сразу три приказа Революционного военного совета Республики (со 2 сентября 1918 г. – высший коллегиальный орган военного управления), серьезно укрепивших латышское соединение. Приказом № 37 от 5 октября 1918 г. было удовлетворено ходатайство Исполнительного комитета Совета депутатов Латышских стрелковых советских полков, запретившее всем военным комиссариатам комплектовать латышами «русские части» и «склонение латышей в свои формирования»³⁴². Приказом РВСР от 11 октября 1918 г. всех принятых на военную службу латышей в случае их желания также надлежало направлять в эту дивизию³⁴³. Наконец, приказом РВСР № 116 от 19 октября 1918 г. Латышская стрелковая дивизия была подчинена непосредственно Главнокомандующему³⁴⁴. Принимались особые меры к дальнейшему развертыванию дивизии. В октябре 1918 г. Торошинский отряд был переименован в 10-й латышский стрелковый полк, а несколько позднее в состав дивизии был включен Латышский советский кавалерийский полк. Позднее, в 1919 г. была сформирована 2-я латышская стрелковая дивизия.

Таблица 7. Национальные воинские формирования Красной армии на 1 сентября 1918 г. (по материалам военных округов)

Наименование военного округа	Наименование воинской части	Место дислокации	Состав воинской части, чел.				Всего по списку, чел.
			Командного и инструкторского состава	Пехотинцев	Пулеметчиков	Кавалеристов	
Московский военный округ	Всего по округу		2471	32 257	2836	2188	53 086
	Татаро-Башкирский батальон			15	156		156
	Латышская стрелковая дивизия	Штаб дивизии	Москва, ул. Плющиха, 64	6	16		30
		Отдел снабжения		26	115		156
		1-й Усть-Двинский стрелковый полк		23	314	61	703
		2-й Рижский стрелковый полк	Москва, бывш. Александровское военное училище	38	372	160	690
		3-й Курземский стрелковый полк	Москва, Казанский пер., 3	46	224	124	770
		9-й стрелковый советский полк	Москва, Кремль	5	430	53	611
		Латышский Кавалерийский советский полк	Москва, Казачьи казармы, Усачевская ул.	28			130
	Всего по дивизии			186	1679	398	130
Всего по округу национальных частей			373	3306	796	260	7262
Петроградский военный округ	Всего по округу		1330	22 067	2785	1556	42 422

³⁴² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 139.

³⁴³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 40.

³⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 165.

	Эстонский коммунистический батальон	Петроград, казармы 1-й зап. автороты	26	598	93		979
	1-й латышский коммунистический Советский отряд		2	67	6		80
	Латышский полк			150			150
	6-й тукумский латышский стрелковый батальон		11	262	75		466
	Красноармейский латышский батальон			320	50		400
	2-й латышский эскадрон			13		62	75
Всего по округу национальных частей			39	1410	224	62	2150
Ярославский военный округ	Всего по округу		367	9896	593	598	14 019
	8-й латышский Советский стрелковый полк	Вологда	41	307			597
Всего по округу национальных частей			41	307			597
Уральский военный округ	Всего по округу		425	14 472	177	1155	17 057
	Мусульманский полк	Белебей					1100
	Мусульманская вооруженная часть	Оренбург					300
Всего по округу национальных частей							1400
Приволжский военный округ	Всего по округу		314	8972	325	646	11 632
	Петроградский латышский отряд	Пенза					76
	Московский латышский отряд	Пенза					164
	Сибирский латышский отряд	Пенза					101
	Мусульманская рота	Астрахань	7	82			100
	2-я мусульманская рота		1	88	1		91
Всего по округу национальных частей			8	170	1		531
Всего национальных частей по пяти округам			461	5193	1021	322	11 940

Составлено по: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 257. Л. 70–130.

Нижеследующая таблица дает представление о состоянии национальных частей Красной армии на исходе первого периода ее истории. Данные таблицы не охватывают национальных частей действующих фронтов, а также партизанских национальных красных армий, сформировавшихся на окраинах бывшей империи и еще слабо ассоциированных с органами военного управления в Москве. На 1 сентября 1918 г. в составе Красной армии насчитывалось шесть военных округов (Московский, Петроградский, Ярославский, Уральский, Приволжский, Орловский) общей численностью личного состава 143 328 человек (в том числе командного и инструкторского состава – 5149, пехотинцев – 90 883, пулеметчиков – 7048, кавалеристов – 6138, остальных – 34 110 человек)³⁴⁵.

Из представленных в таблице 7 материалов хорошо видно, что в этот период наиболее многочисленный и организованный сегмент национальных частей составили латышские формирования. Также заметны воинские формирования мусульман, о которых речь пойдет несколько ниже.

* * *

В первые месяцы революции синкретизм и неразвитость советских органов власти способствовали тому, что формирование национальных частей не было исключительной прерогативой военного ведомства. Многие совдепы и ревкомы формировали их по своему почину на местах. В центре прямую конкуренцию Наркомвоенту в первый период существования советской власти (примерно до конца 1918 г.) составлял Народный комиссариат по делам национальностей, возглавлявшийся И.В. Сталиным. Вобрав в себя десятки национальных комиссариатов, Наркомнац вмешивался в любые государственные вопросы, связанные с национальным строительством, в том числе и в военные.

Политика советских ведомств в отношении национальных формирований была непоследовательна и сильно зависела от текущих событий, сиюминутных впечатлений и компетенций большевистских властей. Точнее, полного отсутствия компетенции. Принявший 13 марта

³⁴⁵ Подсчитано автором по: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 257. Л. 70–130.

1918 г. должность наркомвоена Л.Д. Троцкий, ставший впоследствии символом Гражданской войны, годы спустя признавался: «Был ли я подготовлен для военной работы? Разумеется, нет... Мне самому приходилось начинать с азбуки»³⁴⁶. Это же можно сказать почти обо всем руководящем составе Наркомвоена и Наркомнаца, принимавшем политические решения о национальном сегменте военного строительства. Мало кто имел даже опыт срочной службы, не говоря об участии в военном строительстве.

Представления о путях развития вооруженных сил формировались непосредственно во время Гражданской войны. В случае с национальными частями, с одной стороны, имелся, безусловно, позитивный (вспомним латышских стрелков) опыт применения национальных воинских частей. С другой стороны, недавняя эпопея с *национализацией* Русской армии указывала на крайнюю ненадежность и конъюнктурность таких формирований. В глазах советской власти большинство национальных частей были скомпрометированы своей нелояльностью большевизму. Отношение к ним в течение всей Гражданской войны было настороженным, и поэтому нередко под влиянием момента принимались противоречивые решения. Например, 28 апреля 1918 г. Наркомат по военным делам сформировал специальную комиссию из представителей всех заинтересованных национальных комиссариатов для обсуждения на высоком уровне («в Кремле») «намечавшейся организации Военным комиссариатом особых национальных полков»³⁴⁷. Но уже 14 мая 1918 г. наркомвоен Л.Д. Троцкий приказал при формировании частей строго руководствоваться единообразным для всей Красной армии штатным расписанием, считая «совершенно недопустимым» для организации армии ее «устройство на национальных началах», вносящих «элемент случайности и полной несогласованности» с существующими штатами и табелями³⁴⁸.

Весной 1918 г. крайне обострилась ситуация вокруг сформированного еще в старой армии из австро-венгерских военнопленных Чехословацкого корпуса. 24 мая 1918 г., за день до начала горячей стадии конфликта с чехословаками, наркомвоен Л.Д. Троцкий издал приказ № 397, в котором вполне однозначно высказался против дальнейшего организационного развития национальных частей: «Учитывая опыт формирования воинских частей из представителей разных народностей, как входящих, так и не входящих в состав Республики, Народный комиссариат по военным делам предлагает на будущее время создавать национальные единицы не свыше роты (эскадрона или батареи) и самые формирования производить строго в пределах штатов, утвержденных установленным порядком для соответствующего рода войск. Сформированные таким образом организационные единицы надлежит включать в соответствующие войсковые части – полки и артиллерийские дивизионы общего формирования»³⁴⁹. В этом отношении Троцкого поддержала и коллегия Наркомнаца, хотя в целом отношения между ними с первого дня вступления в должность наркомвоена были весьма напряженными.

Однако не имевшей достаточно войск советской власти уже очень скоро пришлось вновь возвращаться к национальным частям, стараясь использовать этническую пассионарность красноармейцев в собственных политических целях. К тому же слишком очевидной была политическая выгода в распространении советской власти в национальных регионах силами национальных же войск.

Всего через несколько дней после издания приказа № 397 Л.Д. Троцкий сформировал при Наркомвоене Центральную мусульманскую военную коллегия. Формирование мусульманских частей первым начал Наркомнац, 17 января 1918 г. образовавший в своем составе Центральный мусульманский комиссариат (ЦМК, Муском), а при нем – военный отдел. Перво-

³⁴⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 337, 345.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³⁴⁸ Сводка инструкций, положений и проектов по формированию резервных частей. М., 1918. С. 68.

³⁴⁹ Цит. по: Исхаков С.М. Указ. соч. С. 494–495.

начально деятельность Мускома распространялась только на Петроград, где его сотрудники агитировали рабочих и солдат-мусульман вступать в Красную армию, занимались реорганизацией на социалистической основе сформированного еще Всероссийским мусульманским военным шуро Петроградского мусульманского сводно-гвардейского полка³⁵⁰. После заключения Брестского мира полк был официально распущен, но на его основе объявлено, поддержанное наркомвоеном Н.И. Подвойским, Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко и наркомнацем И.В. Сталиным³⁵¹, формирование Мусульманской Красной армии, правда, нереализованное. Кроме того, 2 мая 1918 г. вышло постановление Наркомнаца, инициированное Центральным Татаро-Башкирским комиссариатом, о создании Мусульманской рабоче-крестьянской армии, организация которой возлагалась на Центральный мусульманский комиссариат Наркомнаца. 3 мая постановление было отправлено на утверждение наркомвоену Л.Д. Троцкому, однако тоже не получило развития³⁵².

Муском сосредоточился на мусульманских, прежде всего тюркских, регионах «внутренней России» – Поволжье и прилегающих территориях. Муском командировал должностных лиц, уполномоченных вербовать мусульман в социалистические мусульманские части. 31 мая 1918 г. созданный Наркомнацем орган формирования воинских частей из мусульман перешел в подчинение Наркомвоена. В этот же день распоряжением наркомвоена Троцкого при Мускоме была сформирована Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК, Центромус). Сферой деятельности коллегии определялась вся территория Республики, населенная мусульманами, хотя на деле, как и ЦМК, Центромус занимался в основном тюркоязычными мусульманами, и в наибольшей степени – поволжскими, крымскими и литовскими татарами. Не случайно в марте 1919 г. коллегия была переведена в Казань. Ближайший поволжским татарам по языку и культуре народ – башкиры – обзавелся собственным военным комиссариатом, всячески сопротивлявшимся отправке башкир в татарские части «под общим именем мусульман»³⁵³. Татарская специализация ЦМВК выразилась и в том, что сформированная в марте 1919 г. Приволжским военным округом Мусульманская стрелковая бригада была по просьбе ее командования приказом РВСР переименована в Отдельную Приволжскую татарскую бригаду³⁵⁴. При этом собственно мусульманская, культурно-религиозная специфика в деятельности ЦМВК проявлялась слабо. Мусульманство понималось как единый идентифицирующий признак военнослужащих, но не более того.

ЦМВК была призвана содействовать Наркомату по военным делам в создании «могучей пролетарской революционной армии»³⁵⁵, однако круг ее обязанностей точно не был определен. Указывалось, в частности, на «принятие мер к выделению мусульман-красноармейцев в отдельные боевые единицы с целью способствования их умственному и политическому развитию»³⁵⁶. По распоряжению Троцкого Военная коллегия была организационно «обособлена от ЦМК».

Состав коллегии также был утвержден народным комиссаром по военным делам: Мулла-Нур Вахитов, Набиулла Вахитов и Сулейман Ловчицкий. Приказом № 1 председатель ЦМВК М. Вахитов объявил о формировании 1-го пехотного татаро-башкирского батальона³⁵⁷, а приказом № 5 – 2-го батальона. Приказом № 2 было объявлено о формировании аппарата кол-

³⁵⁰ Цит. по: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 491.

³⁵¹ Цит. по: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 491–492.

³⁵² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 82. Л. 22.

³⁵³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 469. Л. 2.

³⁵⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 469. Л. 94.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 57–58.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 114.

³⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 53. Уже 6 июня 1918 г. батальон был отправлен на фронт под Самару против отрядов А.И. Дутова (Там же. Л. 59).

легии на местах: всем мусульманским комиссариатам при совдепах рекомендовалось срочно организовать у себя военные отделы для формирования и пропаганды мусульманских формирований, подчинив сформированные части «общесоветскому» командованию и от него же получая оружие и материальные средства³⁵⁸. В начале августа 1918 г. весь состав коллегии, руководивший по приказу наркомвоена мусульманскими войсками, попал в плен войскам Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) в Казани; председатель М. Вахитов был казнен.

Осенью 1918 г. ЦМВК была воссоздана под председательством члена коллегии Наркомнаца М. Султан-Галиева (приказ Наркомвоена № 276 от 20 ноября 1918 г.). Было разработано и в январе 1919 г. утверждено положение о Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоене, определившее ее состав, положение в органах военного управления, цели и задачи³⁵⁹. Согласно положению, руководящий аппарат состоял из председателя и четырех членов коллегии (выбирались Центральным бюро мусульманских организаций РСДРП(б) и утверждались наркомом по военным делам), а также военного руководителя, на которого возлагались руководство военным отделом коллегии и непосредственные заботы по формированию воинских частей. ЦМВК состояла из трех отделов – общего, военного и политического. Военный отдел занимался комплектованием мусульманских частей, разработкой штатов, подбором командного состава. Политический состоял из двух подотделов – агитационно-вербовочного и организационно-информационного. В задачи политического отдела входили: организация и расширение сети военных отделов на местах, сбор сведений о наличии мусульман-военнослужащих и агитационно-вербовочная работа среди мусульманского населения и солдат-мусульман с целью формирования из них мусульманских частей Красной армии. Кроме того, планировалось издание печатной продукции и публикация периодического печатного органа ЦМВК. Постепенно с санкции Реввоенсовета Республики она обзавелась достаточно широкими полномочиями по формированию и комплектованию воинских частей.

Приказом РВСР № 601 от 29 марта 1919 г. были определены задачи коллегии: содействие Приволжскому и Уральскому военным округам в деле формирования мусульманских частей, политической и культурно-просветительской работы с ними³⁶⁰. 15 мая 1919 г. по ходатайству ЦМВК Реввоенсовет Республики издал еще два приказа. Согласно первому из них все вопросы о назначениях, увольнениях и перемещениях лиц командного состава и политических комиссаров действующих татарских частей производились только с ведома и согласия ЦМВК³⁶¹. Другим приказом РВСР, распространенным по телеграфу, надлежало произвести учет всех бывших офицеров-мусульман, состоявших на службе в тыловых и вспомогательных частях и учреждениях Красной армии, а также не состоявших на военной службе. Последние обязаны были немедленно явиться в ближайший военный комиссариат для регистрации³⁶². Дважды – в июне 1919 г. и в июле 1920 г. распоряжением Мобупра Всероглавштаба, а затем запредседателя Реввоенсовета Э.М. Склянского – все запасные и тыловые части обзывались откомандировать в распоряжение Центромуса всех мусульман-специалистов (артиллеристов, кавалеристов, пулеметчиков и т. д.)³⁶³. Центромус обладал значительными лоббистскими возможностями, добившись от Мобупра ВГШ разрешения на вербовку среди населения в ряды Красной армии добровольцев из числа мусульман «национальностей Востока». В начале 1920 г. вербовщики с мандатом ЦМВК разъехались по восточным губерниям России с целью

³⁵⁸ Там же. Д. 3. Л. 54.

³⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 150–155.

³⁶⁰ *Калюжный Р.Г.* Красная армия 1918–1934: структура и организация: Справочник. М., 2019. С. 25.

³⁶¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 112.

³⁶² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 66.

³⁶³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 15, 27.

поиска добровольцев в «туземные конные и пешие части»³⁶⁴. И весьма преуспели в этом. Так, Регистрационно-вербовочный отдел ЦМВК с мая 1919 по февраль 1920 г. на вербовал в девяти губерниях Европейской России и Поволжья с мусульманским населением 7305 человек, часть из которых была направлена на укомплектование мусульманских частей, а часть – обычных³⁶⁵. С февраля по октябрь 1920 г. из других формирований в распоряжение ЦМВК добровольно было переведено 5110 человек. Более 1,5 тыс. человек было вербовано в мусульманские командные курсы и другие военно-учебные заведения³⁶⁶.

ЦМВК просуществовала до 1 октября 1920 г., когда приказом РВСР на ее кадровой и материальной основе был создан отдел Востока при Политуправлении РВСР³⁶⁷. К моменту расформирования Центромус укомплектовал две татарские стрелковые бригады – 1-ю и 2-ю (2-я позднее переименована в 68-ю, а затем в 69-ю)³⁶⁸, а также ряд более мелких частей и подразделений.

Кроме ЦМВК, занимавшейся фактически только вопросами татар, из народов, относимых к «восточным», «своими» комиссариатами обзавелись, как уже отмечалось, башкирский, а также калмыцкий и киргизский (казахский) народы. Особое внимание именно к этим трем народам можно объяснить большими поголовьями лошадей и скота в их распоряжении, возможностью заготовки крупных партий мяса, жира, кожи, шерсти, а также перспективами привлечения местного населения в кавалерию, интенсивное развитие которой развернулось во второй половине 1919 г. Сущностно эти военкоматы походили на ЦМВК, поскольку распространяли свои полномочия не на территории, а на этносы, где бы представители таковых ни проживали³⁶⁹. Они были наделены большими полномочиями в области формирования национальных частей, назначения командного состава и применения вооруженной силы. Комиссариаты формировали верные Советской России воинские части, организовывали местную военную власть, учет населения и лошадей и их мобилизацию. Им же передавались военнопленные из белых и национальных антисоветских формирований для использования на укомплектование советских частей³⁷⁰.

Киргизский и башкирский военкоматы имели статус «центральных», что означало их подчинение не окружному военному комиссару, а непосредственно Всероглавштабу. Они отличались большой активностью и производили обширную переписку, отложившуюся в архивных фондах РГВА и ГАРФ.

Кроме татарских и казахских (киргизских), также активно восточные части формировались из калмыков, башкир, узбеков и ряда других народов. Мобилизуемые контингенты местных жителей использовались преимущественно на своей территории. Национальные военкоматы прилагали все усилия к тому, чтобы использовать мобилизованных граждан в пределах своих республик. Например, из 3033 человек, мобилизованных в течение 1918–1919 гг. Калмыцким центральным комиссариатом по военным делам, 689 человек было направлено в Калмыцкую дивизию, 2142 человека оставлено в распоряжение улусвоенкомов, 90 человек – в местных сотнях³⁷¹; то есть почти все остались в пределах своего региона.

В ряде случаев восточные формирования подолгу воевали вдали от дома. Например, 1-я и 2-я отдельные татарские бригады больше года действовали в составе Туркестанского

³⁶⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 33.

³⁶⁵ РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

³⁶⁶ РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 20.

³⁶⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 21. Д. 2. Л. 2.

³⁶⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1035. Л. 3.

³⁶⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 53, 70, 153, 260.

³⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 20. Л. 75.

³⁷¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 88.

фронта³⁷², Башкирская кавалерийская бригада воевала на Западном фронте. Далеко не все военные руководители считали практику сведения местных жителей в национальные части и оставление их для службы по месту жительства удачной идеей, поскольку те «среди своих родных аулов с трудом привыкают к правилам военной дисциплины»³⁷³. С другой стороны, попытки игнорирования национального компонента и грубого администрирования приводили к разложению национальных частей. Например, в декабре 1918 г. Калмыцкий военный комиссариат был расформирован и присоединен на правах отдела к Астраханскому комиссариату. Направленный им в Калмыцкий кавполк русский командный состав, не знавший калмыцкого языка, «быта и нравов степных номадов-калмыков, не сумел подойти к ним правильно и поставить дело формирования». В результате: «массовое дезертирство и форменное разложение полка»³⁷⁴.

* * *

Примерно с середины 1919 г. формирование крупных национальных частей и соединений (полки, бригады, дивизии) по единым штатам велось под руководством центральных органов военного управления. Первоначально под давлением местных органов советской власти и военного управления приходилось соглашаться на формирование национальных армий. Например, Башкирский военкомат первоначально добился формирования отдельной Башкирской Красной армии³⁷⁵, однако 5 апреля 1919 г. приказом РВСР № 615 это решение было отменено и вместо армии формировались трехполковая стрелковая бригада и четырехполковая кавалерийская дивизия с приданными подразделениями. Башкирский военкомат брал на себя все заботы по комплектованию полков людьми и лошадьми³⁷⁶. В эти же дни были существенно сокращены политические полномочия ЦМВК, а сама коллегия передислоцирована из Москвы в Казань. В это же время развернулось формирование национальных соединений и в других восточных регионах. С 10 марта 1919 г. приказом РВСР формируется Отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада, а 19 июня приказом РВСР № 1014/185 – специальные и тыловые части к ней³⁷⁷. 13 октября РВС Юго-Восточного фронта и Калмыцкому комиссариату Реввоенсоветом Республики было поручено формирование двух калмыцких кавалерийских полков. 19 октября 1919 г. приказано всех мобилизованных на территории Башкирской АССР татар, мещеряков и тептярей обращать на укомплектование 2-й Отдельной татарской стрелковой бригады Туркестанского фронта.

Обилие приказов и номеров воинских частей не должно вводить в заблуждение о степени влияния центра на местах: большинство национальных формирований, что называется, жили своей жизнью, воплощая собой явление, ставшее настоящим бичом Красной армии, особенно в начальный период Гражданской войны, – *партизанизму*. Причем в национальных окраинах в силу их слабой связи с центральными властями партизанская эпоха сильно затянулась, подчас на весь период войны. За внушительными наименованиями («Северо-Кавказской армия», «Кубано-Черноморские войска», «Таманская армия», «Чеченская Красная армия», «Татаро-Башкирская Рабоче-Крестьянская Красная армия» и т. п.) скрывались, как правило, небольшие отряды с эклектичной структурой и слабой дисциплиной. Разумеется, такого рода формирования были подвержены сильнейшим политическим колебаниям под воздействием

³⁷² РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

³⁷³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 160 об.

³⁷⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 258.

³⁷⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 57.

³⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 425. Л. 22; Оп. 15. Д. 20. Л. 117–118.

³⁷⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 20. Л. 123.

множества приводящих факторов. Большевикам приходилось повсеместно иметь дело с этой опасностью: «Отовсюду проявлялась интересная инициатива, – приводит слова Л.Д. Троцкого французский журналист А. Моризэ. – Но как! Стоило только образоваться ядру, как оно сейчас же заражалось духом сепаратизма»³⁷⁸.

Чаще всего партизаны противились попыткам управлять ими, использовать на других участках фронта. В условиях непрочности советской власти на местах ее отношения с партизанскими отрядами носили не распорядительный, а договорной характер. Формирование национальных частей было невозможно без согласования с местными властями – народными съездами или их представителями – ЦИКаами или ревкомками. Без санкции народа советская власть, не имевшая в нем еще никаких корней, не решалась начать мобилизацию или формирование воинских частей. Легитимация красных партизанских воинских частей осуществлялась на разного рода съездах и сходах. Таковых в окраинах бывшей империи проходило великое множество. Например, на съезде киргиз (казахов) Тургайской области, состоявшемся в марте 1918 г., был принципиально решен вопрос о формировании киргизских частей Красной армии. Тургайский областной исполком Совета солдатских, крестьянских и киргизских депутатов обещал организовать не менее чем 20-тысячную армию киргизов. Впоследствии решение было поддержано Народным комиссариатом по военным делам и Народным комиссариатом по делам национальностей. Были назначены политические комиссары, выделены денежные средства³⁷⁹. 28 апреля 1918 г. съезд рабочих татар и башкир в Уфе одобрил организацию «Татаро-Башкирской Рабоче-Крестьянской Красной армии»³⁸⁰. Съезд советов депутатов трудового калмыцкого народа постановил призвать калмыков 1894-1895 гг. рождения, а в перспективе, с учетом полученного опыта, мобилизовать и остальные возрасты. Калмыки обещали влить в Красную армию «лихую боеспособную калмыцкую кавалерию»³⁸¹. Национальные съезды принимали подобные решения повсеместно.

Дальнейшую процедуру формирования национальной воинской части можно показать на примере тех же киргизских (казахских) частей. В населенном пункте Ханская Ставка (Урда) был развернут агитационно-вербовочный отряд под руководством комиссара военных дел в Степи. Организационно отряд являлся подотделом Отдела по формированию киргизских частей, созданного решением Высшего Военного Совета 4 августа 1918 г. и утвержденного наркомвоенном Л.Д. Троцким³⁸².

Кроме вербовки и мобилизации, возникала масса организационных вопросов: квартирный, продовольственный, транспортный, учебно-инструкторский. Их решение, как справедливо отмечалось в отчете заведующего Киргизским отделом Наркомнаца, «должно предшествовать сбору джигитов»³⁸³. В рассматриваемом случае с киргизскими частями был создан ряд комиссий: квартирная изыскала капитальные помещения под казармы, продовольственная – разработала рацион с учетом национальных традиций, религиозных ограничений и предстоящих физических нагрузок; транспортная – определила количество верблюдов для переброски имущества полка. Учебно-инструкторский вопрос делился на два пункта: выбор места для стрельбищ и тактических занятий в степи не вызывал вопросов, но для подбора командного состава требовалась помощь ВГШ.

Уже весной 1919 г. среди киргиз (казахов) была проведена первая мобилизация, давшая скромные результаты – 954 мобилизованных и 136 добровольцев³⁸⁴, что, впрочем, позволило

³⁷⁸ Моризэ А. У Ленина и Троцкого. Москва 1921. М.; Пг., 1923. С. 103.

³⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–4.

³⁸⁰ Песикина Е.И. Указ. соч. С. 117.

³⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 17.

³⁸² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 21.

³⁸³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 259. Л. 24.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 11. Оп. 5. Д. 737. Л. 153 об.

сформировать первый киргизский полк. В конце 1919 г. по ходатайству киргизского военкомата (Киркрайвоенкомрата) для местных нужд Туркфронтом было сформировано девять отдельных киргизских эскадронов и семь караульных рот. 15 ноября 1919 г. командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе начал формирование 1-й Киргизской крепостной кавалерийской бригады и специальных частей к ней, а в феврале 1920 г. – Особого киргизского полка. По состоянию на май 1920 г. удалось достичь достаточно значительных результатов: в составе 1-й армии Туркфронта числилось четыре тюркских конных полка, Узбекская бригада, а также 2-я киргизская и 3-я туркменская бригады (последние две – в стадии формирования) общей численностью 4121 человек³⁸⁵.

* * *

В тех национальных регионах, где еще не было советской власти, большевистское руководство всячески поддерживало национально-освободительное партизанское движение против белых правительств и интервентов. Туда на содержание партизан направлялись нелегальные денежные потоки. Большевики-подпольщики охотно вступали в любые союзы и соглашения с местными обществами, лишь бы поднять их на борьбу с контрреволюционными силами. Яркий и характерный пример тому – Северный Кавказ, где в 1919 – начале 1920 г. большевики в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабарде в борьбе с Вооруженными силами Юга России генерала Деникина действовали в тесном сотрудничестве с местными мусульманско-клерикальными и националистическими кругами. Однако вполне успешное сотрудничество в период белой оккупации вовсе не гарантировало его продолжения после установления советской власти.

Весной 1920 г., с приходом на Северный Кавказ частей 11-й советской армии, заслуженные горские партизанские отряды, изрядно потрепавшие части ВСЮР, стали вливаться в состав РККА. Первоначально их охотно принимали целиком, как готовые воинские части, а также формировали из охотников новые полки и бригады. В конце апреля 1920 г. во Владикавказе даже было организовано Управление формирования горских кавалерийских частей, которое возглавил местный большевик А.М. Беленкович³⁸⁶. В планах Управления было формирование из добровольцев девяти полков и трех бригад из горцев, на укомплектование которых требовалось 9750 бойцов и свыше 250 командиров³⁸⁷. Некоторые горские части (чеченские и дагестанские конные сотни, 1-й Дагестанский стрелковый полк и т. д.) были приданы 11-й армии и содействовали ей в замирении Азербайджана весной и летом 1920 г.³⁸⁸

Однако очень скоро партизанская природа горских формирований дала о себе знать. Горские части, сформированные на добровольной основе, были плохо управляемыми и быстро разлагались. О Дагестанской сводной бригаде сообщалось, что эта воинская часть «не высокого качества, плохо обучена, малочисленна... серьезной задачи ей дать нельзя»³⁸⁹. В сформированных в Чечне трех конных бригадах «с самого начала формирования наблюдалось массовое дезертирство», которое совершалось с лошадьми и оружием. Приказы, возлагаемые на чеченские части, «никогда в точности не выполнялись»³⁹⁰. Командарм Кавказской трудовой армии С.В. Косиор доносил: «Чеченская бригада разбегается большими группами, ни одного боезадания не выполнила, занимается грабежами»³⁹¹.

³⁸⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 7. Д. 13. Л. 43–44.

³⁸⁶ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 449.

³⁸⁷ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 447. Л. 3.

³⁸⁸ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 296. Л. 4, 6.

³⁸⁹ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

³⁹⁰ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 12.

³⁹¹ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 17 об.

Осенью 1920 г., когда в Дагестане и частично в Чечне вспыхнуло мощное восстание имама Н. Гоцинского, горские части составили самый ненадежный эшелон советских войск. Последние стали таять из-за дезертирства и перехода горцев на сторону восставших³⁹². По этой же причине из региона была выведена и формируемая Дагестанская сводная бригада. «В связи с ненадежностью населения» в нее в августе и сентябре стали набирать русских военнослужащих, отложив призыв местных жителей на будущее³⁹³. Военком Дагестана Смирнов настаивал на экстерриториальном содержании национальных частей: «Очень важно – это вывод из Дагестана формируемых частей, ибо они никогда не будут воспитаны и постепенно все дезертируют»³⁹⁴. В середине октября 1920 г. Дагестанская сводная бригада в составе свыше 900 бойцов и 1300 нестроевых «едоков» была срочно («пока полки не перешли на сторону абреков») погружена в эшелоны и отправлена в Ростов, где продолжила формирование³⁹⁵. Самый «нетвердый» 1-й кавполк, даже не дожидаясь подачи составов, был пешим порядком отправлен в Грозный³⁹⁶.

Причины столь быстрого разложения горских частей Красной армии, еще совсем недавно блестяще проявивших себя в партизанской борьбе с деникинцами, крылись в катастрофическом несовпадении их ожиданий от советской власти с реальностью. Довольно точно уловил мотивацию горцев, поддержавших советскую власть с оружием в руках, Н. Гикало – большевик-подпольщик, организатор красного партизанского движения в Чечне, отлично разбиравшийся в настроениях местного населения. По его словам, горцы ждали от большевиков немедленных, «прямых и непосредственно личных (благодаря большому непониманию) благ»³⁹⁷. И такие обещания им действительно щедро раздавались при формировании отрядов. Один из красноармейских политработников так описал формирование партизанского отряда в Чечне: «Тов. Эллердов (чеченский большевик. – *Авт.*) начинает организацию туземного отряда, подписывая с организаторами договор, в котором он обещает им *все блага земные и обещает им, что дальше своего аула им выступать не надо будет*» (здесь и далее курсив мой. – *Авт.*)³⁹⁸. Хотя советская власть и была желанна большинством населения, ожидания от нее строились прежде всего на антитезе добровольческой политике, а не на социалистических идеалах. Дагестанский большевик М. Кундухов сформулировал их так: «Население ждет *истинного порядка и культуры*... Большевизм становится чуть ли не *религией* бедняков...»³⁹⁹ (курсив мой. – *Авт.*). Пытавшийся разобраться в политических предпочтениях чеченцев начальник политотдела 33-й стрелковой дивизии С. Каменский пришел к парадоксальному заключению: «Отношение населения, отличающегося крайней некультурностью, в целом к Советской власти хорошее, к Красной армии отрицательное, вследствие абсолютного непонимания задач ее. Отношение к коммунистам хорошее, к большевикам – плохое...»⁴⁰⁰ Неискушенные в российской политике горцы были неспособны уловить грани и оттенки пестрой российской политики времен Гражданской войны.

Первый же опыт взаимодействия с советской властью, даже если он не был насильственным, принес разочарование: никаких немедленных чудес не случилось, а, напротив, вместо Белой армии пришла Красная, которую тоже нужно было кормить. Новая власть сразу проявила себя прямолинейно, неуклюже, не считаясь с особенностями хозяйства, быта и мента-

³⁹² РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–4.

³⁹³ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–4.

³⁹⁴ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.

³⁹⁵ РГВА. Ф. 109. Оп. 4. Д. 17. Л. 1.

³⁹⁶ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 312. Л. 15, 35, 41.

³⁹⁷ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 140.

³⁹⁸ РГВА. Ф. 39247. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

³⁹⁹ Цит. по: *Кадиев А.Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 232.

⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 39247. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

литета горцев. Особенно остро это проявилось в горных округах Дагестана. Нелепые учеты кур, яиц, деревьев, жестокие продразверстки в сочетании с «безудержным произволом местной ЧК»⁴⁰¹, «случаи бесчинства отдельных отрядов» красноармейцев, доходивших «до явных грабежей и убийства среди мирного населения»⁴⁰², а также совершенно отвлеченная разъяснительная работа быстро сделали свое дело.

К весне 1921 г. большинство частей, укомплектованных горцами Северного Кавказа, были расформированы, а их личный состав распущен по домам. Сведения о «лицах восточных национальностей», поданные в штаб частями войск Терской области, 32-й и 33-й стрелковых дивизий в начале февраля 1921 г., демонстрируют уже единичное представительство представителей горских народностей в регулярных войсках Красной армии⁴⁰³.

* * *

Что касается этносов, населявших западные регионы бывшей Российской империи, – украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, то здесь, пока политическое влияние московской власти было недостаточно прочным, формирование национальных армий происходило на единой платформе по соглашению с советскими национальными правительствами, которым еще предстояло отвоевать и закрепить за собой свои территории. Борьба за власть и внутренние гражданские войны здесь разгорелись в конце 1918 г. с эвакуацией германских войск и усилением противостояния между Советской Россией и Польшей. Указанные народы оказались на линии этого противостояния. Советская Россия признала независимость вновь образованных республик и в то же время вооруженной силой поддержала там советскую власть. В январе по просьбе советского правительства Литвы участвовавшая в занятии освобожденной германцами территории Псковская дивизия была переименована в Литовскую с доукомплектованием до штата за счет коренного населения⁴⁰⁴. Весной 1919 г. была создана Латвийская советская армия, насчитывавшая в марте 30 тыс. человек⁴⁰⁵. 13 марта 1919 г. из Западной армии преобразована Белорусско-Литовская советская армия. Наиболее многочисленной (до 188 тыс. человек) была Украинская советская армия. Национальные войска подчинялись Все­роглавштабу, формировались и снабжались за счет центральных органов Наркомата по военным делам⁴⁰⁶.

Эпоха национальных красных армий для «западных» народов закончилась примерно тогда же, когда и для восточных, – в первой половине 1919 г. Опыт национальных советских армий был признан неудачным. Общая координация была слабой, аппарат управления налаживался с трудом, сильны были партизанские явления. Как отмечалось в «Заключении о состоянии вооруженных сил и военных органов Украины за период с 29 января по 23 августа 1919 г.», подготовленном Высшей военной инспекцией Украины, «Украинская Красная армия имела успех лишь до тех пор, пока сталкивалась с противником, морально стоявшим ниже ее, но столь же плохо организованным, как она сама. Стоило же ей встретить более сколоченные польские или денкинские войска, как она расплылась и открыла фланги»⁴⁰⁷. Украинскую армию, которую представители Все­роглавштаба характеризовали «сбродом грабителей, погла-

⁴⁰¹ РГВА. Ф. 109. Оп. 2. Д. 64. Л. 87.

⁴⁰² РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 448. Л. 25.

⁴⁰³ РГВА. Ф. 28108. Оп. 1. Д. 313. Л. 28, 42, 44.

⁴⁰⁴ *Балтийск-Жемайтис*. Гражданская война в Литве в 1919 году // Война и революция. 1929. Кн. 7. С. 94.

⁴⁰⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 293. Л. 1.

⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 425. Л. 46.

⁴⁰⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 548. Л. 119 об.

щающей массу средств, но остающейся голой и босой»⁴⁰⁸, принудительно переформировывали в стрелковые дивизии и бригады по штатам РККА.

Конец формальной самостоятельности «западных» национальных красных армий положил декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом», в котором декларировался военный, хозяйственный и финансовый союз между перечисленными советскими республиками. Уже спустя несколько дней национальные армии получили единую сквозную нумерацию без сохранения этнонима и единую штатную организацию по образцу РККА⁴⁰⁹.

Данное соглашение дало возможность использовать демографические ресурсы данных республик для комплектования Красной армии, которая теперь объединила все вооруженные силы, стоявшие на социалистической платформе. Фактически советизация прошла на Украине и части территории Белоруссии. Прибалтийские народы после коротких войн с Советской Россией добились независимости, и в 1920 г. по соглашению со вновь образованными правительствами советские военные власти не без многочисленных проволочек вынуждены были отпустить большинство военнослужащих – по национальности латышей, литовцев, эстонцев и поляков, которые желали выйти из российского гражданства и принять гражданство вновь образованных государств (оптироваться)⁴¹⁰.

У большинства национальных формирований Красной армии периода Гражданской войны была совершенно прозрачная политическая миссия: на своих штыках они должны были принести счастье революции своим народам. Например, из Башкирии доносили, что «весьма желательно в политическом отношении... при ожидаемом освобождении областей, населенных башкирами... наличие в рядах наших войск башкирских частей, что облегчит мобилизацию среди башкирского населения»⁴¹¹. С середины августа 1920 г., в разгар Советско-польской войны формировалась 1-я польская Красная армия, которая из-за катастрофического развития событий так и не появилась на свет. Подобных примеров много. Национальные красные армии в составе РККА (украинская, белорусско-литовская, латышская, польская) создавались для конкретных войн и были рассчитаны на дальнейшее продвижение мировой революции.

---

⁴⁰⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 226. Л. 52.

⁴⁰⁹ Собрание узаконений... С. 354–355.

⁴¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 710. Л. 435–445.

⁴¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 502. Л. 2.

4.2. «На одинаковых основаниях с остальными гражданами...»: долгий путь к обязательной военной службе

Сказанного достаточно, чтобы составить себе представление о национальных воинских частях и разного рода национальных красных армиях как о формированиях по большей части слабо организованных и плохо обученных, недисциплинированных и нестойких в бою, часто политически ангажированных и своекорыстных. Впрочем, эти характеристики применимы ко всем партизанским формированиям периода Гражданской войны, а не только к национальным. Именно с этими сущностными чертами *партизанищины* боролись советские власти в течение всей Гражданской войны. Отсюда понятно, что значительно проще и выгоднее было использовать нерусских новобранцев в общей схеме комплектования войск на основе *призыва военно-обязанных*. Рассмотрим этот аспект участия нерусских народов в Гражданской войне.

Формально с момента создания Красной армии граждане Советской России нерусской национальности принимались на военную службу «на общих основаниях и одновременно с соответствующими категориями русских граждан. Никаких изъятий для инородцев окраин установлено не было», – именно так, вполне однозначно утверждалось в «Справке об использовании призывавшихся на территории Республики инородцев», подготовленной 11 декабря 1919 г. врио начальника Мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба Федоровым начальнику Всевоглавштаба Н.И. Раттелем⁴¹².

В основополагающем декрете Совета Народных Комиссаров «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии», принятом 15 (28) января 1918 г., указывалось: «В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма»⁴¹³. Правда, как отмечается в литературе, первоначальный проект декрета, перед утверждением подвергнутый многочисленной правке разных лиц, содержал слова «без различия национальностей». Их вычеркнул член коллегии Наркомвоена Э.М. Склянский⁴¹⁴. Чем руководствовался этот военно-политический деятель, сейчас сказать нельзя, но следует отметить, что отказ от этой формулы не изменил общего посыла документа, ставившего единственный барьер для службы в Красной армии – классовое происхождение.

В многочисленных приказах Совета Народных Комиссаров и Реввоенсовета Республики, объявлявших всеобщие и частичные призывы, каковых за годы Гражданской войны было осуществлено несколько десятков, основными критериями, задававшими рамки призыва, являлись: социально-классовая принадлежность гражданина, его возраст, физическое состояние. Первый критерий был основополагающим. Для определения, как тогда говорили, «классового лица» военнообязанных граждан в июле 1919 г. была разработана и введена в действие отдельная инструкция⁴¹⁵. Призываемый в Красную армию обязательно должен был относиться к трудовому классу, соответствовать требуемым возрастным характеристикам и быть годным к строевой службе. Эти критерии были определены с самого первого призыва рабочих, объявленного 12 июня 1918 г.⁴¹⁶, а затем распространились на всеобщие возрастные призывы, которые развернулись в сентябре 1918 г. (приказы РВСР № 4 от 11 сентября и № 6 от 22 сен-

⁴¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 246–246 об.

⁴¹³ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы (1917–1968). М., 1969. С. 19.

⁴¹⁴ *Молодцыгин М.А.* Красная армия: рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997. С. 101.

⁴¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 6. Л. 751.

⁴¹⁶ Постановление СНК РСФСР № 436 от 12 июня 1918 г. объявляло первый в республике обязательный призыв рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян 1897–1893 гг. рождения.

тября)⁴¹⁷ и все последующие призывы периода Гражданской войны. Национальность мобилизуемых граждан в них никогда специально не оговаривалась.

Несмотря на это, конкретные политические ситуации заставляли молодое Советское государство непрерывно решать национальный вопрос в связи с комплектованием вооруженных сил. Фактически проблемы в этой области встали на повестку дня только осенью 1918 г., когда комплектование Красной армии было поставлено на основу *всеобщей воинской обязанности* граждан (или, как тогда по инерции продолжали говорить, «всеобщей воинской *повинности*»). Неизбежно возникали ситуации *принуждения* к военной службе той или иной этнической группы.

Для определения места и роли нерусского населения в комплектовании Красной армии нужно принять во внимание географию Гражданской войны 1918–1921 гг. в России. Наиболее интенсивный численный прирост РККА пришелся на первые два года войны – до начала 1920 г. Основная тяжесть военных призывов этого периода падала на центральные губернии с почти монолитно русским населением, и особенно на крупнейшие промышленные центры страны – Москву и Петроград. Например, только по Москве и только в 1918 г. было призвано и отправлено в армию около 300 тыс. человек, что составило более трети от всех граждан, призванных в Советской России в этом году⁴¹⁸. На окраинах страны, в том числе национальных, и в прифронтовой зоне призывы проводились эпизодически и, как правило, по решению местных властей или фронтового командования. Исключение составлял регион Поволжья, где среди местного тюркоязычного и финно-угорского населения призывы в армию проводились и при прежней власти. Большевики призывали татарское население наравне с русским, в том числе в местностях, где ни то ни другое не были доминирующим этносом, например в Киргизском крае. Татарами, как и русскими, здесь замещали недобор по мобилизации среди казахов. При этом советские власти настаивали на сохранении традиции призыва татар, чтобы не вносить смуту в ряды тех, кто уже нес службу. Учитывался прежний опыт призыва в Русскую армию. Например, при обсуждении призыва татар Ялutorовского и Тюменского уездов Тобольской губернии начальник штаба Сибирского военного округа Е.О. Монфор и военком Кригер в качестве аргумента в пользу призыва сообщали в Реввоенсовет Республики: «Татары всегда призывались и всегда были хорошими солдатами, и вопрос их освобождения неминуемо затронет вопрос увольнения уже служащих в армии татар...»⁴¹⁹

В течение войны акцент смещался от добровольческих национальных формирований к обязательному призыву среди местных национальностей. В западных регионах мобилизации военнообязанных возрастов, как правило, проводились немедленно после утверждения в них советской власти. При этом власти Советской России стремились уравнивать их в отношении нарядов на пополнения с остальными военными округами. Весной 1919 г. это было объявлено в отношении Украины и Литовско-Белорусской республики. Особенно активно мобилизации развернулись в многонаселенных украинских губерниях. Украина давала именно тот ценнейший «людской материал», на котором испокон веков держалась Русская армия. Поэтому советская власть подходила к мобилизациям на Украине столь же основательно, как и в губерниях Центральной России.

С февраля 1919 г. в советизируемых губерниях Украины организовывались военно-окружные управления по штатам аналогичных управлений в Советской России. Постепенно, по мере «налаженности как аппарата власти, так и успокоения массы»⁴²⁰, разворачивалась работа по организации губернских, уездных и волостных военкоматов и учету военнообязан-

⁴¹⁷ Приказы РВСР № 4 от 11 сентября 1918 г. и № 6 от 22 сентября 1918 г., объявлявшие призыв на действительную военную службу «повсеместно всех граждан, родившихся в 1893–1897 гг.» (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 2, 5).

⁴¹⁸ Военный комиссариат города Москвы. История создания, становления, развития. М., 2006. С. 60.

⁴¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 212.

⁴²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 522. Л. 6.

ных, бывших офицеров, лошадей, повозок, пряжи. Уже к 15 мая 1919 г. только по четырем восточным губерниям (Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Донецкой) было взято на учет около 740 тыс. человек⁴²¹. К концу июня 1919 г. на учет в 41 уезде Украины было взято 903,4 тыс. человек⁴²². Численность запаса 22 подлежащих воинскому учету возрастов оценивалась Всероглаштабом в солидную цифру – 1875 тыс. человек⁴²³.

С марта 1919 г., сначала в Харьковской губернии, а затем, в апреле, по мере укрепления советских органов власти и военного управления, в Киеве, в восточных губерниях Украины (Полтавской, Екатеринославской, Донецкой) стали объявляться призывы граждан, не эксплуатирующих чужого труда. Первые мобилизации проводились в основном в крупных городах (Киев, Одесса, Харьков, Екатеринослав и др.) среди пролетариата и давали относительно неплохие результаты. Мобилизации в сельской местности, напротив, «по политическим причинам» и «ввиду скверного положения» пробуксовывали⁴²⁴

---

⁴²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 733. Л. 114.

⁴²² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 733. Л. 114.

⁴²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 522. Л. 6 об.

⁴²⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 226. Л. 92–93.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.